

Издательство
ТЕКСТ

Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation

THE ROLE OF THE EURASIAN AND LATIN AMERICAN INTEGRATION IN DECISION OF GLOBAL AND REGIONAL PROBLEMS

**This publication was prepared with the support of RFBR —
project 15-33-01214 «Regional integration of the Eurasian and
Latin American states: a comparative analysis»**

Moscow
TEXT

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

РОЛЬ ЕВРАЗИЙСКОЙ
И ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ
ИНТЕГРАЦИИ
В РЕШЕНИИ ГЛОБАЛЬНЫХ
И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Издание подготовлено при поддержке РФФИ —
проект 15-33-01214 «Региональная интеграция государств
Евразии и Латинской Америки: компаративный анализ»

Москва
ТЕКСТ

УДК 340.5:341.17:340.137.3:341.1
ББК 67
Р68

ФЗ № 436-ФЗ	Издание не подлежит маркировке в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 1
----------------	--

Рецензенты:

Чиркин В.Е. — д-р юрид. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;

Толстых В.Л. — д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой международного права юридического факультета Новосибирского государственного университета

Р68 Роль евразийской и латиноамериканской интеграции в решении глобальных и региональных проблем: сборник научных статей. — М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : 2017. — 194 с.

В сборнике сделан акцент на глобальных и региональных проблемах и роли международной региональной евразийской и латиноамериканской интеграции в их решении. Предлагаются к исследованию с позиции возможности решения при помощи интеграционных механизмов следующие системные проблемы: правовое обеспечение формирования таможенного союза, единого экономического пространства, общего рынка в рамках интеграционных объединений Евразии и Латинской Америки; роль практики судов интеграционных объединений в развитии интеграции на евразийском и латиноамериканском пространстве; унификация международного частного права в странах Евразии и Латинской Америки; перспективы и направления сотрудничества интеграционных объединений Евразии и Латинской Америки. Авторы исследуют влияние международной интеграции на развитие международного права, тенденции и перспективы развития регионального интеграционного права.

Проведенное исследование будет интересно специалистам в сфере сравнительного правоведения, общей теории права, международного публичного и частного права, а также всем интересующимся международной интеграцией, унификацией и гармонизацией права.

УДК 340.5:341.17:340.137.3:341.1
ББК 67

© Институт законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской
Федерации, 2017

Reviewers:

Chirkin V.E. — Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation;

Tolstykh V.L. — Doctor of Law, Professor, Head of the International Law Department of the Novosibirsk State University

The role of the Eurasian and Latin American integration in decision of global and regional problems: digest of scientific articles. — Moscow : Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation : RIOR, 2017. — 194 p.

The digest focuses on global and regional issues and the role of international regional integration (in Eurasia and Latin America) in their decision. The following systematic problems that can be solved by using the integration mechanisms are offered: legal support of forming of the customs union and the common economic area, the common market in the framework of integration associations in Eurasia and Latin America; the role of practice of the courts of integration associations in the development of integration in the Eurasian and Latin American space; unification of private international law in Eurasian and Latin American states; prospects and directions of cooperation of integration associations of Eurasia and Latin America. The authors explore the impact of international integration on the development of international law, trends and prospects of development of regional integration law.

The study and the findings will be of interest to specialists in the field of comparative law, general theory and methodology of law, public and private international law, as well as for anyone interested in development of interstate integration associations and harmonization of law.

СОДЕРЖАНИЕ

Коллектив авторов.	8
Введение. Интеграционные объединения Евразии и Латинской Америки: от формирования и развития к решению глобальных и региональных проблем. ...	10
<i>Залоило М.В., Струков К.В.</i> Общие черты развития латиноамериканской и евразийской интеграции в условиях глобализации	13
<i>Рафалюк Е.Е.</i> Влияние международной региональной интеграции на развитие отдельных вопросов теории международного права.	23
<i>Монтаньо Галарза Ц.</i> Тенденции, вызовы и перспективы развития интеграционного права в Латинской Америке	35
<i>Пареха Кукалон Ф.</i> Региональная интеграция в Латинской Америке: между замыслом и реальностью.	58
<i>Власова Н.В., Залоило М.В.</i> Анализ правового обеспечения формирования таможенного союза в рамках интеграционных объединений Евразии и Латинской Америки	77
<i>Муратова О.В.</i> Анализ правового обеспечения формирования Единого экономического пространства	92
<i>Рафалюк Е.Е.</i> Исследование роли практики судов интеграционных объединений в развитии интеграции на евразийском и латиноамериканском пространстве (в аспекте применения исключений из порядка функционирования внутреннего рынка товаров)	106
<i>Муратова О.В.</i> Проблемы унификации международного частного права в странах Евразии и Латинской Америки.	130
<i>Ермакова К.П., Алимова Д.Р.</i> Изучение перспектив и направлений сотрудничества интеграционных объединений Евразии и Латинской Америки.	144
Заключение.	157
Библиография	161
Официальные интернет-ресурсы	193

CONTENTS

Authors	8
Introduction. Associations of Eurasia and Latin America: from formation and development to decision of global and regional problems.	10
<i>Zaloilo M.V., Strukov K.V.</i> Common features of the development of the Latin American and Eurasian integration in the context of globalization	13
<i>Rafalyuk E.E.</i> The impact of international regional integration on the development of certain problems of the theory of international law	23
<i>Montaño Galarza C.</i> Trends, challenges and prospects of development of integration law in Latin America ..	35
<i>Pareja Cucalón F.</i> Regional integration in Latin America: between the idea and reality	58
<i>Vlasova N.V., Zaloilo M.V.</i> Analysis of the legal regulation of the formation of the customs unions in the Eurasian and Latin American integration associations	77
<i>Muratova O.V.</i> Analysis of the legal regulation of the formation of the common economic area	92
<i>Rafalyuk E.E.</i> Study of the role of practice of the courts of integration associations in the development of integration in the Eurasian and Latin American area (in terms of exemptions to the functioning of the internal market of goods)	106
<i>Muratova O.V.</i> The problems of unification of private international law in Eurasian and Latin American states	130
<i>Ermakova K.P., Alimova D.R.</i> A study of the prospects and directions of cooperation of integration associations in Eurasia and Latin America	144
Conclusions	157
Bibliography	161
Official Internet resources	193

КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ

Залоило Максим Викторович — старший научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Рафалюк Елена Евгеньевна — советник Секретариата Суда Евразийского экономического союза, кандидат юридических наук.

Алимова Дина Рифатевна — младший научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Власова Наталия Викторовна — научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Ермакова Ксения Петровна — старший научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Монтаньо Галарза Цезарь (Montaño Galarza César) — ректор и доцент Андского университета им. Симона Боливара в Эквадоре (UASB-E), доктор права, магистр международного экономического права, адвокат, доктор юриспруденции Университета UNL.

Муратова Ольга Вячеславовна — научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Пареха Кукалон Франсиско (Pareja Cucalón Francisco) — заведующий кафедрой региональной интеграции им. Германико Салгадо Андского университета им. Симона Боливара в Эквадоре (UASB-E)

Струков Константин Викторович — аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

AUTHORS

Zaloilo Maksim Viktorovich — senior research fellow of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of Russian Federation, PhD (Candidate of Science).

Rafalyuk Elena Evgenievna — counsellor of the Secretariat of the Court of the Eurasian Economic Union, PhD (Candidate of Science).

Alimova (Paigina) Dina Rifatovna — junior research fellow of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of Russian Federation.

Vlasova Nataliya Viktorovna — research fellow of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of Russian Federation.

Ermakova Kseniya Petrovna — senior research fellow of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of Russian Federation, PhD (Candidate of Science).

Montaño Galarza César — president and associate professor of Andean Simon Bolivar University in Ecuador (UASB-E), doctor of law, magister of the international economic law, advocate, doctor of jurisprudence of the University UNL (Ecuador).

Muratova Olga Vyacheslavovna — research fellow of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of Russian Federation, PhD (Candidate of Science).

Pareja Cucalón Francisco — head of the Germanico Salgado department of regional integration of Andean Simon Bolivar University in Ecuador (UASB-E).

Strukov Konstantin Viktorovich — post-graduate student of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of Russian Federation.

ВВЕДЕНИЕ.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЕВРАЗИИ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ: ОТ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ К РЕШЕНИЮ ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Настоящий сборник научных статей «Роль евразийской и латиноамериканской интеграции в решении глобальных и региональных проблем» продолжает серию научных исследований в рамках проекта РФФИ (РГНФ) 15-33-01214 «Региональная интеграция государств Евразии и Латинской Америки: компаративный анализ».

Так, в 2015 году коллективом молодых ученых Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Конституционного Суда Российской Федерации, Суда Евразийского экономического союза, а также зарубежными учеными из Аргентины, Бразилии и Эквадора был подготовлен сборник научных статей «Региональная интеграция государств Евразии и Латинской Америки: компаративный анализ»¹, в 2016 году — опубликована монография «Региональные интеграции государств Евразии и Латинской Америки: публично-правовые и частноправовые аспекты»², в 2017 — глоссарий юридических терминов евразийской и латиноамериканской интеграции: словарь-справочник³.

В предыдущих работах исследователи обосновали общие и особенные черты в истории и развитии латиноамериканской и евразийской интеграции, предложили перспективы взаимодействия

¹ Региональная интеграция государств Евразии и Латинской Америки: компаративный анализ: Сб. науч. статей. М.: 2015.

² Региональные интеграции государств Евразии и Латинской Америки: публично-правовые и частноправовые аспекты: монография / М.В. Залоило, Е.Е. Рафалюк, Н.В. Власова [и др.]. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: 2016.

³ Глоссарий юридических терминов евразийской и латиноамериканской интеграции: словарь-справочник / сост. Н.В. Власова, М.В. Залоило, О.В. Муратова, Е.Е. Рафалюк. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: 2017.

интеграционных объединений Латинской Америки и Евразийского экономического союза. Основное внимание было уделено анализу формирования и развития интеграционных объединений и единого правового пространства Евразии и Латинской Америки. Кроме того, авторы провели исследование публично-правовых и частноправовых аспектов интеграционных процессов в Евразии и Латинской Америке, изучили правовые модели интеграционных объединений государств указанных регионов. В качестве «отправной точки» анализа был взят курс на многоаспектность исследования интеграции с позиции правового, экономико-правового, политико-правового и философско-правового анализа.

В процессе сравнительного изучения документов наднациональных интеграционных объединений государств Евразии и Латинской Америки возникла необходимость восполнить пробел и разработать словарь-справочник, содержащий базовые для теории и практики евразийской и латиноамериканской интеграции термины и ориентирующий исследователя в системе сложных юридических категорий современных интеграционных процессов. Категориальный анализ базовых понятий позволил сформулировать представление об основных аспектах региональной интеграции в Евразии и Латинской Америке.

Представленный сборник научных статей ставит новую цель при изучении интеграционных процессов — проанализировать роль и значение международной региональной интеграции в решении наиболее актуальных глобальных и региональных проблем.

Акцент на проблемах и роли интеграции в их преодолении придает новый ракурс изучению интеграционной тематики.

С точки зрения философии проблема (от греч. *πρόβλημα* — преграда, трудность, задача) — это объективно возникающий в ходе развития познания вопрос или целостный комплекс вопросов, решение которых представляет существенный практический или теоретический интерес. В целом развитие человеческого познания может быть представлено как переход от постановки проблем к их решению, а затем к постановке новых проблем. В силу комплексного характера проблем современных социальных наук, к которым относится и право, особое значение для анализа строения и динамики проблем приобретают системные методы.

Полагаем, что избранный проблемный подход к исследованию интеграционных процессов позволит выявить системные соци-

ально-экономические проблемы, характерные для латиноамериканского и евразийского регионов, проанализировать существующие интеграционные механизмы, направленные на их преодоление, а также выявить тенденции развития данных интеграционных механизмов и предложить иные возможные пути решения наиболее актуальных проблем при помощи методов интеграции.

Авторами сборника предлагаются следующие системные проблемы для исследования:

влияние международной интеграции на развитие международного права;

тенденции и перспективы развития регионального интеграционного права;

правовое обеспечение формирования таможенного союза, единого экономического пространства, общего рынка в рамках интеграционных объединений Евразии и Латинской Америки;

роль практики судов интеграционных объединений в развитии интеграции на евразийском и латиноамериканском пространстве;

унификация международного частного права в странах Евразии и Латинской Америки;

перспективы и направления сотрудничества интеграционных объединений Евразии и Латинской Америки.

Выражаем надежду, что поставленные вопросы и намеченные пути их разрешения при помощи средств интеграции будут способствовать продвижению науки в исследовании актуальных общественных проблем, а также достижению главной цели международной региональной интеграции — повышения уровня благосостояния стран и уровня жизни людей в результате сотрудничества государств.

М.В. Залоило, Е.Е. Рафалюк

Общие черты развития латиноамериканской и евразийской интеграции в условиях глобализации

(М.В. Залоило, К.В. Струков)

Интеграционные процессы в условиях глобализации являются неотъемлемой составляющей жизни современных государств, свойственны они и для стран Евразии и Латинской Америки.

Сопоставимость общих и особенных черт в развитии латиноамериканской и евразийской интеграции создает предпосылки для проведения сравнительно-правового и сравнительно-исторического анализа¹.

Анализ современного состояния исследований по данной научной проблеме показывает, что интеграция в российской правовой доктрине представляет собой комплексный объект исследования, который изучается рядом юридических наук, в том числе теорией государства и права, сравнительным правоведением, международным публичным правом, международным частным правом и другими отраслевыми юридическими науками. Если в отечественной правовой доктрине «право интеграционных объединений» рассматривается как региональное международное право, то в зарубежной оно изучается в качестве автономного правового порядка (интеграционного права, коммунитарного права). В этом ключе проблемы интеграционного права рассматривались, например, такими учеными, как: Алонсо Гарсия (Alonso R. García), Альварес Гарсия (Alvares J. García), Р. Барра (R. Barra), М.А. Экмекдиан (M.A. Ekmekdjian), С. Фельдштейн (S. Feldstein), П. Отермин (Pérez J. Otermin), П. Пескаторе (P. Pescatore), У. Рестрепо (Uribe F. Restrepo) и др.

В российской юридической науке традиционно уделяется внимание рассмотрению таких аспектов интеграции, как обеспечение

¹ См. об этом в частности: Региональная интеграция государств Евразии и Латинской Америки: компаративный анализ: Сб. науч. статей. М.: , 2016; Региональные интеграции государств Евразии и Латинской Америки: публично-правовые и частноправовые аспекты: монография. М.: , 2016; Глоссарий юридических терминов евразийской и латиноамериканской интеграции: словарь-справочник / сост. Н.В. Власова, М.В. Залоило, О.В. Муратова, Е.Е. Рафалюк. М.: 2017.

государственного суверенитета в условиях интеграции, пределы делегирования внутригосударственных полномочий на наднациональный уровень, распределение компетенции между национальными и наднациональными структурами, разрешение коллизий между наднациональными и внутригосударственными правовыми регуляторами (А.Я. Капустин, Ю.С. Кашкин, И.И. Лукашук, О.И. Тиунов, Ю.А. Тихомиров, Т.Я. Хабриева, В.Е. Чиркин и др.).

Приоритетным направлением исследований остается изучение унификации и гармонизации международного частного права в условиях интеграции государств.

Общетеоретические вопросы унификации международного частного права отражены в работах дореволюционных отечественных ученых — Л.А. Комаровского, А.Н. Мандельштама, Ф.Ф. Мартенса, в трудах советских и российских ученых — С.В. Бахина, М.И. Брагинского, Н.Г. Вилковой, И.А. Грингольца, Г.К. Дмитриевой, Н.Г. Дорониной, В.П. Звекова, О.П. Коровиной, С.Н. Лебедева, Л.А. Лунца, А.Л. Маковского, О.Н. Садикова, Н.А. Шебановой и др.

Унификацию международного частного права изучали специалисты в области сравнительного правоведения: зарубежные ученые — М. Ансель, Р. Давид, А.Х. Саидов, К. Цвайгерт и Х. Кетц; российские авторы — С.С. Сафронова, Ю.А. Тихомиров, А.А. Тилле и др. Унификации международного частного права в рамках интеграционных объединений посвящены научные работы российских ученых-юристов — А.А. Маковской, Л. Неделина, Г.А. Паркерман.

Методы унификации международного частного права в условиях интеграции государств исследовали латиноамериканские авторы — Ф. Арроя (F. Arroyo), А. Вильяльта (A. Villalta), Марко Герардо Монрой Кабра (Marco Gerardo Monroy Cabra), Хоакин Каиседо Кастилья (Joaquín Caicedo Castilla), Г. Парра-Арангурен (G. Parra-Aranguren), Татьяна Маекельт (Tatiana Maekelt), А.М. Гарро (A.M. Garro) и др. Одна из первых работ в области изучения влияния судов на развитие интеграции на примере Суда Европейских Сообществ была подготовлена М.Л. Энтиным.

На современном этапе вопросам организации и практики деятельности судов интеграционных объединений посвящается все большее число научных трудов видных представителей отечественной юридической науки: Т.Н. Нешатаевой, А.С. Смбатян,

В.Л. Толстых и др. Имеются исследования по данной тематике и у зарубежных авторов — А.М. Пуньялы, Г.Ч. Лизкано и др.

Говоря о границах настоящего исследования, следует отметить, что под евразийской интеграцией понимаются интеграционные процессы, осуществляемые на территории постсоветского пространства под эгидой Российской Федерации, что связано с тем, что после распада СССР в качестве идейной основы построения нового формата межгосударственного сотрудничества России и бывших союзных республик была взята в том числе концепция «Евразии» как особого наднационального объединения, имеющего собственный культурно-исторический путь развития, основанный на духовных традициях народов, проживающих на ее территории. Латиноамериканская интеграция ограничивается интеграционными процессами, имеющими место на территории всей Латинской Америки.

Развитие интеграции в современном мире обусловило появление новых форм общения государств — межгосударственных интеграционных объединений, т.е. групп государств, объединенных на основе международного договора для достижения целей интеграции.

Интеграционное объединение представляет собой международную организацию, так как его международная правовая характеристика соответствует основным признакам последней как субъекта международного права. В то же время четко сформулированная цель (сотрудничество государств для достижения интеграции (сближения) в различных областях), комплексность поставленных задач (повышение уровня социально-экономического развития стран-членов), а также характерная система органов (совещательный орган по типу высшего совета или парламента; исполнительный орган в виде высшей комиссии; судебный орган) позволяют говорить о некоторой специфике интеграционных объединений как особого вида международных организаций.

Не вызывает сомнения, что интеграционные процессы в указанных регионах (Евразия и Латинская Америка) обладают своими особенностями исторического, культурного, социального, экономического и политического характера¹. Однако, признавая бесспорное наличие географической отдаленности латиноамерикан-

¹ См.: Региональная интеграция государств Евразии и Латинской Америки: компаративный анализ. М., 2016. С. 65–89, 166–175.

ского и евразийского регионов, а также уникальность интеграции в каждом из них, следует констатировать наличие схожих черт в их характеристике. На идеологическом уровне можно говорить о том, что в развитии латиноамериканской и евразийской интеграции имеет место сильная опора на национально-патриотические идеи единства нации, апеллирование к наличию индивидуального культурно-исторического типа развития.

Отношение евразийской и латиноамериканской интеграций к Западному миру двояко: с одной стороны наблюдается тесное сотрудничество со странами Северной Америки и Европы по самому широкому спектру вопросов (экономических, политических, духовно-культурных и т.д.), а с другой стороны — противостояние различным формам экспансии, к которым прибегали западные партнеры. В частности, для идейного развития стран Латинской Америки важное значение имеет национально-освободительное движение, борьба за независимость латиноамериканских народов от западной агрессии, что находит прямое отражение во многих идейных течениях (боливариизм, кастризм, социализм, фокизм, альтерглобализм и т.д.), получивших свое развитие в рамках конкретных интеграционных проектов (АЛБА, Андское сообщество и т.д.). Для идейного развития интеграционных проектов, осуществляемых в странах Евразии, важное значение приобрела проблема дихотомии «Восток — Запад», вопросы четкой формулировки и отстаивания национальных интересов стран — участниц интеграционных проектов.

Экспансионистские устремления некоторых западных стран, прежде всего США, являются фактором, удерживающим на идейном уровне страны Латинской Америки и Евразии от принятия неоимпериалистической мировоззренческой установки Соединенных Штатов Америки, при которой интересы данных стран будут сильно ущемлены, и одновременно служат мощным стимулом для активизации процессов международного сотрудничества, базирующихся на паритетных и взаимовыгодных началах.

В то же время интеграционные проекты на территории Латинской Америки и Евразии строятся на либеральных концептах экономического сотрудничества, создания зон свободной торговли, общего рынка, протекционистской тарифной политике, копировании системы органов управления, характерных для интеграционного процесса, протекавшего в ходе становления Европейского

Союза¹. Магистральное направление развития сотрудничества между интеграционными объединениями Латинской Америки и Евразии в этой связи представляется как поиск путей, направленных в первую очередь на развитие экономического потенциала стран — участниц таких объединений².

При этом схожесть мировоззренческих установок призвана лишь способствовать поиску вариантов совместных действий для достижения цели экономического усиления стран — участниц интеграционных процессов. Экономика является основной конечной целью реализации интеграционных проектов. Наиболее простые формы интеграции в экономической сфере — это создание зон свободной торговли. Более сложной формой представляется таможенный союз, поскольку в большей степени затрагивает вопросы протекционистской политики национальных государств, направленной на защиту собственных производителей товаров, работ и услуг от иностранной торговой экспансии. Самая высшая ступень экономического сотрудничества в рамках интеграционных процессов — это создание общего рынка и единой валюты³.

¹ Вместе с тем, несмотря на заимствование опыта интеграции в ЕС, интеграционные объединения латиноамериканских государств во многом самобытны (см.: Региональные интеграции государств Евразии и Латинской Америки: публично-правовые и частноправовые аспекты. С. 75).

² О моделях интеграционных объединений государств Евразии и Латинской Америки и типах сотрудничества в зависимости от той или иной формы обеспечения экономической интеграции см.: Рафалюк Е.Е., Залоило М.В., Власова Н.В. Правовые модели интеграционных объединений государств Евразии и Латинской Америки // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 2. С. 103–113; Они же. Понятия, виды и формы евразийского и латиноамериканского интеграционных объединений (сравнительно-правовой анализ) // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 154–168; Они же. Опыт интеграции и гармонизации евразийского и латиноамериканского правового пространства: компаративный анализ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 6. С. 1029–1041.

³ Подробнее см.: Рафалюк Е.Е., Залоило М.В., Власова Н.В. Правовые модели интеграционных объединений государств Евразии и Латинской Америки // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 2. С. 103–113.

При этом страны — участницы интеграционных процессов как на территории Евразии, так и на территории Латинской Америки, стремятся к максимально возможной экономической интеграции, однако часто данные процессы приостанавливаются из-за опасений ущемления торгово-экономических интересов отдельно взятых национальных государств, участвующих в интеграции.

Основными формами латиноамериканской экономической интеграции в современный период являются зона свободной торговли и таможенный союз. Общий рынок как форма экономического сотрудничества латиноамериканских стран — явление формирующееся, несмотря на его провозглашение в уставных документах МЕРКОСУР и Андского сообщества.

ЕАЭС является объединением наднационального типа с формирующимся общим рынком. Помимо отмены таможенных пошлин во взаимной торговле, что является основой зоны свободной торговли, в рамках ЕАЭС также действует единый таможенный тариф в торговле с третьими странами, формируются единые рынки товаров, услуг и капиталов и завершается формирование единого рынка в целом, т.е. осуществляется функционирование экономического союза. Это не просто международная организация, а определенное экономическое пространство (общий рынок, проведение скоординированной, согласованной или единой отраслевой политики), которое с учетом его правовых основ можно назвать экономико-правовым пространством¹.

Таким образом, можно подчеркнуть, что пока ни в Латинской Америке, ни в Евразии не достигнуто глубоких форм интеграции, однако отмечается стремление к созданию интеграционных объединений наднационального типа и общего рынка.

К схожим чертам в развитии евразийской и латиноамериканской интеграции следует отнести наличие многочисленных интеграционных объединений, различных по своим реализуемым за-

¹ Залоило М.В. Правовое пространство евразийских интеграционных объединений: история становления, современное состояние и тенденции развития // Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики / Сборник тезисов по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня основания Южного федерального университета. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2015. Т. 1. С. 36–37.

дачам и организационно-правовому устройству. Для евразийского пространства среди таковых можно назвать ЕАЭС, СНГ, СРБ, ОДКБ. Применительно к Латинской Америке это, например, МЕРКОСУР, Андское сообщество, УНАСУР, Карибское сообщество, Центральноамериканское сообщество¹.

Важно отметить, что подавляющее большинство объединений Латинской Америки и Евразии являются международными организациями координационного типа либо находятся на переходном этапе: от интеграционного объединения координационного типа к наднациональному интеграционному объединению.

В то же время можно отметить наличие как в Латинской Америке, так и в Евразии быстрых переходов от одной формы интеграции к другим, более развитым, т.е. констатировать наличие некоего эволюционного пути развития данных процессов. На территории Евразии Зона свободной торговли довольно быстро трансформировалась в Таможенный союз, а он в свою очередь — в Евразийский экономический союз. Общий рынок стран Южной Америки (МЕРКОСУР) находится на «переходном» этапе: от международной организации координационного типа к наднациональному интеграционному объединению. Если ранее о движении МЕРКОСУР по наднациональному пути не могло быть и речи (в силу расхождений между государствами-участниками по этому вопросу), то в настоящее время предпринимаются отдельные шаги в этом направлении. С этим связано проведение на современном этапе реформы Парламента МЕРКОСУР (ПАРЛАСУР), которую предполагается завершить к 2019 году. Основная идея реформы заключается в достижении «эффективной наднациональности», когда законодательная власть в региональном парламенте организуется по типу национальных конгрессов. Кроме того, к 2019 году предполагается создать Суд Южной Америки.

Создание гармонизированного (т.е. единообразного, непротиворечивого) правового пространства — цель каждого межгосударственного интеграционного объединения. Важной чертой интеграционных процессов в Латинской Америке и Евразии являет-

¹ См.: Региональная интеграция государств Евразии и Латинской Америки: компаративный анализ. С. 13–34; Региональные интеграции государств Евразии и Латинской Америки: публично-правовые и частноправовые аспекты. С. 20–94.

ся деятельность по унификации и гармонизации права в рамках интеграционных объединений. Это обусловлено тем, что процесс построения правового пространства, обеспечивающего единство таможенно-тарифного, налогового, антимонопольного, торгового правового регулирования, невозможен без процесса приведения норм международного и национального права стран-участниц к единым стандартам, обеспечивающим высокую степень эффективности их взаимодействия.

Одной из главнейших целей гармонизации права интеграционных объединений является формирование коммунитарного права, представляющего собой автономную правовую систему, которая применяется на основе принципов прямого действия, непосредственного применения и верховенства над нормами внутреннего законодательства государств — членов интеграционного объединения¹. При этом следует констатировать, что большинство интеграционных объединений Латинской Америки и Евразии находятся лишь в начале построения коммунитарного права.

На современном этапе можно сделать вывод о формировании интеграционного права, обеспечивающего сам механизм интеграции. В целом унификация права в интеграционных объединениях Евразии и Латинской Америки представляет собой движение к гармоничному взаимодействию различных правовых систем, обеспечивающему единообразное правовое регулирование. Опыт гармонизации евразийского и латиноамериканского правового пространства имеет некоторые общие черты: разнообразие используемых методов и форм унификации и гармонизации права, особый их порядок.

Важно отметить, что взаимное построение единой правовой системы — это тот путь, по которому должны идти субъекты глобализации, потому что он основывается на признании каждого субъекта глобализации, имеющего свое правовое пространство. При этом предполагается, что теория и практика динамично и глубоко взаимодействуют друг с другом. Взаимное построение единой системы может в свою очередь пойти также двумя путями: либо путем согласования интересов, либо путем компромисса.

¹ О развитии интеграционного и коммунитарного права см.: Региональные интеграции государств Евразии и Латинской Америки: публично-правовые и частноправовые аспекты. С. 127–144.

Международное право, как известно, тоже создается в процессе согласования воли сторон международных отношений, установления их общеобязательного характера.

Единое правовое пространство также обуславливает развитие системы судов интеграционных объединений, что имеет место как в Латинской Америке (Андский суд, Центральноамериканский суд, Карибский суд, суд МЕРКОСУР), так и на территории Евразии (прежде всего суд ЕАЭС).

Полагаем, что процессы региональной интеграции на территории Латинской Америки и Евразии могут быть дополнены за счет усиления сотрудничества между интеграционными объединениями.

В первую очередь такое сотрудничество должно быть направлено на усиление торговых связей между государствами двух континентов. Перспективным с точки зрения экономики представляется заключение международных соглашений о создании зон свободной торговли между ЕАЭС и региональными интеграционными объединениями Латинской Америки. Также перспективным направлением сотрудничества представляется создание совместных предприятий и центров развития предпринимательства¹.

Экономическая интеграция как стран Латинской Америки, так и стран Евразии ввела в практику систему наднационального регулирования, согласно которой функции, переданные наднациональным органам, позволяют управлять экономикой государства извне. Пределы наднационального регулирования определяются теми полномочиями, которые государства — участники интеграционного процесса передают наднациональному регулятору как единому центру, принимающему решения по выработке согласованной экономической политики, обязательные на территории всех государств, составляющих единое экономическое пространство. Безусловно, экономическая интеграция предполагает единообразие не только норм частного права, но и, как было отмечено выше, норм публичного (административного) права, от степени согласованности которых во многом и зависят успехи интеграционного объединения.

¹ Иваненко С.В. Экономический механизм социалистической интеграции: автореф. дисс. канд. эконом. наук. М., 1984.

Актуальным является и ведение работы в области обмена опытом функционирования органов интеграционных объединений (судов, комиссий, рабочих групп и т.д.) Евразии и Латинской Америки в форме направления официальных делегаций, проведения стажировок по обмену и совместных научно-практических семинаров.

Перспективным направлением выглядит создание совместных научно-исследовательских проектов, направленных на углубленное изучение экономико-правовых систем государств Латинской Америки и Евразии, их сопоставление, разработку общих рекомендаций и стратегий развития.

Полагаем, что углубление сотрудничества в рамках двух континентов будет способствовать продвижению нового формата многополярного управления, усилению влияния Российской Федерации в международном политическом общении и при принятии решений в международных организациях¹.

¹ Барис В.В. Тенденции и перспективы геополитического развития России на рубеже веков. Автореф. дисс. докт. полит. наук. М., 2003.

Влияние международной региональной интеграции на развитие отдельных вопросов теории международного права

(Е.Е. Рафалюк)

Осознать важность интеграции для современного общества — непростая задача, так как для оценки роли того или иного события, явления в историческом плане требуется время.

Интеграция как процесс, означающий реализацию мер, призванных устранить дискриминацию между национальными хозяйствами (Б. Балашша)¹, как форма интернационализации хозяйственной жизни, переплетения национальных хозяйств, объединения их в единое экономическое пространство в рамках замкнутой территории, проведения согласованной межгосударственной экономической политики, создания региональных интеграционных объединений², — явление молодое, получившее свое распространение во второй половине XX — начале XXI века.

Хотя существует и иной подход к определению истоков интеграции, в соответствии с которым данное понятие³ как объединение частей в целое распространяется на консолидацию государств в различные союзы начиная еще с древних времен.

Представляется, что понимание региональной интеграции как явления современной действительности связано с рассмотрением интеграции в качестве элемента глобального мира; механизма, посредством которого региональные рынки встраиваются в глобальную экономику.

Отдельные замечания о влиянии интеграции на развитие права могут быть сделаны уже в настоящее время. Право эволюционирует вместе с развитием общества и общественных отношений⁴.

¹ См.: Костюнина Г.М. Международная экономическая интеграция (лекция). МГИМО (Университет) МИД РФ // <http://www.siriostudent.narod.ru/nnn.pdf>.

² Шумилов В.М. Международное экономическое право. М., 2011. С. 190.

³ Интеграция, от лат. *integratio* — «соединение».

⁴ Черниговская Т.В., д-р филол. наук, д-р биол. наук, в своих выступлениях неоднократно говорила о новом типе современной цивилизации, характеризующейся «текучестью, подвижностью и прозрачностью», в которой «смешены» традиционно понимаемые категории времени и пространства.

Новые нормы права создаются обществом в ответ на возникшую потребность в регулировании того или иного общественного отношения. Как отметил профессор И.И. Лукашук: «Право порождается обществом для обслуживания его интересов. В этом смысл римской максимы *ibi societas, ubi jus* (где общество, там и право)»¹.

Формирование доктрины, обосновывающей интеграцию, повлияло на модификацию основополагающих положений теории права и государства. В их числе — развитие концепции суверенитета государства, обосновывающей возможность передачи части суверенных полномочий на наднациональный уровень; обоснование «коммунитета» («коллективного» суверенитета), приобретаемого интеграционным объединением в силу передачи ему государствами части суверенных полномочий; изменение системы властных органов в результате передачи сфер внутригосударственного регулирования на наднациональный уровень; формирование правовых систем интеграционных объединений и др.²

Теоретическим базисом интеграции стал функционализм, ключевая особенность которого заключается в рассмотрении общественных процессов через призму «функции», которая выступает независимой переменной, определяющей структуру общества, а не наоборот, как в традиционных теориях³.

Вопрос о влиянии международной региональной интеграции на развитие международного права как науки и как системы права сложный. Краеугольным камнем в нем является проблема определения сущности и правовой природы права (правовой системы) интеграционного объединения.

Право Европейского союза, оформившееся в самостоятельную, автономную правовую систему, начинало свое развитие с коммунитарного права (права Европейских сообществ). В современных интеграционных объединениях Латинской Америки, которые пока

¹ Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. М., 2005. С. 12.

² Традиционно сложившаяся в теории права классификация правовых систем (на романо-германскую, англосаксонскую, мусульманскую, и др.) дополнена новым видом — «правовыми системами интеграционных объединений» (Ю.А. Тихомиров, В.И. Лафитский). (См.: Крысенкова Н.Б., Рафалюк Е.Е. Проблемы сравнительного правоведения в условиях интеграции государств // Журнал российского права. 2013. № 3.)

³ См.: Толстых В.Л. Функционализм: основные положения и критика // Российский юридический журнал. 2015. № 5. С. 71–80.

не достигли глубины экономического союза, право интеграционного объединения именуется интеграционным либо коммунитарным правом¹.

Наиболее устоявшейся и поддерживаемой специалистами в области права Европейского союза (далее — ЕС) является позиция, согласно которой право ЕС есть автономная, самостоятельная правовая система, применяемая на основе принципов верховенства, прямого действия, непосредственного применения².

В литературе описаны иные подходы к пониманию права интеграционного объединения как имеющего комплексную правовую природу, включающую в себя элементы международного и внутригосударственного права³, а также рассматривающие право интеграционного объединения как часть международного права, именуя его региональным международным правом⁴.

Представляется, что вышеуказанные научные дискуссии имеют в первую очередь теоретическое значение и вызваны необходимостью изучения факторов, влияющих на развитие системы регулирования международных отношений, обоснования выводов об изменении системы международного права, разработки прин-

¹ Интеграционное право представляет собой совокупность норм, правил и ценностей, которые регулируют процессы интеграции и таким образом обеспечивают их развитие. Когда же интеграционное право приобретает черты наднациональности, появляется коммунитарное право, являющееся эволюционной категорией от интеграционного права. Таким образом, коммунитарное право — это возвышенная (или развитая) форма интеграционного права (Midón Mario A. R. Derecho de la Integración. Aspectos institucionales del Mercosur. Buenos Aires. 1998. P. 50–51).

² См., например, Кашкин С.Ю. Право Европейского союза. М., 2015; Европейское право. Право Европейского союза и правовое обеспечение защиты прав человека / отв. ред. Л.М. Энтин. М., 2008.

³ Энтин М.Л. Суд Европейских сообществ: правовые формы обеспечения западноевропейской интеграции. М., 1987. С. 18; Олтеану О.М. Правовой механизм эволюции ЕЭС к наднациональным федеративным структурам // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1993. № 1. С. 44.

⁴ Бирюков М.М. Европейский союз, Европейская конституция и международное право. Саратов, 2006. С. 28, 110, 166; Капустин А.Я. Международные проблемы природы и действия права Европейского союза // Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 15; Маргиев В.И. О некоторых особенностях внутреннего права Европейских сообществ // Правоведение. 1999. № 1. С. 209, 213–214.

ципов взаимодействия различных международных правовых регуляторов. Отмеченная тематика, безусловно, важна и в преподавании при изложении студентам высших учебных заведений вопросов о системе и структуре международного права (по курсу «Международное право»), о правовой природе права ЕС (в рамках курса «Право Европейского союза»).

Представляется, что для юридической практики более важным является признание тезиса о том, что какой бы подход к проблеме соотношения международного права и правовых систем региональных интеграционных объединений не был избран, важно учитывать их взаимосвязь и взаимодействие. Особого внимания данный вывод заслуживает при решении сложных международно-правовых коллизий (при «столкновении» источников международного и регионального права), когда юридическая коллизия не может быть решена посредством применения традиционных способов преодоления коллизий, либо имеет место пробел в праве. В этом случае приоритетная роль должна быть отдана императивным нормам общего международного права, носящим характер *jus cogens*; общим принципам права, признанным цивилизованными нациями.

Анализируя вопрос соотношения международного и европейского права, проф. Е.Ф. Довгань сделала заключение о различиях объекта регулирования международного и европейского права, их субъектов, источников, сферы применения, механизма нормотворчества и др.¹

В рамках настоящей статьи автор попыталась посмотреть на данную проблему в ракурсе «влияния интеграции на развитие международного права» и в итоге пришла к выводу о расширении его предмета, метода регулирования, состава источников и субъектов.

Предмет. Объектом международного права, по мнению проф. И.И. Лукашука, являются межгосударственные отношения, для которых свойственно то, что их субъекты независимы от какой бы то ни было власти и обладают высшей, суверенной властью.

¹ Довгань Е.Ф. Правовая природа права Европейского союза // http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/5887/1/dovgan_2010_2_IL_issues.pdf.

Предметом международно-правового отношения является все то, по поводу чего стороны вступают в правоотношение¹.

В связи с тем что международные организации вмешиваются во все новые и новые сферы общественной жизни, предмет регулирования международного права постоянно расширяется².

Основываясь на данном подходе, можно сделать вывод о том, что развитие интеграции повлияло на расширение предмета международного права. Так, государства вступают в новые для них отношения по поводу того, что передано ими на уровень совместного регулирования в интеграционном объединении. Например, в рамках Евразийского экономического союза³ (далее — ЕАЭС, Союз) обеспечивается проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее — Договор о ЕАЭС) и международными договорами в рамках Союза. К единому регулированию в ЕАЭС отнесено, например, таможенно-тарифное и нетарифное регулирование; общие принципы и правила конкуренции. В области транспортной сферы осуществляется согласованная политика; скоординированная политика реализуется в сфере энергетики.

Метод. Традиционный метод международного публичного права, построенный на основе согласования воль государств и являющийся методом децентрализации, в условиях интеграции дополнен власт-

¹ Предметом, например, могут быть действия (договор о сотрудничестве), воздержание от действий (договор о ненападении), материальные и нематериальные блага. Такого рода предметы входят в понятие «международное отношение». Отношение не может быть беспредметным. Оно всегда осуществляется по поводу чего-либо (См.: Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. М., 2005).

² См.: Толстых В.Л. Курс международного права. М., 2010.

³ Евразийский экономический союз — международная организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью и учрежденная Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года. В ЕАЭС обеспечивается свобода движения товаров, а также услуг, капитала и рабочей силы и проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики. Государства — члены ЕАЭС: Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация.

ным методом регулирования (централизации), подразумевающим принятие решений единоличными органами интеграционных объединений (например, Евразийской экономической комиссией, являющейся постоянно действующим регулирующим органом ЕАЭС).

Источники. Под влиянием интеграции модифицировался состав источников международного права за счет появления новых видов традиционных источников международного права:

в числе международных договоров выделяются международные договоры об интеграции, представляющие собой уставные документы (конституции) интеграционных объединений;

в числе решений международных организаций — акты органов интеграционных объединений, обладающие обязательной либо рекомендательной силой; применяемые напрямую в государствах — членах интеграционных объединений либо нуждающиеся в их инкорпорировании в национальное законодательство.

Многие интеграционные объединения на договорном уровне закрепляют понятие «права интеграционного объединения», его элементы, юридическую силу, соотношение источников. Так, в пункте 1 статьи 6 Договора о ЕАЭС указывается, что право Союза составляют: Договор о ЕАЭС; международные договоры в рамках Союза; международные договоры Союза с третьей стороной; решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках их полномочий, предусмотренных Договором о ЕАЭС и международными договорами в рамках Союза¹.

¹ В статье 6 Договора закреплены правила о соотношении источников права Союза:

«2. Международные договоры Союза с третьей стороной не должны противоречить основным целям, принципам и правилам функционирования Союза.

3. В случае возникновения противоречий между международными договорами в рамках Союза и настоящим Договором приоритет имеет настоящий Договор.

Решения и распоряжения органов Союза не должны противоречить настоящему Договору и международным договорам в рамках Союза.

4. В случае возникновения противоречий между решениями Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии:

В этом же пункте статьи 6 Договора о ЕАЭС предусматривается, что решения Высшего Евразийского экономического совета и Евразийского межправительственного совета подлежат исполнению государствами-членами в порядке, предусмотренном их национальным законодательством. Следовательно, нормой Договора о ЕАЭС устанавливается имплементационный механизм исполнения решений Высшего и Межправительственного советов.

В то же время согласно пункту 13 Положения о Евразийской экономической комиссии (Приложение № 1 к Договору о ЕАЭС) решения Комиссии¹ подлежат непосредственному применению на территориях государств-членов. То есть имплементации решений Комиссии не требуется.

В сравнительно-правовом аспекте интересно заметить, что в МЕРКОСУР закреплена иная норма, согласно которой источниками права МЕРКОСУР являются: I — Асунсьонский договор, протоколы к нему и дополняющие или сопутствующие правовые акты; II — Соглашения, заключенные в рамках Асунсьонского договора и протоколов к нему; III — Решения Совета Общего рынка, Резолюции Группы Общего рынка и Директивы Комиссии по торговле МЕРКОСУР, принятые со времени вступления в силу Асунсьонского договора (статья 41 Протокола Оуро Прето от 17 декабря 1994 года, являющегося Дополнительным протоколом к Асунсьонскому договору об институциональной структуре МЕРКОСУР от 26 марта 1991 года). Статья 42 этого же Протокола предписывает, что нормы, устанавливаемые органами МЕРКОСУР, предусмотренными в статье 2 данного Протокола²,

решения Высшего Евразийского экономического совета имеют приоритет над решениями Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии;

решения Евразийского межправительственного совета имеют приоритет над решениями Евразийской экономической комиссии».

¹ В соответствии с пунктом 13 Положения о Евразийской экономической комиссии (Приложение № 1 к Договору о ЕАЭС) Комиссия в пределах своих полномочий принимает решения, имеющие нормативно-правовой характер и обязательные для государств-членов, распоряжения, имеющие организационно-распорядительный характер, и рекомендации, не имеющие обязательного характера.

² В статье 2 Протокола говорится о том, что органами МЕРКОСУР с правом принятия решений, межгосударственного характера являются: Совет Общего рынка, Группа Общего рынка и Комиссия по торговле МЕРКОСУР.

будут иметь обязательный характер и при необходимости будут инкорпорированы в национальные законодательства посредством процедур, предусмотренных законодательством каждого государства.

В соответствии со статьей 1 Договора об учреждении Суда Андского сообщества от 28 мая 1996 года правовой порядок Андского сообщества образуют: а) Картахенское соглашение, Протоколы и дополнительные Инструменты к нему; б) Договор об учреждении Суда Андского сообщества и его Модифицирующие Протоколы; в) Решения Андского совета министров иностранных дел и Комиссии Андского сообщества; г) Резолюции Генерального секретариата Андского сообщества; и д) Соглашения промышленного характера и другие соглашения, которые принимаются государствами-членами между собой и в рамках процесса субрегиональной андской интеграции. Согласно статье 2 Договора решения являются обязательными для стран-членов со дня их принятия Андским советом министров иностранных дел или Комиссией Андского сообщества. Решения Совета министров иностранных дел или Комиссии, Резолюции Генерального секретариата, как устанавливает статья 3 Договора, применяются непосредственно в государствах-членах с момента их опубликования в Официальной газете Соглашения, если ими не устанавливается более поздняя дата вступления в силу. Когда это предусмотрено в тексте актов, решения должны быть инкорпорированы во внутреннее законодательство посредством издания актов, в которых указывается на дату их вступления в силу в каждом государстве-члене¹.

Представленный выше обзор показывает, насколько разнообразны правовые системы интеграционных объединений по составу источников, их иерархии, принципам взаимодействия с внутригосударственным правом. В связи с этим вопрос о том, являются ли правовые системы интеграционных объединений самостоятельными, автономными, отличными от международного права,

¹ Статья 4 Договора об учреждении Суда Андского сообщества предписывает, что государства-члены обязаны принять все необходимые меры для обеспечения исполнения норм, которые образуют правопорядок Андского сообщества. Они также соглашаются не принимать и не применять какие-либо средства, которые противоречат данным нормам или каким-либо образом затрудняют их применение.

либо они представляют собой региональные международно-правовые комплексы, требует самостоятельного изучения.

Субъекты. Частные лица (индивидуальные предприниматели, юридические лица, в отдельных случаях — физические лица) включаются в состав субъектов правоотношений, регулируемых нормами интеграционного права, посредством наделения их правами и обязанностями в соответствии с нормами права интеграционного объединения.

Так, Протоколы о техническом регулировании (Приложение № 9 к Договору о ЕАЭС), о защите прав потребителей (Приложение № 13 к Договору о ЕАЭС) предписывают правила поведения не только для публичных, но и для частных лиц (например, «изготовителей», «исполнителей», под которыми понимаются организации независимо от формы (вида) собственности, а также физические лица, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей).

Таможенное регулирование в ЕАЭС, устанавливаемое Таможенным кодексом Таможенного союза¹, являющимся приложением к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27 ноября 2009 года № 17, (далее — ТК ТС), распространяется на физических и юридических лиц.

При этом ответственность физических и юридических лиц как элемент их правового статуса имеет особенности закрепления в актах ЕАЭС. В ТК ТС сформулированы отсылочные нормы к национальному законодательству за неисполнение обязанностей в соответствии с ТК ТС (например, статьи 189, 207 ТК ТС). В новом ТК ЕАЭС (подписан 11 апреля 2017 года, вступает в силу с 1 января 2018 года) положения об ответственности также являются отсылочными (пункт 3 статьи 84 ТК ЕАЭС², пункт 9 статьи 120 ТК ЕАЭС, пункт 8 статьи 124 ТК ЕАЭС и др.).

¹ 11 апреля 2017 года был подписан новый Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза; документ пока не вступил в силу.

² Так, и по ТК ТС (статья 189) (Декларант несет ответственность в соответствии с законодательством государств — членов Таможенного союза за неисполнение обязанностей, предусмотренных статьей 188 настоящего Кодекса, а также за заявление недостоверных сведений, указанных в таможенной декларации, в том числе при принятии таможен-

До настоящего времени не проведена унификация даже самых общих подходов к установлению юридической ответственности на уровне международных договоров или актов Союза, что осложняет формирование «триады» правового статуса частных лиц (права, обязанности, ответственность). Только в отдельных статьях Договора о ЕАЭС содержатся нормы, постановляющие о необходимости гармонизации законодательства об ответственности государств — членов Союза. Например, в подпункте 9 пункта 4 Протокола о мерах, направленных на проведение согласованной валютной политики (Приложение № 15 к Договору о ЕАЭС) закреплено, что в целях сближения законодательства государств-членов, регулирующего валютные правоотношения, и принятия мер либерализации государства-члены обеспечивают гармонизацию норм об ответственности за нарушение валютного законодательства государств-членов.

По праву ЕАЭС хозяйствующие субъекты (юридические лица и индивидуальные предприниматели) обладают таким важным элементом правового статуса, как право на обращение за защитой своих прав в постоянно действующий судебный орган Союза, Суд Евразийского экономического союза (далее — Суд ЕАЭС), и за досудебным урегулированием спора — в Евразийскую экономическую комиссию.

Между тем, компетенции Суда ЕАЭС и Экономического суда Содружества Независимых Государств, другого интеграционного объединения на территории евразийского пространства, не позволяют им рассматривать споры с участием физических лиц. Тем не менее, необходимость в защите своих прав, предоставленных соглашениями и иными интеграционными актами, возникает не только у хозяйствующих субъектов, но и у граждан государств — членов интеграционных объединений. Об этом свидетельствует тот факт, что число обращений от граждан стран — членов Союза

ными органами решения о выпуске товаров с использованием системы управления рисками), и по ТК ЕАЭС (пункт 3 статьи 84) декларант несет ответственность в соответствии с законодательством государств-членов за неисполнение обязанностей, предусмотренных пунктом 2 настоящей статьи, за заявление в таможенной декларации недостоверных сведений, а также за представление таможенному представителю недействительных документов, в том числе поддельных и (или) содержащих заведомо недостоверные (ложные) сведения.

в Суд ЕАЭС постоянно растет: в 2015 году поступило 5 обращений, в 2016 году — 9, по состоянию на первое полугодие 2017 года — более 10. Данные запросы касались различных аспектов применения права Союза, в том числе вопросов сотрудничества государств в области социального обеспечения; порядка перемещения товаров для личного пользования через таможенную границу Таможенного союза и совершения таможенных операций; соблюдения таможенного законодательства ЕАЭС при следовании воздушным транспортом; разъяснения норм права ЕАЭС, касающихся перевозок грузов железнодорожным транспортом и др. Исходя из этого, представляется целесообразным поставить вопрос о создании механизма, в соответствии с которым государства или орган(ы) ЕАЭС смогут обращаться в Суд ЕАЭС с заявлением о разъяснении права ЕАЭС по запросу предпринимателей, граждан.

Считаем необходимым отметить, что интеграция государств не может продвигаться успешно вне поддержки данной идеи на уровне общества, граждан. Если публично-правовое обеспечение интеграции, например в ЕАЭС, уже сформировалось (посредством создания органов интеграции, наделения их компетенцией, подготовки соответствующих актов), то частноправовых институтов, направленных на продвижение интеграции, не так много. Речь идет о создании союза предпринимателей¹, альтернативных методах разрешения споров, мягких нормах права. В связи со сказанным выше, уместно привести пример из истории. Для развития прочных торговых связей и собственных правил торговли в XIII веке начал формироваться Ганзейский союз (от Hansa — союз, товарищество; объединение городов Северной Европы для установления прочных торговых связей, ставший преемником купеческих объединений)², который к началу XV века стал мощным

¹ Примеры таких союзов есть. С целью содействия экономическим процессам интеграции между странами — участниками ЕАЭС и на Евразийском пространстве в целом учрежден Союз предпринимателей Евразийской экономической зоны — Евразийский деловой союз. Также действует Деловой Союз Евразии.

² Первый съезд, официально оформивший Союз Ганзейских городов, состоялся в городе Любек в 1356 году (по некоторым источникам — в 1367 году). Последний съезд Ганзы проходил также в городе Любек в 1669 году.

политическим организмом. Здесь наряду с родными языками в ходу был общий — немецкий, использовалась единая денежная система, жители обладали равными правами в пределах своего союза, а все дела решались на съездах представителей городов. Хотя Ганзейский союз прекратил свое существование во второй четверти VII века, в XX веке (1990 год) был создан Международный Ганзейский союз Нового времени, главной идеей которого стало воссоздание Ганзейских связей Средневековья и обеспечение преемственности народных традиций в истории и культуре всех стран. Новый Союз объединил 160 городов из 15 европейских стран. Таким образом, необходимо обратить внимание на целесообразность развития частноправовых аспектов интеграции — формирование обычаев и обыкновений торговли, применяемых между евразийскими партнерами, развитие арбитражных и посреднических процедур для рассмотрения экономических споров между хозяйствующими субъектами ЕАЭС.

Итак, можно сделать несколько выводов.

1. Интеграционное, коммунитарное право есть результат эволюции международного права, пребывающего в более централизованной форме¹.

2. Какую бы природу интеграционного и коммунитарного права мы не признали, мы не можем отказаться от постулата о взаимосвязи и взаимодействии международного права и права интеграционного объединения.

3. Одно из перспективных направлений развития интеграции — ее продвижение частноправовыми субъектами (посредством создания мягких правовых регуляторов, альтернативных систем разрешения споров).

¹ См. также по этому вопросу: Brenda Luciana Maffei. El derecho comunitario: un análisis a partir de la perspectiva Kelseniana o direito comunitário: uma análise a partir da perspectiva Kelseniana. Rev. secr. Trib. perm.revis. Año 4, Nº 8; Agosto 2016; p. 94–112. ISSN 2304-7887 (en línea) ISSN 2307-5163 (impreso) // DOI:<http://dx.doi.org/10.16890/rstpr.a4.n8.p94> // <http://www.revistastpr.com/index.php/rstpr/article/view/196/307>.

Тенденции, вызовы и перспективы развития интеграционного права в Латинской Америке

(Ц. Монтаньо Галарза)

1. Введение. В настоящей исследовательской работе считаем необходимым осветить некоторые тенденции, вызовы и перспективы развития интеграционного права в Латинской Америке. Для чего заостряем внимание на, возможно, самом заметном благодаря своим успехам в институциональной, экономической и юридической сфере примере Андского сообщества (АС). Для этого необходимо исследовать природу и основные элементы Сообщества. Также вкратце исследованы истоки и развитие организации начиная с 1969 года, когда было подписано предварительное соглашение, создавшее Андский пакт. Далее речь пойдет о разных элементах, важных для понимания институциональной структуры, на которой основывается организация, а также о функционировании и роли органов и институтов, созданных в рамках исполнительной ветви власти. Помимо этого дается трактовка основных нормативных актов Андского сообщества, выделяются присущие ему принципы и то, что отличает их от других нормативных актов. Все это дополнено некоторыми уточнениями, которые касаются других менее глубоких интеграционных процессов в Латинской Америке. Наконец, разработаны идеи, связанные с тенденциями, вызовами и перспективами развития интеграционного права в Латинской Америке.

2. Андское сообщество как международная интеграционная группировка с собственной нормативно-правовой базой. Многие исследователи давали объяснение и оценку того, что представляет собой Андское сообщество на международной арене в свете отношений между государствами-членами друг с другом и с международными организациями. Поэтому необходимо выделить некоторые аспекты для лучшего понимания феномена и его значимости для региона. Андское сообщество стало одновременно целью и способом увеличения международного положения государств — участников объединения, а также драйвером роста социального и экономического благосостояния.

С юридической точки зрения Андское сообщество представляет собой международную организацию открытого типа, предполагающую интеграцию входящих в нее государств. Во многих эле-

ментах видны сходства с Европейским союзом — самой развитой и сложной (как по форме, так и по содержанию) международной интеграционной группировкой, более глубокой по своей сути, чем классическая международная организация, как, например, ООН или ОЭСР, или организация особой природы, как, например, Международный уголовный суд. Схожим образом можно охарактеризовать другие интеграционные группировки в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна, например МЕРКОСУР и УНАСУР.

Согласно статье 48 Картахенского соглашения: «Андское сообщество — это субрегиональная организация с международной правосубъектностью». Эта характеристика позволяет ей вести переговоры и подписывать соглашения с другими субъектами международного права, обладающими схожими правами. Данная организация имеет большой накопленный потенциал интеграции и, без сомнения, является одной из самых динамично развивающихся организаций интеграционного характера после Европейского союза.

В распоряжении Андского сообщества имеются многочисленные компоненты, позволяющие утверждать, что в нем воплощается интеграционный процесс с очевидной тенденцией к усилению наднациональных институтов в Боливии, Колумбии, Эквадоре и Перу на всей их континентальной и морской территории. Однако необходимо отметить, что не обходится и без классического межправительственного сотрудничества. Бесспорно, что Андское сообщество наций позиционируется как основа для развития того, что, как ожидается, в будущем станет более широкой организацией (Germánico Salgado, 2008) межамериканского, латиноамериканского или южноамериканского характера (Pampillo, 2012) совместно с МЕРКОСУР.

Согласно конституционным нормам¹ АС нацелен на создание латиноамериканского общего рынка, углубление экономической интеграции до уровня, соответствующего таможенному союзу и

¹ Основополагающие интеграционные договоры — юридические инструменты, которые устанавливают цели и задачи процесса и другие базовые параметры объединения. Обычно эти инструменты являются неполными, они требуют будущего развития путем принятия новых договоров схожего характера или более низких юридических норм. Из этого следует, что для изучения интеграционного права необходимо исследовать как первичные, так и вторичные юридические нормы интеграционного процесса.

экономическому союзу, что вписывается в критерии традиционной шкалы экономической интеграции¹. Эта направленность указывает транзиторную сущность андской интеграции, поскольку, как отмечалось выше, Андское сообщество стремится к более широкой и многосторонней интеграции, направляя интеграцию одновременно с этим и вширь, приглашая к участию большее количество стран, с перспективой соединения с интеграционными группировками в южном конусе.

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод, что Андское сообщество, будучи региональной интеграционной группировкой, не только охватывает функций, которые исторически принадлежали государствам, но и выходит за их пределы. Поэтому цель интеграции может видеться как консолидация предыдущего опыта и его адаптация к современным нуждам. Таким образом, для многих стран данного региона интеграция превратилась в квинт-эссенцию современных международных отношений. Однако с грустью приходится констатировать, что энтузиазм и желание углублять интеграционные процессы, что обычно характерно при создании новых структур (как это происходит с УНАСУР, Южно-американским союзом наций), не находится на столь же высоком уровне и препятствует развитию организации.

Одновременно с этой реальией необходимо отметить, что международное право как особая юридическая отрасль знаний также эволюционировала. Если изначально оно отвечало целям объявления войны между странами, то позже было разработано право международных договоров, в том числе мирных, после этого международное право стало регулировать другие аспекты общей деятельности государств, и только в последние годы международное интеграционное право стало выделяться в отдельный вид международного права, обладающего своим развитым и разветвленным понятийным аппаратом. Стоит выделить европейскую отрасль интеграционного права — право ЕС, к которому должно стремиться интеграционное право Андского субрегиона.

3. Об истории интеграции в Андском субрегионе. Появление организации, которая сейчас имеет название Андское сообщество, относит нас в конец 1960-х годов, а точнее — в 1969 год.

¹ Ramón Tamames, *Estructura Económica Internacional*, Madrid, Alianza, 1999.

Однако не стоит забывать, что идеи о необходимости интеграции в этой части Латинской Америки появились гораздо раньше — в первой трети XIX века, когда освободитель Симон Боливар выступил в поддержку проекта континентального содружества для борьбы с Испанией и защиты независимости. Шестидесятые годы прошлого века стали поворотными для идеи интеграции народов Андского субрегиона, для противостояния натиску международного капитала и ТНК, для улучшения положения на международной арене, увеличилась доля стран Латинской Америки в мировой экономике, упрочились позиции в переговорах с развитыми странами.

Изначально проект интеграционного объединения начал воплощаться в жизнь с созданием Андского пакта 26 мая 1969 года, после переговоров и подписания Соглашения по субрегиональной интеграции в Андах, более известного под названием «Картахенское соглашение», правительствами Боливии, Колумбии, Чили, Эквадора и Перу. Важнейшей целью данного международного соглашения на первых порах являлось создание общего рынка, в соответствии с целями, определенными другой международной организацией — Латиноамериканской ассоциацией свободной торговли (ЛАСТ), в настоящее время носящей название Латиноамериканской ассоциации интеграции (ЛАИ). Это подчеркивает то, что Андский пакт с самого начала задумывался как механизм достижения наивысших норм интеграции, в особенности в экономической сфере в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна. Этот вопрос отражает также идеал достижения большей независимости странами — участниками пакта, поскольку суть договора выходит за рамки простого торгового обмена, она включает также важные аспекты в политическом и социальном плане.

Спустя несколько лет, в 1973 году, Венесуэла присоединилась к Пакту и стала его полноправным членом. С другой стороны, в 1976 году из Пакта вышла Чили из-за несоответствия экономической модели времен правления Аугусто Пиночета интеграционному процессу в субрегионе. Для этого процесса был характерен протекционизм и государственное регулирование, особенно в области инвестиций, что явилось следствием «Решения 24» — национальной юридической нормы второстепенного или произ-

водного характера, которая была принята по данной проблематике. Стоит отметить, что с сентября 2006 года благодаря оговоркам оригинального договора Чили заявила о том, что является ассоциированным членом АС, тогда как в том же году из организации вышла Венесуэла из-за разногласий между президентом Венесуэлы Уго Чавесом и руководителями Колумбии и Перу по вопросам переговоров и подписания соглашения о свободной торговле с США.

Не стоит упускать из виду, что процесс создания организации, ранее называемой «Андский пакт», был во многом начат под сильнейшим влиянием интеграционных процессов, активно проходивших в Западной Европе (путем создания Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), Евроатома и Европейского экономического сообщества). Из этого следует, что Андский пакт с самого начала имел развитую институциональную основу для соответствия преимущественно экономическим целям интеграции, которые были поставлены перед объединением с самого начала. В те времена одним из главных исполнительных органов организации была Хунта Картахенского соглашения, которая на данный момент реформирована и носит название Главного секретариата Андского сообщества. Де-факто в настоящее время институциональная основа Андского сообщества более сложная и разветвленная, чем в любом другом интеграционном объединении на континенте.

Спустя несколько лет после начала функционирования Андского пакта был принят ряд важных деклараций в сфере внешней политики. Также была подписана серия протоколов и новых соглашений правительствами стран-участниц, принятых в основном на саммитах на высшем уровне, совещаниях глав государств или в рамках Президентского совета андских стран — высшего органа сообщества, ответственного за определение и направление интеграционной политики АС.

Справедливо также отметить, что в истории субрегиональной андской интеграции можно выделить несколько периодов. В этом ключе Херманико Салгадо выделяет следующие этапы: формирование (1971–1976), период нарастания противоречий и потеря скорости интеграции (1976–1982), время финансового кризиса и замедления интеграционных процессов (1983–1988), период реак-

тивации объединительных процессов и большая открытость акторам из других субрегионов (начиная с 1989 года)¹. Именно на последнем этапе были достигнуты значительные подвижки в согласовании единого внешнеторгового тарифа, рост взаимной торговли внутри организации и согласование аспектов внешнеэкономической политики.

Уже в 90-е годы прошлого столетия полномочия политических органов Картахенского соглашения были усилены, так что интеграционный процесс получил новые, более прагматичные цели. В этом плане благодаря Трухильскому протоколу, подписанному в 1996 году, Андский пакт поменял название на Андское сообщество, стал реальной интеграционной организацией с Системой андской интеграции (САИ), в виде институциональной структуры, составленной из органов и организаций исполнительной власти. Также это десятилетие отмечено увеличением количества двусторонних соглашений между латиноамериканскими странами в области торговли. Этот вопрос значительно осложняет странам — участницам АС выполнение юридических обязательств, принятых в Сообществе.

До середины 1990-х годов Андское сообщество делало особый акцент на достижении экономических целей, если выражаться точнее — то целей в сфере макроэкономики, путем принятия общей политики и ее закрепления в ряде правовых актов, обязательных для участников организации, что имеет значительное влияние на экономические системы стран-членов. И только со второй половины 1990-х годов согласованная политика нашла свое отражение в дорожных картах по достижению задач в социальной сфере.

В действительности так называемая Андская повестка дня в социальной сфере обрела реальные очертания только в самом начале XXI века вслед за политическими декларациями правительств (Протокол Кито 1995 года и Протокол Гуаякиль 1998 года) и подписанием Социального устава андских наций в 1999 году. Этот документ включает ряд вопросов высокой важности и значимости, которые затрагивают не только аспекты, связанные с ролью государства, но и также актуальные чувствитель-

¹ Cfr. Germánico Salgado, *El Grupo Andino. Eslabón hacia la integración de Sudamérica*, segunda edición, Quito, Universidad Andina Simón Bolívar, Sede Ecuador/Corporación Editora Nacional, 2007. P. 22.

ные проблемы, интересующие современные конституционные государства, вопросы трудовых отношений, образования, здравоохранения, жилищной политики. Особо следует выделить защиту окружающей среды, прав наемных работников, участие Совета индейских народов в принятии решений и участие Круглого стола африканских народностей в принятии решений по формированию региональной политики.

Вместе с тем очевидно, что страны-участницы не были полностью готовы к углублению интеграции. Это стало скорее подготовкой к участию в новых политических процессах, имевших место в Латинской Америке, как было в случае с Южноамериканским сообществом наций, которое было трансформировано в УНАСУР.

На встрече на высшем уровне в Тарихе в 2007 году правительства стран — членов АС отметили необходимость углубления и развития интеграционных процессов в рамках Сообщества при учете мнений каждой из стран наиболее эффективным образом для достижения единства в различных подходах к улучшению жизненных условий народов стран региона, заботе об окружающей среде. Также было высказано желание выстроить полноценную и всеобъемлющую систему интеграции, уравновешенную по нескольким показателям: социальному, культурному, экономическому, торговому и экологическому. Начиная с 2007 года имеется достаточно оснований для поддержания выработанного курса, чем сейчас и занимается Андское сообщество. С одной стороны, углубляется нормативно-правовая база интеграции, но в ограниченной сфере, без чрезмерного углубления в экономические цели и задачи, а с другой — делается ставка на увеличение кооперации в других аспектах развития: образовании, свободном перемещении граждан, установлении общеандского гражданства, энергетике и др., в соответствии с конституционным договором УНАСУР.

Таким образом, рабочие вопросы наибольшей важности и те, которые являются вызовами для Андского сообщества, следующие: вовлечение гражданского общества, отношения с другими региональными международными организациями, экономическая и торговая интеграция, пограничная интеграция, социальное развитие, вопросы защиты окружающей среды, туризм, безопас-

ность, культура, сотрудничество, энергетическая интеграция и развитие общих институтов.

Из приведенных данных видно, что Андский пакт имел про-тектионистскую ориентацию, страны-участницы искали драйверы роста при опоре на внутренние ресурсы, достигая прогресса разными способами, в первую очередь за счет усиления производственной интеграции и улучшения экспортной товарной номенклатуры, а также при помощи субрегиональной специализации и планирования, за которую отвечала Хунта Картахенского соглашения. С течением времени акценты в экономическом аспекте интеграции начали смещаться в сторону большей открытости и повышения конкурентоспособности с более развитыми странами, которые лучше встроены в глобальные цепочки производства. При этом внутри стран АС сохраняется повышенное внимание к социальному аспекту развития. В настоящее время АС находится перед необходимостью пересмотра и реформирования своей институциональной структуры, чтобы она лучше соотносилась с нынешними темпами интеграции и поставленными целями, а также с общим курсом внешней политики стран-участниц, которая в последние 15 лет сосредоточена на укреплении национального суверенитета и прагматичной диверсификацией внешних связей¹, например создание и усиление организации АЛБА, начиная с 2004 года.

Достижения АС стали возможны в значительной степени благодаря эволюции юридических норм интеграции, которые содержатся в договорах и протоколах, в новых соглашениях, подписанных государствами-членами, а также нормам второго порядка, так называемым решениям и резолюциям, принимаемым на институциональном уровне организации, что будет подробнее освещено далее.

В экономических и институциональных вопросах прогресс наиболее заметен, хотя и не всегда достигается в полной мере. Это объясняется в первую очередь тем, что страны-участницы не всегда выполняют взятые на себя обязательства. Долгое время основные усилия как правительств, так и институтов АС были

¹ César Montaña Galarza. Ecuador y la integración. Una revisión a la posición oficial. en Revista de Derecho FORO. No. 11. Quito, Universidad Andina Simón Bolívar Sede Ecuador // CEN. 2009. P. 71–125.

направлены на создание и укрепление внутрорегионального рынка, поэтому основные цели, которые были выполнены в первую очередь относятся к экономике и только во вторую к социальной и другим сферам.

Анализируя вышесказанное, можно сделать следующий вывод: говорить, что Андское сообщество деградирует, — неверно, однако и утверждать об активном развитии, особенно в последние годы, некорректно. Препятствием в дальнейшей эволюции и углублении интеграции, без сомнения, является отсутствие политической воли государств полностью выполнять свои обязательства, в особенности те, которые подразумевают формирование общего рынка. Это связано с постоянным желанием любого правительства ставить интересы своего государства, своей внешней политики, с функциональной точки зрения адекватно отвечать на вызовы разного порядка, в первую очередь в вопросах национальной экономики, внутреннего рынка и вопроса в какой степени открываться внешним рынкам. В этом плане похвально желание Боливии стать полноправным членом МЕРКОСУР, не выходя при этом из Андского Сообщества. Колумбия и Перу начали активные переговоры по расширению своих двухсторонних соглашений о свободной торговле, например с США, активное участие в Тихоокеанском альянсе с Чили, Колумбией и Мексикой. Эквадор, в свою очередь, ведет активные переговоры по торговому сотрудничеству с Европейским союзом, который, как ожидается, будет подписан в конце 2016 года.

На данный момент история интеграции в Андском субрегионе насчитывает около 45 лет. Однако до сих пор не достигнуто соглашение об установлении общего рынка — главной цели данной интеграционной группы. То, чем является сегодня Андское сообщество, мало похоже на то, чем являлся Андский пакт, особенно если сравнивать с изначальными целями, моделью интеграции и институциональной структурой. Однако он не представляет собой успешную модель наднациональной интеграции, так как страны — участницы Сообщества в последнее время заморозили все инициативы по углублению интеграции. В определенной степени можно констатировать, что подобное ощущение паралича или, по крайней мере, паузы заметно и в других интеграционных процессах в регионе.

4. Органы и институты Андского сообщества: Андская система интеграции (АСИ). Под Андской системой интеграции понимается система органов и институтов, которые представляют собой административную и исполнительную структуру Андского сообщества. Некоторые из них имеют полномочия определения самых важных политических и юридических аспектов, от которых зависит существование проекта и достижение намеченных целей. Другие отвечают за исполнение интеграционных задач меньшей значимости.

АСИ создано и управляется отдельным договором о создании. Согласно этому договору каждый орган в системе наделен специфическими полномочиями. Ключевым является наличие суда, чьи решения обязательны к исполнению. Это важно для того, чтобы решать возможные споры относительно пунктов основополагающего договора и компетенций органов.

Органы и организации, которые составляют АСИ: Президентский андский совет, Андский совет министров иностранных дел, Комиссия, Генеральный секретариат, Суд, Андский парламент, Консультативный совет предпринимателей, Консультативный рабочий совет, Андская корпорация развития, Латиноамериканский резервный фонд, Конвент имени Симона Родригеса, Социальные конвенты и другие, входящие в систему. Также в систему входят Андский университет имени Симона Боливара, Консультационные советы, создаваемые комиссией, а также другие органы и институты, создаваемые в рамках субрегиональной интеграции¹. Совокупности органов и институтов такой разветвленности не существует ни в одном другом интеграционном объединении континента.

Согласно статье 7 Картахенского соглашения Андская система интеграции имеет целью эффективную координацию входящих в нее органов и институтов для углубления субрегиональной андской интеграции, продвижения международной проекции стран, консолидации и укрепления действий в рамках интеграции. Необходимо признать, что наибольший вес в динамике развития интеграции имеет Президентский андский совет.

В этом пункте надо отметить, что среди всех наднациональных органов только у Андского совета министров иностранных дел,

¹ Art. 6 AC.

Комиссии и Генерального секретариата есть полномочия для принятия юридических норм общего и обязательного характера, как для других органов объединения, так и для государств, граждан и компаний, которые находятся в пространстве интеграционного объединения. Два первых органа имеют полномочия принимать решения (на данный момент принято более 800), а последний — резолюции (на данный момент уже более 2000). Эти два типа юридических норм составляют второстепенное право Сообщества, необходимое для развития положений и применения основополагающих договоров.

После поверхностного обзора роли политических органов в андской интеграции, необходимо остановиться на главном — на Президентском андском совете. У него есть полномочия выпускать директивы, которые не являются юридическими нормам, а скорее обязательные положения межправительственного политического характера. Через них определяются некоторые аспекты интеграции, которые являются обязательными для других институтов, формирующих АСИ. Это преимущественно политический орган, который оперирует в межправительственных условиях. Также существует Совет министров иностранных дел — исключительно межправительственный орган, состоящий из министров иностранных дел стран-участниц. В его компетенцию входит определение общих направлений внешней политики. В особенности совет отвечает за добросовестное соблюдение производных от Картахенского соглашения норм интеграционного права, например Договора Монтевидео 1980 года¹. Необходимо отметить, что у Совета есть полномочия принятия решений — тип постановлений вторичного интеграционного права.

Комиссия АСИ также наделена полномочиями принятия норм вторичного права, она имеет своего президента, составлена из полномочных представителей каждой страны. Поэтому легко сделать вывод, что она также является межправительственной структурой. Она занимается в первую очередь вопросами внутренней торгово-инвестиционной политики стран-участниц АС, а также принятием годовых бюджетов и оценкой финансовых потребностей Генерального секретариата и Суда и определением размеров финансовых обязательств стран-участниц.

¹ Art. 16 AC.

Генеральный секретариат является исполнительным органом АСИ, также в случае необходимости предоставляет техническую поддержку всем остальным институтам системы. Главными задачами Секретариата являются: административный контроль за соблюдением исполнения Картахенского договора и контроль за соблюдением наднациональных юридических норм (договоров, решений и резолюций). Среди других важных функций органа — разработка резолюций, которые позже публикуются в Официальном вестнике Картахенского соглашения. После публикации эти юридические нормы вступают в законную силу. Генеральный секретариат ввиду своих функций и полномочий считается в первую очередь наднациональным, а не межправительственным органом.

Для сбалансированного функционирования Андского сообщества необходима система сдержек и противовесов (в той же мере, что и в современном государстве), иными словами жизненно важно наличие судебного органа, работающего на постоянной основе. Суд Андского сообщества был создан в 1979 году, это полностью наднациональное образование. Важность Суда заключается в функциях, которые на нем лежат и в объеме имеющихся у него полномочий. Он занимается общей интерпретацией и унификацией субрегиональных правовых систем, контролем над тем, чтобы вторичные нормы права были совместимы с первичными. Если говорить более предметно, то задачи и компетенции Суда следующие: досудебные разбирательства, признание ничтожности, признание неисполнения, обжалование в связи с бездействием, арбитражная функция, вопросы рабочей юрисдикции.

Суд выносит обязательные к исполнению решения, которые не подлежат одобрению национальных парламентов участников АС. Его работа регулируется в первую очередь договором о создании, а также Статутом и Внутренним уставом Суда. Ни один другой интеграционный проект в Латинской Америке не имеет подобного постоянного судебного органа. Решения, которые до настоящего момента принимал Суд, затрагивали разные аспекты интеграции, но в первую очередь относились к вопросам экономики: интеллектуальной и промышленной собственности, авторских прав, вопросов таможенного контроля, торговли, согласо-

вания косвенных налогов, например НДС, двойного налогообложения¹ и пр.

Говоря о решении споров, необходимо отметить разные механизмы, которые наблюдались в ЛАСТ (дипломатические консультации и прямые переговоры) и в Андском сообществе. Картахенское соглашение содержит следующее положение: «Решение споров, которые возникают из-за вопросов применения правовых норм Андского сообщества, передаются на рассмотрение Суду Андского сообщества»². С другой стороны, в МЕРКОСУР существует система решения споров, которая задействует Постоянный апелляционный суд, который занимается арбитражом и Административно-рабочий суд.

Другой интеграционный орган — Андский парламент. Согласно Картахенскому соглашению речь идет о полностью наднациональном органе, который представляет все народы стран Андского сообщества. В настоящее время выборы в него проходят на прямых всеобщих голосованиях в странах-членах. Хотя парламент несет определенную ответственность за интеграционный процесс, например, контролирует его ход, продвигает сотрудничество и координацию национальных парламентов, у него нет законодательной функции. Более того, его акты (рекомендации, предложения, декларации и пр.) не являются обязывающими³. Парламент участвует в законотворческой деятельности блока только опосредованно — через рекомендации другим органам (Комиссии, Генеральному секретариату и Совету министров иностранных дел), которые имеют полномочия издавать обязательные для исполнения правовые акты. Иными словами, юридическая основа андской субрегиональной интеграции (в плане создания норм вторичного права — решений и резолюций) создается органами, которые не имеют выборного характера, а являются межправительственными институтами. Это вызывает дебаты о

¹ César Montaña Galarza, *Manual de Derecho Tributario Internacional*, Quito, Universidad Andina Simón Bolívar Sede Ecuador // CEN. 2004. P. 332.

² Art. 47 AC.

³ Auto dentro del Proceso No. 01-AN-2016, Acción de Nulidad interpuesta por la Universidad Andina Simón Bolívar Sede Ecuador, contra las resoluciones números 02 de 24 de noviembre de 2015 y 03 de 15 de diciembre de 2015, adoptadas por el Parlamento Andino.

легитимности данных решений, особенно если это напрямую касается граждан¹.

По решению 792 от 19 сентября 2013 года, принятому Андским советом министров иностранных дел о «Начале переформатирования Андской системы интеграции» (решение в особенности активно продвигалось МИДом Эквадора), в статье 2 среди прочего идет речь о наделении Группы высокого уровня (которая создается по этому решению) полномочиями «начинать процесс подготовки протокола, который упростил бы выход Андского парламента из АСИ, что должно быть также принято законодательными органами стран-членов». Это решение является следствием трех важных фактов: во-первых, фактической бездеятельности Андского парламента, во-вторых, исключительной политической функции органа и, наконец, высокой стоимости содержания парламента.

5. Интеграционное право Андского Сообщества. Как и любое интеграционное объединение, Андское Сообщество имеет особый и уникальный правовой порядок. Эта система норм и правил служит для создания наднациональной институциональной системы. При этом государства-участницы выполняют требуемые от них действия или воздерживаются от действий для реализации задач интеграционного объединения. Эта юридическая система распространяется на физические лица и компании, которые действуют в географическом пространстве субрегионального интеграционного проекта. Ясно, что юридический порядок АСИ более развит, чем порядок любого другого интеграционного проекта в Латинской Америке.

И амбициозные цели, и задачи экономического и социального порядка разъясняются в основополагающем договоре Сообщества — договоре о Субрегиональной андской интеграции, известном также как Картахенское соглашение, следующим образом.

¹ César Montaña Galarza. Problemas constitucionales de la integración, México, Editorial Porrúa, Universidad Anáhuac, Red Internacional de Juristas para la Integración Americana, Universidad Andina Simón Bolívar, Sede Ecuador, 2013. Roberto Viciano Pastor. Problemas de legitimidad constitucional de las integraciones supranacionales. en Cuadernos Constitucionales de la Cátedra Fadrique Furió Ceriol. No. 67/68, Valencia, Universidad de Valencia, 2011.

Настоящее соглашение имеет целью продвигать сбалансированное и гармоничное развитие стран-членов на условиях равенства через экономическое и социальное сотрудничество и интеграцию; способствовать ускорению экономического роста и созданию рабочих мест, способствовать участию в региональном интеграционном процессе для постепенного формирования латиноамериканского общего рынка.

Одновременно с этим цели данного Соглашения заключаются в уменьшении уязвимости внешним факторам и улучшении позиции стран-членов на глобальном рынке, укреплении субрегиональной солидарности и уменьшении различий в развитии стран-участниц (статья 1).

Данный международный инструмент — юридическая снова субрегиональной андской интеграции, которая, однако, привлекает внимание тем, что не содержит положений, позволяющих определять способы согласования законодательства в организации.

Это был скорее еще один инструмент будущего строительства, так же как и Договор о создании Суда Андского сообщества наций, который представляет элементы, связанные с системой и источники комунитарного права. Статья 1 данного договора отмечает, что законодательство Сообщества включает в себя: Картахенское соглашение, протоколы к нему и дополнительные инструменты, Договор о создании Суда Андского сообщества наций и поправки к нему, решения Андского совета министров иностранных дел и Комиссии Андского сообщества, резолюции Генерального секретариата, Соглашения о производственной дополняемости и другие соглашения, принимаемые странами-участниками между собой в области интеграции. Без сомнения, речь идет о наиболее полноценной системе интеграционного права на континенте.

Необходимо дать некоторые разъяснения. В первую очередь, нужно указать, что некоторые нормы права создаются через соглашения между участниками (будь то договоры или пакты), тогда как другие создаются органами, входящими в состав Андской системы интеграции, которые имеют полномочия создавать юридические нормы, например принимать решения или резолюции. Во-вторых, данный вид организации правовых норм предполагает иерархический порядок между ними. Так, договоры составляют первичные нормы права, а остальные (решения и ре-

золюции) — вторичные или производные нормы интеграционного права. В-третьих, в систему норм андского субрегионального интеграционного права не входит Договор о создании Андского парламента, инструмента, который ввиду способа своего создания (договор между странами-участницами) имеет необходимые элементы, чтобы считаться первичной нормой интеграционного права. В-четвертых, любые производные нормы права не должны противоречить первичным, что предполагает четкую иерархию существующих норм. Пятая особенность заключается в том, что Сообщество имеет возможность вести переговоры и подписывать международные договоры (например, договор об ассоциированном членстве), что создает новые юридические нормы, которые должны быть встроены в уже существующие и не противоречить основным пунктам основополагающих соглашений.

В этом отношении необходимо отметить, что первичные нормы — своего рода конституционные нормы интеграционного процесса, они должны быть юридическими нормами первого порядка, как это происходит в национальных государствах при согласовании конституционных и международно-правовых норм в области гуманитарного права и защиты прав человека. Например, согласно статье 410 конституции Боливии международные соглашения и конвенции по правам человека входят в национальную конституцию.

В области вторичных норм права АС необходимо отметить, что решения имеют обязательную силу для стран-участниц с момента их одобрения Советом министров иностранных дел или Комиссией АС (статья 2 Договора о создании Суда АС), однако эти решения не имеют юридической силы, а представляют собой обязательства политического характера.

Согласно статье 3 Договора о создании Суда АС обязательный характер юридического плана для государств имеют решения и резолюции. Важно отметить, что это происходит только после их публикации в Официальном вестнике Картахенского соглашения, если в тексте самого решения или резолюции не оговорена более поздняя дата. Может случиться так, что потребуется имплементация комунитарной нормы: «если текст решения это предполагает, то она должна быть внедрена в систему внутригосударственного права посредством акта, определяющего дату вступления решения в силу в каждом из государств-членов». Иными словами, как ре-

шения, так и резолюции вступают в силу или согласно тому, как написано в самих документах, или после публикации в Официальном вестнике. Ни в одном другом интеграционном проекте в Латинской Америке подобного процесса принятия наднациональных норм не существует.

Важно также отметить, что в статье 4 Договора о создании Суда АС определены главные принципы Международного публичного права, применимые в развитии и консолидации законодательной системы Андского сообщества как новой и особой юридической системы. Последнее положение в этом отношении определяет «добросовестное сотрудничество» между государствами — участниками интеграционного объединения, согласно которому они обязаны принимать необходимые меры для выполнения норм андского интеграционного права (позитивное обязательство) и одновременно с этим они обязуются не принимать и не использовать ни в каком виде нормы, которые несовместимы с нормами интеграционного права или каким-либо образом усложняют этот процесс (негативное обязательство). По этому положению в интеграционное право Андского субрегиона включаются два основных принципа права международных договоров, которые содержатся в Венской конвенции по праву международных договоров: принцип добросовестного исполнения и принцип *pacta sunt servanda*.

Положения, которые были рассмотрены ранее, необходимы для построения прочной системы защиты интеграционного права Андского субрегиона, а также для консолидации его важнейших принципов. В особенности большая часть специальной доктрины (андской, латиноамериканской и европейской) и судебная практика Суда Андского сообщества признает интеграционное право и набор собственных элементов, происходящих из международного публичного права.

Речь идет о примате прямого и непосредственного применения права. Первый из этих принципов устанавливает преимущество, но не верховенство (верховенством обладает исключительно национальная конституция) интеграционного законодательства над национальным правом каждого из государств — участников объединения в вопросах, когда нормы расходятся в своих определениях, а также в случаях, когда АС регулирует вопрос с заключением международных договоров как между государствами-членами, так

и между ними и третьими странами. Второй принцип подразумевает, что юридические интеграционные нормы не требуют подтверждения национальными органами, если обратное не записано в тексте самой нормы, как было отмечено выше. В-третьих, это позволяет компаниям или физическим лицам требовать от исполнительных или судебных органов применения коммунитарных норм, в случае если они более выгодны, чем национальные.

Через андское право регулируется большое количество юридических отраслей и аспектов, важных для интеграции в соответствии с определенными государствами-участниками целями, которые способствуют большим успехам в интеграции. Так, принятые коммунитарные нормы важны для развития основополагающего права, а также для согласования практики их применения в государствах. Таким образом, многие решения устанавливают общий режим, например в области интеллектуальной собственности. Также важны режимы согласования некоторых разделов национальных юридических систем, например согласование налога на добавленную стоимость (НДС), специфического потребления и приобретения предметов роскоши, которые определяются на государственном, а не надгосударственном уровне. Только в практике МЕРКОСУР можно найти в определенной степени схожее преимущество коммунитарных норм, хотя там отсутствует прямое и незамедлительное применение этих норм из-за позиции Бразилии и Уругвая.

6. Нынешнее положение и перспективы Андского сообщества и его законодательства. Одно из самых заметных эквадорских исследований об андской интеграции было, без сомнения, проведено Германико Салгадо, который путем технического анализа и собственного исследования установил, что данный интеграционный процесс должен рассматриваться как шаг на пути к полноценной южноамериканской интеграции¹. Необходимо взять эту визионерскую, логичную и прагматичную идею в более детальное рассмотрение, поскольку через усиление субрегиональ-

¹ См. также Germánico Salgado, *El Grupo Andino. Eslabón hacia la integración de Sudamérica*; Rolando Marín Ibáñez, *La «Unión Sudamericana» alternativa de integración regional en el contexto de la globalización*, Quito, Universidad Andina Simón Bolívar, Sede Ecuador / Corporación Editora Nacional, 2000.

ных систем интеграции, как Андское сообщество и Общий рынок Южного конуса будет возможно заложить прочную экономическую, политическую, институциональную, юридическую и социальную базу для более широкого интеграционного процесса общеамериканского порядка.

Одним из важных импульсов к формированию южноамериканской интеграции стал Договор о создании УНАСУР от 23 мая 2008 года. С его помощью была создана новая интеграционная организация на континенте. В преамбуле данного международного договора среди прочего 12 стран-участниц выражают следующее: «сознают, что южноамериканская интеграция должна быть достигнута через инновации, которые включают в себя все достижения МЕРКОСУР и АС, а также опыт Чили, Гайаны и Суринама»¹. Подтверждена официальная позиция Андского Сообщества о том, что оно — только переходный этап к комплексному интеграционному процессу на всем континенте. Однако, существует тенденция использовать самые важные институты УНАСУР для политического диалога, а не для ускорения полноценного интеграционного процесса². Иными словами, в этом отношении как интеграционное право Андского Сообщества, так и юридические системы УНАСУР и МЕРКОСУР не получили должного развития и консолидации в практическом плане. Особенно юридические системы последних двух отмечены отсутствием атрибутов интеграционного права, например прямого и незамедлительного применения комунитарных норм на практике.

В дополнение к этому некоторые моменты внешней политики стран — членов АС показывают, что желание укреплять интеграцию уменьшается. То же самое можно отметить и в отношении стран Южного конуса. Примером тому является явное неприятие идеи применения международных механизмов при разрешении споров в случае отказа выполнять обязательства. К этому добав-

¹ Договор подписан Аргентиной, Боливией, Бразилией, Колумбией, Чили, Эквадором, Гайаной, Парагваем, Перу, Суринамом, Уругваем и Венесуэлой.

² См. также Juan Gabriel Tokatlian, “¿Unasur pierde el norte?”, en El País, 7 de mayo de 2014, en: http://elpais.com/elpais/2014/04/23/opinion/1398278994_215974.html.

ляется неэффективное выполнение решений Суда Андского сообщества. Другим важным элементом является позиция, направленная на отстаивание личных интересов, что характерно в особенности для Колумбии и Перу в вопросах открытия рынков, что спровоцировало выход из организации Венесуэлы в 2006 году. Тенденции к протекционизму внутренних рынков также наблюдаются в Боливии и Эквадоре, но при этом они стремятся к восстановлению суверенитета в свете принятия новых конституций 2009 и 2008 годов соответственно. Поэтому в некоторых вопросах они также начали занимать более сильную позицию по вопросам защиты национальных интересов.

К вышеизложенному необходимо добавить, что правительства стран — участниц АС продемонстрировали неспособность выработать общую повестку дня по вопросам переговоров с Европейским союзом. Известно, что Колумбия и Перу уже подписали торговые соглашения с ЕС вне блоковых рамок, Эквадор в настоящее время завершает аналогичные переговоры. Такая ситуация может создать сложности в выполнении норм андского интеграционного права, особенно в вопросе обязанностей участников в рамках организации. Важно также напомнить, что в 2012 году Боливия подписала протокол об ассоциированном членстве в МЕРКОСУР. Данная ситуация, определенно, усложняет существование Андского сообщества. Ожидается, что к 2016 году Боливия станет полноправным членом МЕРКОСУР. Необходимо отметить, что Венесуэла вступила в МЕРКОСУР 29 июня 2012 года.

Парадоксально, что в последние годы идея интеграции в Южной Америке занимает очень важное место не только в переговорах межгосударственного уровня, но и в национальных концепциях внешней политики и некоторых конституциях, что дает наибольшую поддержку таким инициативам со стороны государства¹. Это связано, с одной стороны, с перезапуском интеграционных проектов в Латинской Америке, а с другой — с созданием новых интеграционных блоков или пространств разной направленности, размеров и степени проработанности. Обращает на себя внимание и то, что эти изначально позитивные для интеграции элементы не

¹ César Montaña Galarza, Problemas constitucionales de la integración. P. 168 y ss.

способствовали углублению интеграции или полемике относительно юридической ответственности внутри данных проектов¹.

Примерами новых интеграционных группировок являются: Боливарианский альянс для народов нашей Америки (АЛБА), Союз южноамериканских наций (УНАСУР), Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна. В этой связи можно также упомянуть и об относительно новом Тихоокеанском альянсе (2012) между Чили, Колумбией, Мексикой и Перу. Этот интеграционный блок решает вопрос ускорения экономической интеграции между латиноамериканскими странами, которые выбрали либеральный путь развития и большую открытость внешним рынкам. Ориентация идет на сближение со странами АТР и выработку общей позиции в отношениях со странами-протекционистами, в первую очередь с блоком АЛБА. Интересно, что на первый взгляд исходя из практического опыта интеграционные процессы в Южной Америке строятся не обязательно по коммунитарной наднациональной модели, что не способствует консолидации внутри АС и развитию его интеграционного права.

Приведенные выше аргументы позволяют понять, что настоящая ситуация в Андском сообществе сложная, на нее в сильнейшей степени влияет проекция внешней политики государств-участников. Будущее этого интеграционного объединения может пойти по одному из трех сценариев. Первый — сохранение достигнутого, что по сути означает существование серьезной институциональной структуры, в которой присутствуют как межправительственные, так и наднациональные органы, наличие уникаль-

¹ Alberto Pérez Calvo, “Características del nuevo Constitucionalismo latinoamericano”, en *Materiales sobre neoconstitucionalismo y nuevo constitucionalismo latinoamericano*, Claudia Storini y José Francisco Alenza, directores, Navarra, ARANZADI. 2012. P. 57 y 58, Утверждает следующее: «Меня удивило малое внимание, которое уделяют латиноамериканской интеграции конституции Эквадора и Боливии. Прописаны самые общие положения, а инструментов передачи части суверенных полномочий создаваемым наднациональным интеграционным структурам не предусмотрено». См. также, César Montaña Galarza, “Las relaciones internacionales y los tratados en la Constitución de Bolivia de 2009: una respuesta innovadora”, en *Innovación y continuismo en el modelo constitucional boliviano de 2009*, Roberto Viciano Pastor y Claudia Storini, editores, Valencia, Tirant lo Blanch, 2016. P. 417 y ss.

ной развитой и коммунитарной законодательной системы в Латинской Америке, с самым динамичным ростом взаимной торговли, но также с частичной либерализацией, согласованием внешнего таможенного тарифа и усилением некоторых органов и институтов АСИ. Вторым сценарием (в нынешних условиях он менее вероятен) является углубление процесса интеграции до уровня общего рынка. Третий сценарий заключается в том, что АС сможет поспособствовать более глубокому процессу интеграции в рамках УНАСУР, что, однако, на данный момент не видится вероятным.

То, что будет происходить с Андским сообществом, да и с другими интеграционными процессами в Латинской Америке, будет зависеть от многих аспектов (политического, экономического, социального). До того как приступить к следующему этапу интеграции, правительства стран-участниц должны предельно серьезно проанализировать каждый из них в отдельности и их совокупность, поскольку желание проводить интеграцию явно присутствует в общественном мнении стран континента, поэтому необходимо развивать интеграционные процессы, а не останавливаться на месте. В этом отношении задача состоит в осмыслении степени проникновения Китая в экономики стран региона, позиции США, роли Бразилии и некоторых других быстро развивающихся экономик, новых отношений по линиям Юг – Юг и Север – ЮГ, а также вопросов актуальной геополитики. Важно отметить, что тенденция к построению так называемого Социализма XXI века, начавшаяся несколько лет назад в Аргентине, Боливии, Эквадоре и Венесуэле, в настоящее время находится в плачевном состоянии из-за клиентелизма, бюджетной недисциплинированности и всепроникающей коррупции. Однако эти правительства заявляли о необходимости интеграции латиноамериканских народов при одновременном укреплении суверенитета, что противоречит друг другу и в итоге привело к структурному кризису в отдельных странах.

7. Заключение. Андское сообщество — самое продвинутое интеграционное объединение в Америке не только из-за внутренней институциональной и юридической структуры, но и из-за конкретных шагов, которые выходят за рамки экономического сотрудничества. В этом отношении организация принесла ощутимые выгоды участникам, которые были, однако, поняты не полно-

стью и только в отдельных аспектах. Возможно поэтому правительства и большая часть предпринимателей не способствовали активному развитию процесса, что обуславливает плачевное состояние, в котором Сообщество находится в настоящий момент.

На фоне этих бесспорных реалий ожидается, что государства — участники АС срочно предпримут действия, необходимые для переосмысления интеграции для того, чтобы ее углубить и достичь более эффективной наднациональной структуры. Это особенно важно на фоне вызовов и угроз нынешнего столетия и наличия других мощных интеграционных групп. Необходимо оптимизировать и синхронизировать внешнюю политику стран — членов АС, уважать достигнутые соглашения, повышать роль интеграционного права.

Если правительства не реагируют на вызовы конкретными решениями и не берут на себя ответственность в области исполнения внешней политики, то народы стран субрегиона будут находиться в постоянном страхе экономических потрясений и изоляции от остального мира при потере позиций на международных рынках, что негативно отразится на роли государства, которое должно заботиться о своих гражданах.

Региональная интеграция в Латинской Америке: между замыслом и реальностью

(Ф. Пареха Кукалон)

Введение. Настоящая статья написана под влиянием двух обстоятельств. Первое — понимание того, что она предназначена для читателей, необязательно знакомых с особенностью латиноамериканских реалий. Второе — интеграционные процессы в регионе сложны для понимания даже для латиноамериканца. Это несет в себе двойной вызов: распутать сложную систему развития региональных интеграционных процессов в Латинской Америке и представить ее в связном и доступном виде.

Учитывая вышеуказанные обстоятельства, имеет смысл предварительно представить некоторые общие мысли о процессах интеграции в Латинской Америке. Однако в настоящей работе основное внимание будет уделено Южной Америке. Это объясняется тем, что после подписания договора НАФТА¹, она перестала считаться частью региона с экономической точки зрения², а страны Центральной Америки и Карибского бассейна в большей степени ориентируются на США, чем на государства Южной Америки³.

В первую очередь необходимо иметь в виду, что латиноамериканским реалиям присуща прерывистость политических процессов. Без сомнения, отражением все еще слабой сплоченности обществ является то, что политический курс редко остается прежним при смене правительства. Практически полное отсутствие государственной политики, дорожных карт на средне- и долгосрочную перспективу, что отбивает желание и волю к переменам у народа, — эти негативные черты присущи странам региона. Им-

¹ Договор о сводной торговле в Северной Америке, подписанный в 1992 году США, Канадой и Мексикой.

² Тихоокеанский альянс существует с 2015 года. В него входят Мексика, Колумбия, Чили и Перу. Стоит ли его рассматривать как интеграционный проект в Южной Америке или же соглашение наиболее открытых экономик для упрощения торговли со странами АТР?

³ Portales, Carlos. A dónde va el multilateralismo en las Américas? Proyectos superpuestos en un período de cambios globales. Pensamiento Propio n° 39 (enero-junio). CRIES: Buenos Aires. 2014. P. 46.

пульсивный характер стратегии и политики характерен для региональной интеграции, как де-факто и политике развития в целом.

Первая характеристика латиноамериканских реалий связана и со второй, которая состоит в том, что приоритет региональной интеграции, как в прикладной политике, так и в теоретических стратегиях государств, находится на низком уровне. Без сомнения, существуют несколько факторов, определяющих такой низкий уровень, однако сложность разработки долгосрочных стратегий в этом политическом контексте является одной из главных, поскольку наднациональная интеграция — это медленный процесс, который требует стабильности и континуитета в политике. В этом отношении заметен контраст латиноамериканского опыта как с реалиями европейского пространства, так и с риторикой первых лиц латиноамериканских государств, поддерживающих курс на интеграцию.

Третий элемент, который необходимо отметить в данном контексте, — это иностранное влияние на латиноамериканскую интеграцию. Как будет рассмотрено подробнее в следующей части статьи, в середине XX века пока Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна формировала предложения по созданию регионального латиноамериканского рынка, ГАТТ¹ и правительство США предлагали совершенно противоположное. Вместе с влиянием подписания Римских соглашений, которые поспособствовали скорейшей интеграции в Европе, это внешнее влияние привело к замедлению континентальной интеграции, а европейские методы оказались неприменимы для региона². Перечисленные факторы помогают понять причину скачкообразного характера латиноамериканской интеграции и состояние неопределенности, в котором оно находится на настоящем этапе. Отсутствие преемственности в политике, низкий приоритет интеграции в практическом аспекте и влияние неприменимых в местных реалиях форм интеграции ведет к тому, что на современном этапе все процессы по сути заморожены, имеется большое количество опасений и противоположных точек зрения, что ус-

¹ Генеральное соглашение по тарифам и торговле, обозначается по первым буквам английского названия, подписано в 1948 году.

² Salgado, Germánico. El Mercado Regional Latinoamericano: el proyecto y la realidad. Revista de la CEPAL (abril): Santiago de Chile. 1979. P. 87.

ложняет прогнозирование. Цель настоящей работы — попытаться прояснить развитие региональных интеграционных процессов на континенте, чтобы на основе этого дать справедливую оценку достижениям и выделить основные проблемы, которые мешают дальнейшему прогрессу.

В первой части кратко описано развитие интеграционных процессов в Латинской Америке до 1980-х годов. Это десятилетие является важным водоразделом, после которого интеграционные процессы на континенте значительно замедлились.

Вторая часть работы посвящена анализу этапа, начавшегося после кризиса внешней задолженности стран континента. Он охарактеризовался применением политики жесткой экономии, что принесло с собой неолиберальную идеологию, которая не сочетается с теми интеграционными идеями и политикой, которая была до долгового кризиса. Этот период ознаменован также поворотом идей в плане интеграции, который заметен и в настоящее время.

Наконец, в третьей части анализируется главная дилемма южноамериканской интеграции, состоящая в том, каким образом защитить право на автономное развитие региона без уклонения от торговой и экономической либерализации, которые требует все ускоряющаяся на современном этапе глобализация.

Латиноамериканская интеграция: история достижений и провалов

1. Стремление к политическому союзу. Стремление предотвратить политическое раздробление испаноязычной Америки после получения независимости имеет предпосылки в неудавшихся попытках испанской короны создать марионеточные монархии на ограниченной территории¹. Неприятие борцами за независимость фрагментации также стала серьезным импульсом для создания крупных государств. Сан-Мартин безуспешно пытался создать конфедерацию из Вице-королевства Рио-де-ла-Плата², Чили и Перу, Симон Боливар намеревался создать Андскую Конфедерацию

¹ Salgado, Germánico. Integración: Nuevos desafíos y alternativas. CAF/UNESCO/SELA: Caracas. 1987. P. 10.

² Современные Аргентина, Боливия, Парагвай и Уругвай.

из Колумбии¹, Эквадора, Венесуэлы, Перу и Боливии, позднее возник проект Великой Колумбии², которая в итоге распалась в 1830 году.

Боливар также созвал Конгресс в Панаме в 1826 году с намерением создать континентальный альянс, который мог бы в будущем привести к формированию союза из независимых республик на пространстве Центральной и Южной Америки.

В первые десятилетия XIX века были приняты схожие усилия по предотвращению политической фрагментации Центральной Америки, которые также не увенчались успехом. В 1824 году бывшие колонии, которые были частью Генерал-капитанства Гватемалы, создали Центральноамериканскую Федеральную Республику, которая распалась в 1839 году после двух гражданских войн на пять современных стран: Гватемалу, Гондурас, Сальвадор, Никарагуа и Коста-Рику.

Также не стоит забывать, что после практически двадцатилетней войны за независимость (1808–1826) было несколько попыток отвоевать территории со стороны Испании³ и других европейских держав⁴, а Мексика потеряла чуть более половины своей территории во время войны с США 1846–1848 годов.

Из этого вытекают два лейтмотива, которые имеют связь с настоящим и которые необходимо выделить. Первый состоит в том, что стремление к единению в Латинской Америке имеет глубокие исторические и культурные корни, которые берут начало в последних годах колониального периода, проявились во время войны за независимость и были переосмыслены в первые десятилетия после обретения независимости, несмотря на то, что вскоре произошли кровопролитные расколы. Это стремление, которое часто сводится к ничему не значащей риторике, все равно в определенной степени формирует национальную самобытность латиноамериканских народов, народную культуру, которая способствует региональной интеграции.

¹ Современные Аргентина, Боливия, Парагвай и Уругвай.

² Колумбия, Эквадор, Венесуэла.

³ В 1836 году Испания отказалась от претензий на территории в Америке, но Куба оставалась колонией до 1898 года.

⁴ Самая известная попытка — приход к власти Максимилиана Габсбургского в Мексике в 1864 году.

Второй лейтмотив — это плоды исторического опыта региона, понимание того, что интеграция является защитным механизмом. Исторические корни этой особенности отмечены ранее, но ее проявление до сих пор присутствует, хотя акцент сместился на обеспечение политической независимости латиноамериканских государств. В следующей части работы будет проанализировано, что экономическая интеграция, выдвинутая во главу угла начиная с середины XX века, идет в рамках концепции центр – периферия о взаимозависимости развитых и развивающихся стран при асимметричном характере этой зависимости и необходимости получения большей автономии развивающимся странам для ускорения темпов роста.

2. Экономическая интеграция для развития. Начиная с конца 1940-х годов интерес к региональному объединению в Латинской Америке переживает второе рождение. Однако в этот исторический период приоритет отдается экономической интеграции. В этой второй фазе столкнулись два противоположных друг другу взгляда на интеграцию. С одной стороны, существовала концепция, разработанная Экономической комиссией ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна, о необходимости автономного развития, а с другой — фритрейдерская, либеральная концепция, которая отдавала приоритет интересам корпораций внутри и вне региона. Ее продвигали международные финансовые организации, основанные в рамках Бреттон-Вудских соглашений и Соединенные Штаты. Противопоставление этих двух течений, которое отчетливо ощущалось на переговорах, завершившихся созданием Латиноамериканской ассоциации свободной торговли (ЛАСТ)¹ позволило определить характеристики, прогресс и ограничения латиноамериканского регионализма.

К моменту создания Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна Аргентина, Бразилия, Чили, Мексика и в меньшей степени Колумбия продвинулись в процессе индустриализации, а что важнее всего — преуспели в создании товаров массового потребления. Эта первая фаза индустриализации быстро достигла своего потолка из-за размеров

¹ Латиноамериканская ассоциация свободной торговли создана договором Монтевидео 1960 года, подписана всеми странами региона, кроме Гайаны, Суринама и Мексики.

рынка, которые были недостаточны для поддержки темпов производства промежуточной продукции и капитала, что является неотвратимой следующей фазой индустриализации. Также имеет значение и растущая зависимость роста промышленного производства от импорта. К этому надо добавить сложность получения валюты за счет экспорта сырья¹ как прямое следствие периферийного статуса региона².

Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛА) под руководством Рауля Пребиша (исполнительного секретаря комиссии с 1950 года) систематизировала достижения в области индустриализации в Латинской Америке, основываясь на опыте стран-первопроходцев, пыталась одновременно спрогнозировать, какой должен быть путь развития других стран, имея в виду их периферийный характер и малую емкость рынков. Из концептуализации, проведенной ЭКЛА как институтом ООН, отвечающим за продвижение развития, выходит предложение применить стратегию, основанную на индустриализации импорта для стимулирования развития в регионе³.

Необходимо выделить три основных элемента стратегии индустриализации импорта. Первый заключается в необходимости интегрировать национальные рынки для преодоления ограничений, связанных с недостаточным размером каждого из них, что не позволяет производить промежуточные товары⁴. Вторым элементом

¹ Это то, что ЭКЛА определила как «внешний вызов, который вместе с внутренним (недостаточные нормы накопления для обеспечения инвестиций) препятствует росту и развитию стран региона

² «Специфическая система включения в мировую экономику и динамичный внутренний рынок при возможностях роста подходит для экономического центра, но не отвечает возможностям периферии» (Bielschowsky, Ricardo. *Cincuenta años del pensamiento de la CEPAL: una reseña en cincuenta años de pensamiento en la CEPAL*, Vol. I. Comisión Económica para América Latina y el Caribe, CEPAL. Fondo de Cultura Económica: Santiago de Chile: 1998. P. 15).

³ Индустриализация несет с собой использование технического прогресса и способность управления далеко за рамки возможностей развития других отраслей

⁴ Важно подчеркнуть, что региональная интеграция, по мнению ЭКЛА — только одно из необходимых условий, необходимых для расширения рынков и стимулирования развития важно также эффективное перераспределение доходов. Эта рекомендация, однако, встречает боль-

является необходимость временной защиты от внешней конкуренции в новых отраслях промышленности путем введения достаточно высокой таможенной пошлины для создания преференциальной скидки на товары отечественного производства. Третьим элементом являются меры, направленные на увеличение промышленной доли в экспорте между странами региона через экономическую интеграцию, что увеличит взаимозависимость между ними. Предполагалось также избавиться от финансовых ограничений¹, что способствовало бы развитию экспортного потенциала как на региональном, так и на общемировом рынке.

Из вышеуказанного явно следует, что концепция региональной интеграции в концепции ЭКЛА понимается в первую очередь как способ преодоления периферийности в глобальной капиталистической системе и для экономического развития через интеграцию.

Имеет смысл выделить три главных постулата предложения ЭКЛА, проигнорированных или деформированных во время переговоров по созданию ЛАСТ².

Первое, что необходимо выделить, — это прагматизм предложения ЭКЛА по поводу установления зоны преференциальной торговли, как первого стратегического шага к формированию латиноамериканского общего рынка в будущем. Зона преференциальной торговли должна была включить в себя всю Латинскую Америку, что предполагало бы распространение режима наибольшего благоприятствования³. Идеи о столь гибком объединении, даже если и привели к усложнению переговоров, имели изначальную цель включить все страны региона в зону преференциальной торговли⁴.

шее сопротивление, чем идея продвижения региональной интеграции. Известно, что Латинская Америка — это один из самых неравных регионов мира.

¹ Внешний вызов, о котором говорилось выше.

² Основа на работах Ricardo Bielschowsky и Germánico Salgado.

³ Действующий принцип ВТО, согласно которому ни один член организации не может предоставить РНБ другому члену без предоставления его всем остальным. Исключения из этого принципа прописаны в статье XXIV ГАТТ. Согласно этой статье исключением является группа стран, решившая создать ЗСТ или таможенный союз.

⁴ Salgado, Germánico. El Mercado Regional Latinoamericano: el proyecto y la realidad. Revista de la CEPAL (abril): Santiago de Chile. 1979. P. 89–90.

Вторым важным пунктом является идея о том, что создание новых ветвей промышленности, привлекаемых идеями все расширяющегося внутреннего рынка, потребовало бы определенного планирования для предотвращения чрезмерной концентрации производства в уже индустриализированных районах¹. Это соотносится с критикой рыночных механизмов и созданием систем национального планирования, начавших распространяться в Латинской Америке в 1950-е годы².

Третьим пунктом, который тесно связан с предыдущими, является рекомендация создать наднациональный технический орган, который будет заниматься вопросами регулирования и планирования. Однако, перевесила точка зрения, что «наши страны не готовы создать исполнительный орган регионального рынка»³.

3. Консерватизм и внешнее влияние. Переговоры по установлению регионального латиноамериканского рынка закончились в 1960 году подписанием Договора Монтевидео и созданием Латиноамериканской ассоциации свободной торговли (ЛАСТ). Это значительно отличается от оригинальных предложений ЭКЛА и в большей степени сближается с традиционными и более распространенными в то время понятиями об экономической интеграции и функционирования экономики в целом.

Самое важное состоит в том, что предложение ЭКЛА об установлении зоны преференциальной торговли было отмечено в пользу создания зоны свободной торговли, идея, лучше соотносящаяся с классической теорией интеграции, предполагающей также создание таможенного союза перед полноценным экономическим союзом. На это повлияло подписание ГАТТ 1948 году и давление США с идеей универсальной свободы торговли как одной из опор послевоенного экономического порядка.

¹ Bielschowsky, Ricardo. Cincuenta años del pensamiento de la CEPAL: una reseña en Cincuenta años de pensamiento en la CEPAL, Vol. I. Comisión Económica para América Latina y el Caribe, CEPAL. Fondo de Cultura Económica: Santiago de Chile. 1998. P. 85.

² Salgado, Germánico. El Mercado Regional Latinoamericano: el proyecto y la realidad. 1979. P. 98.

³ Salgado, Germánico. El Mercado Regional Latinoamericano: el proyecto y la realidad. 1979. P. 100–101, цитата рабочей группы, занимавшейся вопросом регионального рынка.

Отход от прагматичной идеи ЭКЛА сопровождался отсутствием практических инструментов разработки мер внедрения интеграционных механизмов, способных свести процесс к интеграции наиболее развитых в промышленном отношении районов. Решение отказаться от внедрения элементов наднационального промышленного планирования связано с укреплением либеральной идеологии под влиянием ГАТТ и США. Это также отвечало интересам крупнейших компаний региона и, возможно, некоторых ТНК, которые почувствовали вероятность ограничения их свободы оперирования на столь обширном рынке¹ (Салгадо, 1979. С. 99).

Идея создания какого-либо органа наднационального регулирования, способного консолидировать интеграционный процесс и защитить интересы всех стран, также была отброшена. Важным последствием было игнорирование необходимости создания механизма, способного уравновесить малые и большие страны во время переговоров по взаимной торговой либерализации.

С этими двумя исключениями было решено отказаться от практики рассчитывать на инструменты, которые могли бы снизить неравномерность развития латиноамериканских стран, а в особенности позволить наименее развитым получить максимальные выгоды от интеграции². Таким образом, экономически слабые и среднеразвитые страны региона с самого начала оказались неудовлетворенны интеграционными процессами. Первым серьезным последствием этих недочетов явилось решение Центральноамериканских стран создать собственную интеграционную структуру.

В заключение необходимо отметить, что совокупность следующих факторов: доминирование идеи о свободном рынке, идеи о классической интеграционной модели таможенного союза и ее проявление в виде статьи XXIV³ ГАТТ, интересы крупных стран

¹ Salgado, Germánico. El Mercado Regional Latinoamericano: el proyecto y la realidad. 1979. P. 99.

² Единственный механизм, применяемый ЛАСТ для продвижения интеграции была отмена пошлин (Салгадо, 1979. С. 91).

³ Статья XXIV определяет условия, которые должны выполнять стран, подписавшие ГАТТ для взаимного снятия ограничений в торговле в рамках ЗСТ или ТС.

региона, их бизнеса, сильное давление Соединенных Штатов¹ способствовали именно такому типу интеграции на континенте, который известен, и стала одной из причин провала многих интеграционных начинаний в Латинской Америке.

4. Андская Группа как исключение. Решимость создать Зону свободной торговли (ЗСТ) сделала более сложной схему интеграции и ограничила исключения из Режим наибольшего благоприятствования (РНБ). Эта новая реальность и отказ южноамериканских стран, в первую очередь стран Южного конуса, создавать субрегиональные блоки внутри ЛАСТ² привели к фактическому исключению стран Центральной Америки из структуры, созданной Договором Монтевидео. Пять государств этого субрегиона в 1961 году подписали соглашение, которое дало начало Центральноамериканскому общему рынку. Таким образом проект ЭКЛА о создании общего рынка на всем латиноамериканском пространстве был окончательно отброшен.

В свою очередь шесть стран Южной Америки, чье развитие было недостаточным и чьи внутренние рынки были недостаточно емкими, в 1969 году создали Андскую группу. В нее входили: Боливия, Колумбия, Чили, Эквадор, Перу, а позднее и Венесуэла. Решение создать субрегиональную организацию было вызвано неудовлетворенностью ЛАСТ, и особенно тем, что наибольшие выгоды получают самые экономически мощные страны региона. Однако важно отметить, что, создав Андскую группу, государства не вышли из ЛАСТ. Таким образом, страны показывали, что не потеряли интереса к континентальной экономической интеграции, но хотели в ней участвовать, как блок стран, способный ускорить интеграцию друг с другом ввиду небольшой разницы в размерах и уровне развития.

Первый этап развития Андской группы (ныне Андское сообщество), который продолжался до конца 1970-х годов, характеризуется высокой активностью и большим количеством инноваций в политике. Интересно отметить, что изначальные идеи об интегра-

¹ Bielschowsky, Ricardo. Cincuenta años del pensamiento de la CEPAL: una reseña en Cincuenta años de pensamiento en la CEPAL. 1998. P. 82–83.

² Salgado, Germánico. El Mercado Regional Latinoamericano: el proyecto y la realidad. 1979. p. 95.

ции Андской группы, несмотря на то, что некоторые из них и оказались в итоге нежизнеспособными, все же в определенной степени сформировали модель интеграции, отличную от ЛАСТ и от актуальных в настоящее время либеральных идей.

Первое и очень важное замечание состоит в том, что, хотя Андская группа не отказалась в полной мере от классической концепции экономической интеграции, разработанной Вайнером и Балашшей¹, механизм ее достижения был переработан. Как отмечалось ранее, решение участников ЛАСТ сделать основным интеграционным драйвером взаимную торговую либерализацию путем сложных переговоров имело логичным последствием то, что основные выгоды от интеграции получили наиболее крупные государства².

Альтернативой Андской группы стало разделение таможенных пошлин и тарифов на две части. В первую входили пошлины, чье снижение в последующие 10 лет планировалось сделать автоматическим и последовательным. Во вторую входили те, чье снижение должно было быть оговорено в рамках продвижения и создания интеграционных институтов. Вторая часть пошлин включала прежде всего товары не конечного использования, и тарифы на них должны были быть оговорены в рамках переговоров как по поводу взаимной интеграции и либерализации, так по поводу выработки единого внешнего таможенного тарифа.

Общая производственная программа вместе с общей политикой в отношении иностранного капитала — это главная характеристика налоговой политики андской интеграции³. Поэтому интересно подробнее остановиться на каждом из них.

В концепции ЭКЛА, которую использовала Андская группа, целью региональной интеграции являлось в первую очередь промышленное развитие региона, а интенсификация взаимной торговли имела вторичную значимость. Страны — участницы Анд-

¹ Jacob Viner опубликовал *The Customs Union Issue* в 1950 году, а Bela Balassa выпустил *The Theory of Economic Integration* в 1961 году.

² «Переговоры отражают различия в способности договариваться между странами, и соответственно асимметричный подход» (Салгадо, 2007. С. 82).

³ French-Davis, Ricardo. *El Pacto Andino: un modelo original de integración*. *El Trimestre Económico* n° 170. (Abril-Junio). 1976. P. 298.

ской группы начали координированное и совместное развитие стратегически важных отраслей промышленности, необходимых для интегрированного развития. Важно было пользоваться сходным размером экономик, чтобы разработать специализацию каждой страны, что могло упростить интеграцию рынков. Выделенные отрасли промышленности производили около 2000 товаров металлургической, автомобильной, химической, нефтяной, электронной, оптической и других сфер¹.

Модернизация и расширение существующих отраслей промышленности вместе с созданием новых должны были осуществляться в первую очередь за счет частных инвестиций. В компетенции государства должна была входить разработка программы развития для каждого сектора, распределение по странам — участницам организации. В 1972 и 1977 годах в рамках этих работ государства разработали и приняли три секторальных программы промышленного развития: в металлообработке, нефтехимической и автомобильной промышленности. Также велись переговоры по принятию подобной программы по металлургии, но они не увенчались успехом. Кроме этого у программ индустриального развития был дополнительный смысл: гарантировать каждой стране участие в эффективной интеграции, чего явно не хватало в интеграционной модели ЛАСТ.

Помимо промышленных программ и либерализации взаимной торговли в рамках Андской группы предполагалось согласовывать экономическую политику. Самым спорным аспектом стал вопрос о политике в отношении иностранного капитала. Учитывая все большую роль ТНК и технологических инноваций в технологиях и способах управления, а также их присутствия на рынках развитых стран, на которые доступ развивающимся странам затруднен, Андская Группа выработала общую политику в отношении иностранного капитала. Вкратце речь шла о возможности сотрудничества с ТНК, заинтересованными в емком андском рынке, создании стратегического партнерства с ясными правилами игры и согласованием правоприменительных практик во всех шести странах в обмен на передачу андским корпорациям техно-

¹ Salgado, Germánico. La integración económica en países en desarrollo y la función de una planificación industrial conjunta”. Nueva Sociedad. No. 17 (marzo-abril): 3–27. Caracas. También en Revista de la planificación del desarrollo. No. 8. 1975. P. 26–27

логий и управленческого опыта. Таким образом предполагалось обеспечить впоследствии собственное промышленное развитие на основе укрепления и консолидации собственных экономических акторов.

Наконец, очевидно, что для проведения такого типа промышленной политики и согласования экономических вопросов необходимо создание технического наднационального органа, который был бы независим от интересов какой-то конкретной страны. В этом плане Андская группа также дистанцировалась от ЛАСТ, где с самого начала было решено отказаться от технического органа, отвечающего за интеграцию. Андская группа внедрила элементы наднациональности, которые были одинаково далеки и от фритредерских идей, которые с некоторыми изменениями актуальны до сих пор, и от модели, предложенной ЭКЛА.

Кризис, свободный рынок и либерализация

1. Поворотный момент. Было бы излишним подробно останавливаться на том, как сильно повлиял кризис внешней задолженности 1982 года на регион. Достаточно вспомнить, что он положил начало «потерянному десятилетию» в Латинской Америке, отмеченному драконовскими мерами бюджетной экономии, серьезным бюджетным дефицитом и кризисом платежного баланса, падением ВВП и увеличением бедности.

Ближе к завершению статьи целесообразно рассмотреть кризис, который явился поворотным моментом в политическом мышлении относительно политики развития и региональной интеграции в Латинской Америке. Политика жесткой экономии, которая применялась в регионе, вышла за рамки снижения государственных расходов для высвобождения ресурсов на погашение внешней задолженности. Это радикальная программа структурных реформ, основанных на принципах экономической либерализации, открытии реального и финансового сектора экономик региона, получила название «Вашингтонский консенсус»¹. Помимо отхода от принципа «девелопментализма», продвигаемых ЭКЛА, было

¹ «Вашингтонский консенсус», принятый в 1989 году является совокупностью мер и предложений в области экономической политики, разработанной МВФ, Всемирным Банком и Минфином США для борьбы с кризисом в Латинской Америке.

решено отказаться от государства как центрального актора в экономике и от политики импортозамещения.

Как отмечалось ранее, идеи свободного рынка и повышения роли бизнеса в выработке решений по сравнению с государственным планированием полностью никогда не отбрасывались из политической и идеологической парадигмы в Латинской Америке, они во многом определили провал интеграции в регионе после 1970-х годов. Влияние этих идей стало особенно заметным с началом кризиса 1980-х годов и долгое время превалировало на идеологическом поле.

В этом ключе неудивительно, что даже такая нетипичная интеграционная группировка, как Андская группа, к концу 1980-х годов претерпела фундаментальные изменения, которые сблизили ее с неолиберальными идеями, группа в достаточной степени потеряла свои характерные черты. Первый удар по оригинальной концепции Андской группы был нанесен еще до «потерянного десятилетия»; он состоял в решении Пиночета выйти из соглашения в 1976 году. Однако именно кризис 1980-х годов, который привел к срыву намеченных планов и сроков, сокращению взаимной торговли¹, вылился в необходимость вносить изменения в организацию. Они были отражены в Протоколе Кито 1987 года и в Протоколе Трухильо 1996 года². Суть документов сводилась к отказу от практики планирования в промышленной сфере, общей политики в отношении иностранного капитала, ослаблении независимости и наднационального характера технического секретариата³.

2. Андское Сообщество, ЛАИ и МЕРКОСУР. Несколько смелой представляется попытка в нескольких фразах подвести итог развитию интеграции в Андах на настоящем этапе, однако необходимо как минимум отметить основные этапы ее развития.

¹ Внутриамериканский экспорт в 1981 году оставлял 1,263 млрд долларов, а в 1986 упал до 621 млн (Салгадо, 2007. С. 67–68).

² Трухильский протокол установил Андское сообщество и Андскую систему интеграции, которые в настоящий момент входят в Картанхенское соглашение.

³ Salgado, Germánico. El Grupo Andino. Eslabón hacia la integración de Sudamérica. (Segunda edición). Universidad Andina Simón Bolívar, Sede Ecuador/Corporación Editora Nacional: Quito. 2007. P. 46–50.

Среди позитивных изменений необходимо в первую очередь отметить создание в 1993 году зоны свободной торговли в субрегионе¹. Также имеет смысл выделить активные, но не приведшие к видимым изменениям, переговоры по целому комплексу проблем, связанных с либерализацией перемещения людей в андском пространстве, формирование общей социальной программы, некоторых элементов общей экологической политики, принятие Ушуйского протокола и Андской хартии продвижения и защиты прав человека (хотя эти документы не имеют обязывающего действия), а также наличие некоторых инструментов гражданского участия, пусть и не самых эффективных. Однако выход Венесуэлы из Андского сообщества в 2006 году и то, что Колумбия и Перу заключили сепаратные соглашения о свободной торговле с США, затмевают эти скромные успехи².

Постепенная эрозия андского интеграционного процесса привела к запуску процесса перезапуска Андской системы интеграции и пересмотру ее приоритетов (Пареха). Начиная с 2013 года АС вошла в период медленного затухания по всем направлениям, за исключением Андской корпорации содействия развитию, которая была преобразована в Банк развития Латинской Америки, и Андского университета имени Симона Боливара. Только два данных наднациональных института смогли укрепиться и активно развивать свою деятельность.

За последние годы также произошло еще два важных события в области регионального сотрудничества и интеграции, которые отражают новые реалии в регионе и в мире, существовавшие с 1980-х и 1990-х годов. Первое событие — это подписание Договора Монтевидео, который заменил ЛАСТ на ЛАИ (Латиноамериканскую ассоциацию интеграции), второе — создание Общего рынка Южного конуса, МЕРКОСУР, по Асунсьонскому договору 1991 года (участники: Аргентина, Бразилия, Парагвай и Уругвай). Имеет смысл вкратце обратиться к этим двум событиям, которые определили смену курса латиноамериканской интеграции на открытие рынков и либерализацию.

¹ Хотя постепенно Перу выполняла условия вхождения в ЗСТ, процесс был завершён только к концу 2005 года.

² Цели скромные, особенно если сравнивать с изначальными целями проекта.

Замена ЛАСТ на ЛАИ в 1980 году явилась плодом разочарования стран-членов в организации из-за отсутствия результатов, из-за того, что не удалось создать ЗСТ, как планировалось в 1960 году. Альтернативой этому стало установление режима наибольшего благоприятствования¹, признавая, пусть и с опозданием, идеи, которые продвигала ЭКЛА во время переговоров еще в 1950-е годы. Помимо упомянутого нововведения ЛАИ привнесла, как минимум формально, некоторые преимущества для менее развитых стран. Для развития интеграции в торговле были разработаны региональные (согласованные всеми членами ЛАИ) договоры и частичные (между двумя и более членами) для упрощения и стимулирования производственной интеграции, пусть и без какого-либо намека на наднациональное планирование.

Развитие МЕРКОСУР² также характеризуется метанием между либерализмом и «девелопментализмом», традиционным для Латинской Америки в целом. Изначально он не шел в фарватере классической схемы интеграции ни по Декларации Игуасу 1985 года, ни по Акту аргентино-бразильской интеграции 1986 года, поскольку был принят принцип выборочной интеграции, далекий от классического понимания термина. Приоритет был отдан эффективному дополнению экономик. Однако скоро, уже в середине 1990-х годов, после смены режимов и правительств в Аргентине и Бразилии была выбрана модель, «практически полностью ориентированная на торговую сферу, с забюрократизированной и неэффективной институциональной структурой»³,

¹ Иными словами, соглашения о либерализации торговли в рамках ЛАСТ велись для установления взаимных пошлин на более низком уровне, чем пошлины для товаров третьих стран.

² Caetano, Gerardo. Breve historia del MERCOSUR en sus 20 años. Coyunturas e instituciones (1991–2011). En Caetano, Gerardo (coordinador). MERCOSUR 20 años. CEFIR: Montevideo. 2011. P. 30–57; Salgado, Germánico. Integración latinoamericana y apertura externa. Revista de la CEPAL. No. 42 (diciembre). P. 147–169. Santiago de Chile: Naciones Unidas, Comisión Económica para América Latina. 1990. P. 156–158, Salgado, Germánico. El Grupo Andino. Eslabón hacia la integración de Sudamérica. (Segunda edición). Universidad Andina Simón Bolívar, Sede Ecuador / Corporación Editora Nacional: Quito. 2007. P. 44.

³ Caetano, Gerardo. P. 31.

кульминацией чего в 1991 году стало подписание Асунсьонского договора и формальное зарождение МЕРКОСУР.

В момент написания статьи внутри организации царит высокая неопределенность из-за антагонизма венесуэльского режима и новых правительств в Аргентине и Бразилии, которые не имеют никаких идеологических связей с предыдущими кабинетами министров. Но это временное разногласие — выражение глубоких расхождений во мнениях относительно региональной интеграции, выхода на мировой рынок и даже о самой концепции демократии. Эти различия завели МЕРКОСУР в тупик, а внутренняя структура организации слишком слаба, чтобы выйти из него. На данный момент будущее МЕРКОСУР видится столь же туманным, как и будущее АС.

Интеграция и открытость: совместимость понятий

1. Тезис об «открытом регионализме». Учитывая небольшой объем работы, невозможно подробно останавливаться на анализе феномена, заявленного в заголовке. Остановимся на кратком описании некоторых общих вопросов и соображений по данному вопросу.

В начале 1990-х годов ЭКЛА, возможно самая влиятельная аналитическая структура в Латинской Америке, предложила в качестве одного из вариантов политику «открытого регионализма», которая сможет сочетать в себе интеграцию и большую конкурентоспособность экономик стран региона¹. Идея, предложенная Комиссией, состоит в «движении к мировому рынку и центру притяжения “девелопменталистской” политики»², а также применения достижений технического прогресса в производстве³.

Открытость торговли и финансового сектора, а также внедрение инноваций в производство всегда подразумевает создание сравнительных преимуществ, а те в свою очередь упрощают доступ продуктов промышленного экспорта на рынки развитых

¹ CEPAL. El regionalismo abierto en América Latina y el Caribe. Naciones Unidas. Comisión Económica para América Latina y el Caribe: Santiago de Chile. 1994. P. 12.

² Salgado, Germánico. Integración latinoamericana y apertura externa. Revista de la CEPAL. No. 42 (diciembre). 1990. P. 161.

³ Bielschowsky, Ricardo. P. 52–54.

стран. Речь идет о двух крайне важных условиях, чье выполнение зависит исключительно от стран региона. Одновременно с этим, для воплощения данных теорий в реальности региональная интеграция необходима всем странам региона для выхода на местные рынки¹ как начальная ступень в отработке сравнительных преимуществ.

Поэтому необходимо убедиться в частичном открытии рынков, а не спешить со всемерным открытием дверей, оставить преференциальную надбавку в тех секторах, где имеются перспективы развития и выхода на международные рынки. Полная открытость, без принципа РНБ и без учета региональных соглашений, может укрепить позиции внерегиональных акторов из-за появления у них таможенных преференций².

2. Сложная ситуация с региональной интеграцией в Латинской Америке на современном этапе. Данная работа преследовала цель доказать, что стремление к единству в Латинской Америке имеет глубокие исторические и культурные корни, будь то политические союзы или экономическая интеграция. Было доказано, что цель экономической интеграции, особенно середины прошлого века, пострадала из-за постоянного колебания между различными ее концепциями, что определило сложную историю интеграционных процессов в регионе, сформировало отличительные особенности интеграции в Латинской Америке.

С другой стороны, отмечается слабость государственных институтов, что с недостаточной социальной сплоченностью вызывает структурный кризис в формировании государственной политики. В отношении региональной интеграции все, за исключением Андской Группы не имеют достаточной автономии и являются по своей сути межправительственными органами.

В настоящее время развитие интеграционных процессов в Южной Америке характеризуется высокой неопределенностью.

Неопределенность обусловлена сосуществованием различных схем интеграции, чьи цели и задачи переплетаются, а во многих случаях — противоречат друг другу. На фоне существования таких долгосрочных интеграционных механизмов, как ЛАИ, АС

¹ Salgado, Germánico. Integración latinoamericana y apertura externa. Revista de la CEPAL. No. 42 (diciembre). 1990. P. 154–167.

² Salgado, Germánico. 1990. P. 166.

и МЕРКОСУР, появились новые группировки с менее ясными целями и ограниченной институциональной системой, как УНАСУР, АЛБА и Тихоокеанский альянс.

Сложно прогнозировать будущее развитие интеграции в Латинской Америке, поскольку до настоящего времени невозможно опереться на какую-то одну интеграционную группировку как пример эффективного процесса сближения.

Анализ правового обеспечения формирования таможенного союза в рамках интеграционных объединений Евразии и Латинской Америки

(Н.В. Власова, М.В. Залоило)

Таможенный союз представляет собой форму торгово-экономической интеграции участников, предусматривающую единую таможенную территорию, в пределах которой во взаимной торговле товарами, происходящими из третьих государств и выпущенными в свободное обращение на этой таможенной территории, не применяются таможенные пошлины и ограничения экономического характера, за исключением специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер. При этом применяются единый таможенный тариф и другие единые меры регулирования торговли товарами с третьими государствами¹.

Таможенный союз считается жесткой формой интеграции, предполагающей передачу функций выработки и реализации торговой политики на наднациональный уровень и существенно ограничивающей возможности государств-участников в регулировании торгово-экономического сотрудничества с третьими странами. Фактически в мире существует лишь один полноценный таможенный союз — это Европейский союз, кроме него еще три или четыре интеграционных объединения имеют шансы со временем выйти на стадию полноформатного таможенного союза, среди них исследователи называют наиболее перспективное латиноамериканское интеграционные объединение — МЕРКОСУР (Общий рынок стран Южной Америки)², образованное в 1991 году и объединяющее Аргентину, Бразилию, Уругвай, Парагвай (членство было приостановлено 29 июня 2012 года до апреля 2013 года), Венесуэлу (членство приостановлено 5 августа 2017 года) и Боливию, завершающую процесс присоединения³.

¹ См.: Глоссарий юридических терминов евразийской и латиноамериканской интеграции: словарь-справочник / сост. Н.В. Власова, М.В. Залоило, О.В. Муратова, Е.Е. Рафалюк. М., 2017.

² См.: Лихачев А.Е. Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана: история, современный этап и перспективы развития // Российский внешнеэкономический вестник. 2010. № 6. С. 10.

³ См.: Глоссарий юридических терминов евразийской и латиноамериканской интеграции.

В МЕРКОСУР действует Таможенный кодекс, который вместе с дополнениями к нему образует общее таможенное законодательство МЕРКОСУР, провозглашенное Асунсьонским договором от 26 марта 1991 года, применяемое всеми государствами — членами МЕРКОСУР и регулирующее международную торговлю с третьими странами или объединениями государств. По вопросам, не урегулированным Таможенным кодексом МЕРКОСУР, применяется национальное таможенное законодательство. В МЕРКОСУР действуют также Единая товарная номенклатура и Общий внешний тариф.

Кроме того, среди латиноамериканских интеграционных объединений явными чертами таможенного союза обладает Андское сообщество, хотя Таможенный кодекс там отсутствует. Правовую основу интеграции в нем образует единое таможенно-тарифное регулирование, которое создает условия для беспрепятственного перемещения товаров в рамках Сообщества и содержится в комплексе нормативных правовых актов. В Андского сообществе действует Единая таможенная номенклатура товаров (NANDINA). Нормы Сообщества о таможенных режимах закреплены на уровне Единого таможенного документа (DUA). Гармонизация в сфере таможенно-тарифного регулирования, а также соответствующих систем, процедур и мер таможенного контроля достигается благодаря действию принятого в 2007 года документа под названием «Гармонизация таможенных режимов», который по сути представляет собой Андский Таможенный кодекс. Кроме того, в Андском сообществе действуют Андский интегрированный таможенный тариф (ARIAN), а также система единой таможенной оценки (в 2003 году в качестве регионального норматива оценки таможенной стоимости определены положения Соглашения о таможенной стоимости товаров Всемирной торговой организации). С 2006 года в Андском сообществе применяется таможенный режим общего таможенного транзита, способствующий свободному обращению товаров между государствами-членами путем использования унифицированных документов и системы обмена информацией между таможенными государствами-членами¹.

¹ См. подробнее: Региональные интеграции государств Евразии и Латинской Америки: публично-правовые и частноправовые аспекты: монография / М.В. Залоило, Е.Е. Рафалюк, Н.В. Власова [и др.]. М., 2016.

Таким образом, в МЕРКОСУР и в Андском сообществе развивается единое таможенно-тарифное пространство, действуют унифицированные нормативные правовые акты в данной сфере, которые постоянно дополняются и изменяются с целью устранения имеющихся барьеров, что постепенно приближает данные интеграционные объединения к созданию общего рынка.

Формирование Таможенного союза в рамках евразийской интеграции прошло несколько этапов. Начальный этап связан с подписанием Соглашения между Беларуссией, Россией и Казахстаном от 20 января 1995 г. о Таможенном союзе¹. Тем самым определилось «интеграционное ядро» государств, к которым позднее присоединились Киргизия и Таджикистан.

В качестве целей создания Таможенного союза провозглашались: 1) обеспечение совместными действиями социально-экономического прогресса государств-членов путем устранения между ними разделяющих препятствий для свободного экономического взаимодействия между хозяйствующими субъектами; 2) гарантирование устойчивого развития экономики, свободного товарообмена и добросовестной конкуренции; 3) укрепление координации экономической политики государств-членов и обеспечение всестороннего развития национального народного хозяйства; 4) создание условий для формирования общего экономического пространства; создание условий для активного выхода государств-членов Таможенного союза на мировой рынок.

Таможенный союз как экономическое объединение государств был основан на следующих принципах:

1) наличие единой таможенной территории государств — участников Таможенного союза. Предполагалось, что формирование единой таможенной территории будет осуществляться путем: отмены в торговле между государствами договаривающихся сторон товарами, происходящими с их территорий, таможенных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие, а также ко-

С. 107–110; Региональная интеграция государств Евразии и Латинской Америки: компаративный анализ: Сб. науч. статей. М.: , 2016. С. 37–38; и др.

¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь от 6 января 1995 г. «О Таможенном союзе» // СЗ РФ. 1996. № 45. Ст. 5057; Соглашение стран СНГ от 20 января 1995 г. «О Таможенном союзе» // СЗ РФ. 2007. № 42. Ст. 4938.

личественных ограничений; установления и применения в отношениях с третьими странами одинакового торгового режима, общих таможенных тарифов и мер нетарифного регулирования внешней торговли; формирования механизма взаимоотношений Таможенного союза с третьими государствами и международными организациями на основе положений Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о едином порядке регулирования внешнеэкономической деятельности от 12 апреля 1994 года;

2) наличие однотипного механизма регулирования экономики, базирующегося на рыночных принципах хозяйствования и унифицированном законодательстве.

Создание Таможенного союза планировалось в два этапа.

Первый этап заключался прежде всего в отмене тарифных и количественных ограничений во взаимной торговле и создании полностью идентичных систем регулирования внешних экономических связей (в том числе тарифного и нетарифного регулирования), установлении одинакового торгового режима, общих таможенных тарифов и мер нетарифного регулирования в отношении третьих стран, унификации внешнеторгового, таможенного, валютно-финансового, налогового и другого законодательства, затрагивающего внешнеэкономическую деятельность.

Второй этап заключался в объединении после выполнения всех мероприятий, предусмотренных первым этапом, таможенных территорий государств договаривающихся сторон в единую таможенную территорию, решение вопроса о международной правосубъектности Таможенного союза и судьбе действующих международных договоров.

Отмечается, что «в первые два года после подписания Соглашения на пути формирования Таможенного союза были достигнуты значительные успехи: отменен таможенный контроль на границе России и Белоруссии, упразднены пропускные пункты, введен упрощенный порядок таможенного контроля на российско-казахстанской границе. К концу 1995 года были в основном ликвидированы тарифные и количественные ограничения во взаимной торговле между Россией, Белоруссией и Казахстаном, установлен единый порядок регулирования внешнеэкономической деятельности. В начале 1996 года была достигнута почти полная

унификация импортных таможенных тарифов России, Белоруссии и Казахстана»¹.

Формирование Таможенного союза столкнулось с трудностями, вызванными, в частности, невыполнением согласованных решений, неэффективным таможенным контролем на внешних границах Таможенного союза, отсутствием скоординированных действий во взаимоотношениях с третьими странами и международными организациями, недостаточной степенью гармонизации национального законодательства в сфере регулирования внешнеэкономической деятельности.

Тем не менее, 26 февраля 1999 года был подписан Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве², участниками которого стали Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан. В соответствии с названным Договором стороны приняли на себя обязательство завершить формирование Таможенного союза и создать на его основе Единое экономическое пространство, на котором функционируют однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах и применении гармонизированных правовых норм, существует единая инфраструктура и проводится согласованная налоговая, денежно-кредитная, валютно-финансовая, торговая и таможенная политика, обеспечивающая свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

Единое экономическое пространство должно было формироваться поэтапно по достижении специфических целей Договора и выполнении сторонами принятых по нему обязательств.

Первый этап имел целью завершение формирования Таможенного союза и единой таможенной территории.

Второй этап предполагал создание Единого экономического пространства, включающего формирование общего (внутреннего) рынка товаров, услуг, капитала и труда, проведение общей экономической политики и создание единой инфраструктуры, завершение гармонизации законодательства сторон, обеспечивающего функционирование Единого экономического пространства.

¹ Лихачев А.Е. Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана: история, современный этап и перспективы развития. С. 5–6.

² Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 г. // СЗ РФ. 2001. № 42. Ст. 3983.

На последующих этапах экономического сотрудничества стороны обязались стремиться к согласованию параметров основных макроэкономических показателей.

Договор предусматривал меры по сближению и унификации законодательных и иных правовых актов сторон, в том числе координацию деятельности по подготовке проектов законодательных и иных правовых актов, включая проекты правовых актов о внесении поправок в законы и иные акты; заключение международных договоров; принятие модельных актов.

В 2000 году было учреждено Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС)¹, преследовавшее в качестве цели эффективное продвижение процесса формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства. Учредительный договор ЕврАзЭС подписали Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан. В 2006 году к Договору об учреждении ЕврАзЭС присоединился Узбекистан. Таким образом Таможенный союз был преобразован в международную экономическую организацию.

Процесс расширения единого экономического пространства приобрел новую силу с подписанием 19 сентября 2003 года в г. Ялте Белоруссией, Казахстаном, Россией и Украиной Соглашения о формировании Единого экономического пространства². Позднее Белоруссией, Казахстаном и Россией был подписан Договор о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза от 6 октября 2007 года³ — базовый международно-правовой акт, определивший основы взаимодействия государств-участников в процессе формирования ТС. В этот же день был подписан Договор о Комиссии Таможенного союза⁴, которым был учрежден единый постоянно действующий регулирующий орган ТС⁵.

¹ Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества, подписанный в г. Астане 10 октября 2000 г. // СЗ РФ. 2002. № 7. Ст. 632.

² СПС КонсультантПлюс.

³ СЗ РФ. 2011. № 12. Ст. 1552.

⁴ Там же. Ст. 1553.

⁵ См.: Капустин А.Я. Договор о Евразийском экономическом союзе — новая страница правового развития евразийской интеграции // Журнал российского права. 2014. № 12. С. 100–101.

2010 год был ознаменован началом функционирования Таможенного союза Белоруссии, Казахстана и России, были введены в действие Единый таможенный тариф и единая Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Таможенного союза, на внутренних границах Таможенного союза были отменены таможенное оформление и таможенный контроль, вступил в силу Договор о Таможенном кодексе Таможенного союза от 27 ноября 2009 года¹.

В соответствии с Таможенным кодексом Таможенного союза Единую таможенную территорию Таможенного союза составляют территории Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации, а также находящиеся за пределами территорий государств — членов Таможенного союза искусственные острова, установки, сооружения и иные объекты, в отношении которых государства — члены Таможенного союза обладают исключительной юрисдикцией. Было предусмотрено, что таможенное регулирование в Таможенном союзе осуществляется в соответствии с таможенным законодательством Таможенного союза, а в части, не урегулированной таким законодательством, до установления соответствующих правоотношений на уровне таможенного законодательства Таможенного союза, — в соответствии с законодательством государств — членов Таможенного союза.

Таможенным кодексом Таможенного союза было предусмотрено, что таможенное законодательство Таможенного союза состоит из самого Таможенного кодекса Таможенного союза, международных договоров государств — членов Таможенного союза, регулирующих таможенные правоотношения в Таможенном союзе; решений Комиссии Таможенного союза, регулирующих таможенные правоотношения в Таможенном союзе, принимаемых в соответствии с Таможенным кодексом Таможенного союза и международными договорами государств — членов Таможенного союза.

Недостатком таможенного регулирования в Таможенном союзе являлось наличие многочисленных международных соглашений

¹ СЗ РФ. 2010. № 50. Ст. 6615.

государств — членов Таможенного союза, принятых по вопросам, не урегулированным Таможенным кодексом¹, в связи с чем Тамо-

¹ В частности: Соглашение об определении таможенной стоимости товаров, перемещаемых через таможенную границу Таможенного союза, от 25 января 2008 г. // СЗ РФ. 2012. № 32. Ст. 4471; Соглашение о взаимной административной помощи таможенных органов государств — членов Таможенного союза от 21 мая 2010 г. // СЗ РФ. 2012. № 32. Ст. 4472; Соглашение о требованиях к обмену информацией между таможенными органами и иными государственными органами государств — членов Таможенного союза от 21 мая 2010 г. // СЗ РФ. № 36. Ст. 4863; Соглашение об особенностях таможенного транзита товаров, перемещаемых железнодорожным транспортом по таможенной территории Таможенного союза, от 21 мая 2010 г. // СЗ РФ. 2012. № 36. Ст. 4860; Соглашение о представлении и об обмене предварительной информацией о товарах и транспортных средствах, перемещаемых через таможенную границу Таможенного союза, от 21 мая 2010 г. // СЗ РФ. 2012. № 36. Ст. 4865; Соглашение о едином таможенном реестре объектов интеллектуальной собственности государств — членов Таможенного союза от 21 мая 2010 г. // СЗ РФ. 2012. № 36. Ст. 4864; Соглашение об основаниях, условиях и порядке изменения сроков уплаты таможенных пошлин от 21 мая 2010 г. // СЗ РФ. 2012. № 36. Ст. 4861; Соглашение о некоторых вопросах предоставления обеспечения уплаты таможенных пошлин, налогов в отношении товаров, перевозимых в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита, особенностях взыскания таможенных пошлин, налогов и порядке перечисления взысканных сумм в отношении таких товаров от 21 мая 2010 г. // СЗ РФ. 2012. № 36. Ст. 4862; Соглашение об особенностях таможенных операций в отношении товаров, пересылаемых в международных почтовых отправлениях, от 18 июня 2010 г. // СЗ РФ. 2012. № 32. Ст. 4475; Соглашение об освобождении от применения таможенными органами государств — членов Таможенного союза определенных форм таможенного контроля от 18 июня 2010 г. // СЗ РФ. 2012. № 32. Ст. 4473; Соглашение о свободных складах и таможенной процедуре свободного склада от 18 июня 2010 г. // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 13.07.2012; Соглашение об особенностях использования транспортных средств международной перевозки, осуществляющих перевозку пассажиров, а также прицепов, полуприцепов, контейнеров и железнодорожного подвижного состава, осуществляющих перевозку грузов и (или) багажа для внутренней перевозки по таможенной территории таможенного союза, от 18 июня 2010 г. // СЗ РФ. 2011. № 33. Ст. 4896; Соглашение о порядке перемещения физическими лицами товаров для личного пользования через тамо-

женный кодекс Таможенного союза не мог претендовать на статус действительно системообразующего кодифицированного акта в данной области. К тому же наличие разрозненных правовых актов в сфере таможенного регулирования осложняло осуществление внешнеэкономической деятельности ее участниками.

В рамках евразийской интеграции был сделан вполне очевидный выбор в пользу Таможенного союза. Он стал оптимальным для государств-участников и предопределил углубление интеграционных процессов в регионе.

18 ноября 2011 года Россией, Белоруссией и Казахстаном был заключен Договор о Евразийской экономической комиссии, сменившей Комиссию Таможенного союза и учрежденной как единый постоянно действующий регулирующий орган ТС и ЕЭП с наднациональными полномочиями. Таким образом, в рамках евразийской интеграции был осуществлен переход от сравнительно несложных интеграционных моделей (зона свободной торговли, таможенный союз) к более комплексным (единое экономическое пространство, экономический союз)¹.

С 1 января 2012 года начался следующий этап — функционирование Единого экономического пространства, представляющего собой более высокую ступень интеграции, предусматривающую не только свободное движение товаров и унифицированный торговый режим в отношении третьих стран, но и свободное движение услуг, капитала и рабочей силы, единые правила и принципы конкуренции, регулирования естественных монополий.

женную границу таможенного союза и совершения таможенных операций, связанных с их выпуском, от 18 июня 2010 г. // СЗ РФ. 2012. № 36. Ст. 4866; Договор о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу таможенного союза от 5 июля 2010 г. // СЗ РФ. 2012. № 36. Ст. 4867; Соглашение об организации обмена информацией для реализации аналитических и контрольных функций таможенных органов государств — членов Таможенного союза от 19 октября 2011 г. // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 23.04.2013.

¹ См.: Каширкина А.А., Морозов А.Н. Формации правового развития евразийской интеграции и их влияние на правовую систему Российской Федерации // Журнал российского права. 2014. № 8. С. 76.

29 мая 2014 года Белоруссией, Казахстаном и Россией был учрежден Евразийский экономический союз (ЕАЭС)¹, к которому затем присоединились Армения и Киргизия. Таким образом, была устранена имевшая место до этого «множественность» интеграционных структур².

В новом интеграционном объединении в евразийском регионе — ЕАЭС — Таможенный союз наряду с Единым экономическим пространством выступает формой обеспечения евразийской экономической интеграции.

В рамках Таможенного союза государств — членов ЕАЭС функционирует внутренний рынок товаров, в котором обеспечиваются свободное передвижение товаров, лиц, услуг и капиталов; применяются Единый таможенный тариф ЕАЭС и иные единые меры регулирования внешней торговли товарами с третьими сторонами; действует единый режим торговли товарами в отношениях с третьими сторонами; осуществляется единое таможенное регулирование и свободное перемещение товаров между территориями государств-членов.

Согласно статье 32 Договора о ЕАЭС единое таможенное регулирование в Союзе должно осуществляться в соответствии с Таможенным кодексом ЕАЭС. Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза был подписан в г. Москве 11 апреля 2017 года³. Приложением № 1 к этому Договору является Таможенный кодекс ЕАЭС.

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе, подписанный в г. Астане 29 мая 2014 г. // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 16.01.2015. Далее — Договор о ЕАЭС.

² См. в связи с этим: Рафалюк Е.Е., Залоило М.В., Власова Н.В. Понятия, виды и формы евразийского и латиноамериканского интеграционных объединений (сравнительно-правовой анализ) // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 163–168; Рафалюк Е.Е., Залоило М.В., Власова Н.В. Правовые модели интеграционных объединений государств Евразии и Латинской Америки // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 2. С. 103–113; Рафалюк Е.Е., Залоило М.В., Власова Н.В. Опыт интеграции и гармонизации евразийского и латиноамериканского правового пространства: компаративный анализ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 6. С. 1029–1041.

³ Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/>, 12.04.2017.

До вступления Таможенного кодекса ЕАЭС в силу таможенное регулирование осуществляется в соответствии с Договором о Таможенном кодексе Таможенного союза от 27 ноября 2009 года и иными международными договорами государств-членов, регулирующими таможенные правоотношения, заключенными в рамках формирования договорно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства. Договор о Таможенном кодексе ЕАЭС вступает в силу по правилам статьи 2 с даты получения депозитарием по дипломатическим каналам последнего письменного уведомления о выполнении государствами-членами внутригосударственных процедур, необходимых для его вступления в силу, но не ранее 1 июля 2017 года. Ожидается, что за счет синхронизации проведения внутригосударственных процедур и направления в ЕЭК уведомлений об их проведении, будет обеспечено вступление в силу Договора о Таможенном кодексе ЕАЭС с начала 2018 года¹.

В связи с вступлением в силу Договора о Таможенном кодексе ЕАЭС прекращается действие (временное применение) международных договоров, входящих в право Евразийского экономического союза, по перечню согласно Приложению № 2 к Договору и признаются утратившими силу положения международных договоров, входящих в право Евразийского экономического союза, по перечню согласно Приложению № 3 к Договору.

Договор о Таможенном кодексе ЕАЭС имеет преимущественную силу над иными регулирующими таможенные правоотношения международными договорами, входящими в право Евразийского экономического союза, за исключением Договора о ЕАЭС.

Согласно статье 1 Таможенного кодекса ЕАЭС в ЕАЭС осуществляется единое таможенное регулирование, включающее в себя установление порядка и условий перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС, их нахождения и использования на таможенной территории ЕАЭС или за ее пределами, порядка совершения таможенных операций, связанных с прибытием товаров на таможенную территорию ЕАЭС, их убытием с таможенной терри-

¹ См.: Заявление глав государств ЕАЭС о выполнении внутригосударственных процедур, необходимых для вступления в силу Договора о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года // Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/>, 10.11.2017.

тории ЕАЭС, временным хранением товаров, их таможенным декларированием и выпуском, иных таможенных операций, порядка уплаты таможенных платежей, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин и проведения таможенного контроля, а также регламентацию властных отношений между таможенными органами и лицами, реализующими права владения, пользования и (или) распоряжения товарами на таможенной территории ЕАЭС или за ее пределами.

Таможенное регулирование в ЕАЭС осуществляется в соответствии с регулирующими таможенные правоотношения международными договорами, включая в первую очередь Таможенный кодекс ЕАЭС, и актами, составляющими право ЕАЭС, а также в соответствии с Договором о ЕАЭС.

Противоречия, возникающие между Таможенным кодексом ЕАЭС и иными регулирующими таможенные правоотношения международными договорами, входящими в право ЕАЭС, решаются в пользу применения положений Таможенного кодекса ЕАЭС.

Таможенные правоотношения, не урегулированные международными договорами и актами в сфере таможенного регулирования, до урегулирования соответствующих правоотношений такими международными договорами и актами регулируются законодательством государств — членов ЕАЭС о таможенном регулировании¹.

¹ Например, Министерством финансов Российской Федерации в настоящее время разработан проект федерального закона «О таможенном регулировании», целью которого является, в том числе, обеспечение выполнения Российской Федерацией международных договоров, регулирующих таможенные отношения, включая Таможенный кодекс ЕАЭС, и актов, составляющих право ЕАЭС. Поскольку Таможенный кодекс ЕАЭС содержит отсылочные нормы, согласно которым регулирование ряда правоотношений либо установление дополнительных условий, требований или особенностей нормативного правового регулирования должно определяться на уровне национального законодательства государств — членов ЕАЭС, законопроект устанавливает особенности таможенного регулирования в Российской Федерации в соответствии с положениями права ЕАЭС. В законопроекте реализована значительная часть отсылочных норм Таможенного кодекса ЕАЭС, направленных на совершенствование таможенного администрирования, а также на упрощение совершенствования таможенных операций.

Таможенное регулирование в ЕАЭС основывается на принципах: равноправия лиц при перемещении товаров через таможенную границу ЕАЭС, четкости, ясности и последовательности совершения таможенных операций, гласности в разработке и применении международных договоров и актов в сфере таможенного регулирования и их гармонизации с нормами международного права, а также на применении современных методов таможенного контроля и максимальном использовании информационных технологий в деятельности таможенных органов.

Так, например, прежний Таможенный кодекс Таможенного союза (далее — ТК ТС) существенно сдерживал внедрение технологии электронного декларирования, тогда как Таможенный кодекс ЕАЭС закрепляет приоритет электронного декларирования (пункт 3 статьи 104) и оговаривают лишь отдельные случаи, когда декларирование может осуществляться в письменной форме, к примеру при помещении товаров под таможенную процедуру таможенного транзита; в отношении товаров для личного пользования; в отношении товаров, пересылаемых в международных почтовых отправлениях; в отношении транспортных средств международной перевозки. В зависимости от формы таможенного декларирования используется таможенная декларация в виде электронного документа или таможенная декларация в виде документа на бумажном носителе. Подача таможенной декларации на бумажном носителе сопровождается представлением таможенному органу ее электронного вида. Подача декларации на товары не сопровождается представлением таможенному органу документов, подтверждающих сведения, заявленные в декларации на товары, если только декларация не подается на бумажном носителе: в последнем случае в таможенный орган представляются документы, подтверждающие полномочия лица, подающего декларацию на товары. Аналогичные правила действуют в отношении подачи декларации на транспортное средство в виде электронного документа, а также на бумажном носителе. Прежний ТК ТС в пункте 1 статьи 183 закреплял 13 видов документов, которые было необходимо представить при подаче таможенной декларации.

Таможенный кодекс ЕАЭС также вводит автоматическую регистрацию деклараций. Если в соответствии с ТК ТС от имени таможенных органов таможенные операции, связанные с помещением товаров под таможенную процедуру, совершаются должностными лицами таможенных органов, уполномоченных на совершение та-

ких таможенных операций в соответствии со своими должностными (функциональными) обязанностями (пункт 3 статьи 173), а отказ в регистрации таможенной декларации оформляется должностным лицом таможенного органа в письменной форме с указанием причин отказа (пункт 5 статьи 190), то согласно Таможенному кодексу ЕАЭС таможенные операции совершаются таможенными органами, декларантами, перевозчиками, лицами, обладающими полномочиями в отношении товаров, иными заинтересованными лицами; отдельные таможенные операции могут совершаться таможенными органами посредством информационной системы таможенных органов без участия должностных лиц таможенных органов (пункты 1 и 3 статьи 82); с использованием информационной системы таможенного органа оформляется выпуск товара (пункт 2 ст. 118) и отказ от выпуска товара (пункт 3 статьи 125); посредством информационной системы таможенных органов без участия должностных лиц таможенных органов может проводиться таможенный контроль в форме проверки таможенных, иных документов и (или) сведений, а если это установлено законодательством государств-членов о таможенном регулировании, — таможенный контроль также в иных формах или с применением мер, обеспечивающих проведение таможенного контроля (пункт 6 статьи 310).

Таможенный кодекс ЕАЭС создает механизм широкого межведомственного взаимодействия по регулируемым вопросам, устанавливая в пункте 2 статьи 80, что документы и (или) сведения, необходимые для совершения таможенных операций, могут не представляться таможенному органу при их совершении, если сведения о таких документах, и (или) сведения из них, и (или) иные сведения, необходимые таможенным органам для совершения таможенных операций, могут быть получены таможенными органами из информационных систем таможенных органов, а также из информационных систем государственных органов (организаций) государств-членов в рамках информационного взаимодействия таможенных органов и государственных органов (организаций) государств-членов. В свою очередь, ТК ТС в пункте 1 статьи 176 не допускал этого, закрепляя, что при помещении товаров под таможенную процедуру лица, определенные этим Кодексом, обязаны представлять таможенным органам документы и сведения, необходимые для выпуска товаров.

Новеллы Таможенного кодекса ЕАЭС коснулись и таможенных процедур: новый Кодекс регламентирует все 17 таможенных

процедур, что удобно для их единообразного применения во всех странах ЕАЭС, тогда как ТК ТС регламентирует только 14 процедур, закрепляя, что таможенные процедуры свободной таможенной зоны и таможенного склада устанавливаются международными договорами государств — членов Таможенного союза¹, а специальная таможенная процедура устанавливается законодательством государства — члена Таможенного союза в соответствии с условиями и в отношении категорий товаров, определенных решением Комиссии Таможенного союза².

Многие аспекты деятельности уполномоченных экономических операторов, которые раньше регулировались на национальном уровне, теперь содержатся в ТК ЕАЭС. Кроме того, ТК ЕАЭС предусматривает нормы об отсрочке таможенных платежей и отложенном определении таможенной стоимости.

Перечисленные и многие иные новеллы Таможенного кодекса ЕАЭС сближают его с современными реалиями осуществления внешнеэкономической деятельности за счет использования при таможенном регулировании современных информационных технологий, а объединение в его тексте норм, которые ранее регулировались рядом международных договоров или национальным законодательством государств-членов, делает правовое регулирование таможенных отношений более доступным и единообразным.

¹ Соглашение от 18 июня 2010 г. по вопросам свободных (специальных, особых) экономических зон на таможенной территории Таможенного союза и таможенной процедуры свободной таможенной зоны // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 13.07.2012; Соглашение от 18 июня 2010 г. о свободных складах и таможенной процедуре свободного склада.

² См., например, ст. 41 Федерального закона от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 48. Ст. 6252.

Анализ правового обеспечения формирования Единого экономического пространства

(О.В. Муратова)

Начало экономической интеграции бывших советских республик было положено 8 декабря 1991 года в результате подписания *Соглашения «О создании Содружества Независимых Государств»*¹ (далее — Минское соглашение), дополненного *Протоколом от 21 декабря 1991 года*. Согласно указанным документам государствами — учредителями Содружества стали Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан, Молдавия, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан и Украина. В качестве одной из сфер совместной деятельности СНГ было обозначено сотрудничество в области формирования и развития общего экономического пространства, общеевропейского и евразийского рынков, в области таможенной политики (статья 7 Минского соглашения). Аналогичные положения содержатся и в *Уставе СНГ от 22 января 1993 г.*² (статья 4). Статья 19 Устава СНГ уточняет, что такое сотрудничество по вопросу формирования общего экономического пространства должно осуществляться на базе рыночных отношений и свободного перемещения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы.

24 сентября 1993 года государствами — членами СНГ был подписан *Договор «О создании Экономического союза»*³ (далее — Договор о создании ЭС), который предполагает свободное перемещение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы; согласованную денежно-кредитную, бюджетную, налоговую, ценовую, внешнеэкономическую, таможенную и валютную политику; гармонизированное хозяйственное законодательство; наличие общей статистической базы. Заявленные цели создания Экономического союза включают: формирование условий стабильного развития

¹ Соглашение от 8 декабря 1991 г. «О создании Содружества Независимых Государств» // СПС Консультант-Плюс. В 1993 г. к СНГ присоединилась Грузия, но вышла из его состава в 2009 г.

² Устав Содружества Независимых Государств от 22 января 1993 г. // Бюллетень международных договоров. 1994 г. № 1.

³ Договор стран СНГ «О создании Экономического союза» от 24 сентября 1993 г. // Бюллетень международных договоров. 1995. № 1. С. 3.

экономик стран СНГ в интересах повышения жизненного уровня их населения; поэтапное создание общего экономического пространства на базе рыночных отношений; создание равных возможностей и гарантий для всех хозяйствующих субъектов; совместное осуществление экономических проектов, представляющих общий интерес; решение совместными усилиями экологических проблем, а также ликвидацию последствий стихийных бедствий и катастроф (статья 2). Создание Экономического союза должно было проходить путем поэтапного углубления интеграции, координации действий в осуществлении экономических реформ через межгосударственную (многостороннюю) ассоциацию свободной торговли, таможенный союз, общий рынок товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, валютный (денежный) союз.

Для каждой формы интеграции предусматривался комплекс взаимосвязанных мероприятий, которые должны были быть приняты и осуществлены в соответствии с отдельными соглашениями. В качестве основных направлений деятельности в целях создания межгосударственной ассоциации свободной торговли были названы:

- последовательное снижение и отмена таможенных пошлин, налогов и сборов, а также количественных и всех иных равнозначных им по своим последствиям ограничений;
- гармонизация таможенного законодательства, механизмов тарифного и нетарифного регулирования;
- упрощение таможенных процедур;
- унификация форм таможенной документации для ведения таможенной статистики;
- поэтапное сближение тарифов на перевозки грузов и пассажиров, транзитных тарифов при соблюдении принципа свободы транзита;
- недопущение несанкционированного реэкспорта в третьи страны.

Таможенный союз наряду с полной отменой тарифного и нетарифного регулирования перемещения товаров, работ и услуг предполагает установление общего таможенного тарифа в отношениях с третьими странами, а также координацию внешнеторговой политики в отношении таких государств. Переход к общему рынку в свою очередь, согласно Договору о создании ЭС, требует создания необходимых правовых, экономических и организаци-

онных условий для свободного перемещения капиталов и рабочей силы; создания условий для добросовестной конкуренции, включая механизм антимонопольного регулирования; проведения согласованной политики в области развития транспорта и коммуникаций, направленной на осуществление эффективных перевозок грузов и пассажиров; обеспечения равных экономических условий для взаимного инвестирования капиталов в развитие экономик и создания действенного механизма защиты прав и интересов инвесторов.

Достижение провозглашенных в Договоре о создании ЭС целей и задач невозможно без соответствующего правового инструментария. Указание на правовые средства создания экономически интегрированного объединения содержится в статье 26, которая предусматривает разработку модельных актов, регулирующих хозяйственные взаимоотношения, а также проведение работы по координации и сближению действующего национального законодательства на основе модельных проектов и норм международно-го права с целью устранения в них противоречий.

Однако не все государства — члены СНГ оказались готовы к реализации глубоких интеграционных проектов. Ряд стран (Россия, Белоруссия, Казахстан) преследовали целью создание Таможенного союза и построение системы коллективной безопасности, другая группа государств (Азербайджан, Грузия, Молдавия и Украина) исключали любую форму политической интеграции и ставили перед собой в качестве задачи создание зоны свободной торговли¹. Несмотря на то что 15 апреля 1994 года было принято *Соглашение стран СНГ «О создании зоны свободной торговли»*², призванное запустить механизмы Договора о создании ЭС, Россия отказалась его ратифицировать³, так как, в частности, не смогла убедить Украину рассматривать формирование

¹ Подробнее см.: Кембаев Ж.М. Правовые аспекты экономической интеграции на постсоветском пространстве: проблемы и перспективы развития // Правоведение. 2007. № 3. С. 146–155.

² Соглашение стран СНГ «О создании зоны свободной торговли» от 15 апреля 1994 г. // Бюллетень международных договоров. 1994. № 9.

³ Соглашение, однако, было ратифицировано и действует для всех государств — членов СНГ, за исключением Туркменистана. Грузия продолжает участвовать в Соглашении.

зоны свободной торговли в качестве переходного этапа к Таможенному союзу¹.

Вместе с тем это не помешало углублению интеграционных процессов между отдельными государствами. 6 января 1995 года было подписано *Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь «О Таможенном союзе»*², 20 января 1995 года — трехстороннее *Соглашение «О Таможенном союзе»*³ между Белоруссией, Казахстаном и Россией, к которому 29 марта 1996 года присоединился Кыргызстан⁴.

Представляется, что интеграция в подлинном смысле данного слова — это тот процесс, который начинается по мере движения к созданию Таможенного союза⁵. Согласно преамбуле к Соглашению о Таможенном союзе, оно принято в целях реализации положений Договора о ЭС путем перехода к поэтапному формированию Таможенного союза (ст. 4 Договора о ЭС предусматривает для каждой формы интеграции разработку комплекса взаимосвязанных мероприятий, осуществляемых в соответствии с отдельными соглашениями).

Соглашение определяет Таможенный союз как экономическое объединение государств, основывающееся на наличии единой таможенной территории государств — участников Таможенного союза и однотипного механизма регулирования экономики, базирующегося на рыночных принципах хозяйствования и унифицированном законодательстве. Формирование единой таможенной территории осуществляется путем:

¹ См. подробнее: Кембаев Ж.М. Региональная интеграция в Евразии: основные признаки, проблемы и перспективы // Российский юридический журнал. 2016. № 2. С. 32–45.

² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь «О Таможенном союзе» от 6 января 1995 г. // СЗ РФ. 1996. № 45. Ст. 5057.

³ Соглашение «О Таможенном союзе» от 20 января 1995 г. // СЗ РФ. 2007. № 42. Ст. 4938.

⁴ Договор «О присоединении Киргизской Республики к Соглашениям о Таможенном союзе» от 29 марта 1996 г. // Российская газета («Ведомственное приложение»). 1996. № 88.

⁵ См. подробнее: Дьяченко Е.Б., Мысливский П.П., Нешатаева Т.Н. Евразийская интеграция: роль Суда / под ред. Т.Н. Нешатаевой. М.: Статут, 2015.

– отмены в торговле между государствами Таможенного союза товарами, происходящими с их территорий, таможенных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие, а также количественных ограничений;

– установления и применения в отношениях с третьими странами одинакового торгового режима, общих таможенных тарифов и мер нетарифного регулирования внешней торговли;

– формирования механизма взаимоотношений Таможенного союза с третьими государствами и международными организациями на основе положений Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о едином порядке регулирования внешнеэкономической деятельности от 12 апреля 1994 года.

Соглашение предусматривало поэтапное формирование Таможенного союза. Первый этап включал следующие обязательные элементы:

1) обеспечение практического применения механизма функционирования Соглашения о создании зоны свободной торговли и прежде всего отмена тарифных и количественных ограничений во взаимной торговле;

2) унификацию в течение четырех месяцев с даты подписания Соглашения внешнеторгового, таможенного, валютно-финансового, налогового и другого законодательства, затрагивающего внешнеэкономическую деятельность;

3) формирование механизма взаимоотношений Таможенного союза с третьими странами и международными организациями на основе делегирования соответствующих полномочий одному из государств;

4) организацию работы по унификации национального законодательства, регулирующего экономическую деятельность;

5) организацию контроля за правоприменительной практикой и обеспечением единообразия осуществления методов установления надежных механизмов контроля за недопущением несанкционированного реэкспорта товаров в третьи страны; осуществления платежно-расчетных отношений по торговым и неторговым операциям на двусторонней и многосторонней основе; применения единого регулирования внешних экономических связей в отношении третьих стран; сближения экономических условий хозяйствования; ведения таможенной статистики внешней торговли; осуще-

ствления надежного таможенного контроля на внешних таможенных границах государств Таможенного союза.

Второй этап предусматривал после выполнения всех выше указанных мероприятий объединение таможенных территорий государств Таможенного союза в единую таможенную территорию, решение вопроса о международной правосубъектности Таможенного союза и судьбе действовавших международных договоров. Очевидно, что на тот момент поставленные задачи не могли быть решены. Это касается, в частности, унификации законодательства сторон о валютном регулировании и контроле, недобросовестной конкуренции, интеллектуальной собственности¹. На тот момент так и не был определен международный статус Таможенного союза (является ли он международной организацией или нет). Но то, что данный вопрос был поднят, обозначен в качестве ключевого и, безусловно, требующего решения, уже можно оценить положительно.

Тогда же Россия, Белоруссия, Казахстан и Кыргызстан подписали *Договор «Об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях»*² (далее — Договор об интеграции), в котором в качестве целей интеграции помимо прочего также было заявлено формирование единого экономического пространства, предусматривающего эффективное функционирование общего рынка товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, развитие единых транспортных, энергетических, информационных систем. В рамках экономического сотрудничества Договор об интеграции предусматривает согласование основных направлений, этапов и сроков проводимых экономических реформ; создание необходимых условий функционирования общего рынка; обеспечение равноправных условий для свободной экономической деятельности хозяйствующих субъектов своих государств; создание единой модельной нормативной базы гражданского законодательства и государственного регулирования экономики; проведение согласо-

¹ Дьяченко Е.Б., Мысливский П.П., Нешатаева Т.Н. Евразийская интеграция: роль Суда / под ред. Т.Н. Нешатаевой. М.: Статут, 2015.

² Договор между Российской Федерацией, Республикой Белоруссия, Республикой Казахстан и Киргизской Республикой «Об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях» от 29 марта 1996 г. // СЗ РФ. 1997. № 17. Ст. 1915.

ванной политики ценообразования, исключаящей ценовую дискриминацию в отношении хозяйствующих субъектов участвующих стран; применение свободных (договорных) цен, складывающихся на внутренних рынках; согласование структурной политики (имеется в виду создание промышленного и аграрного хозяйственного комплексов, основанных на взаимодополняемости экономик, максимальном использовании преимуществ рационального разделения труда); разработку и осуществление системы мер государственной поддержки развития производственной кооперации, поощрения производственных капиталовложений, включая субсидирование целевых программ и проектов, создание объектов, представляющих общий интерес; поощрение образования транснациональных объединений; усиление координации политики в денежно-кредитной и валютно-финансовой сферах; создание эффективной платежно-расчетной системы, вплоть до, в зависимости от степени интеграции, введения единой валюты.

Впоследствии указанный документ лег в основу Договора от 26 февраля 1999 года о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве (далее — Договор о ТС и ЕЭП), целью которого исходя из его преамбулы было завершение формирования Таможенного союза и создание Российской Федерацией, Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Кыргызской Республикой Единого экономического пространства¹. В Договоре о ТС и ЕЭП содержится следующее определение ЕЭП: пространство, состоящее из территорий государств, на котором функционируют однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах и применении гармонизированных правовых норм, существует единая инфраструктура и проводится согласованная налоговая, денежно-кредитная, валютно-финансовая, торговая и таможенная политика, обеспечивающие свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

Договор о ТС и ЕЭП, аналогично своему предшественнику, предусматривал поэтапное формирование Единого экономического пространства. Первый этап имел целью завершение формирования Таможенного союза и единой таможенной территории. Второй этап предполагал создание Единого экономического про-

¹ К Договору также присоединился Таджикистан.

странства, включающего формирование общего (внутреннего) рынка товаров, услуг, капитала и труда, проведение общей экономической политики и создание единой инфраструктуры, завершение гармонизации законодательства стран СНГ, обеспечивающего функционирование Единого экономического пространства. На последующих этапах экономического сотрудничества речь шла о согласовании параметров основных макроэкономических показателей. В Договоре о ТС и ЕЭП вместе с тем отсутствовали конкретные сроки выполнения поставленных задач.

10 октября 2000 года международно-правовая и институциональная основа Таможенного союза была усилена путем подписания пятью государствами (Белоруссией, Казахстаном, Киргизией, Россией и Таджикистаном) *Договора «Об учреждении Евразийского экономического сообщества»*¹ (далее — Договор о ЕврАзЭС), международной организации, поставившей своей целью эффективное продвижение процесса формирования его государствами — членами Таможенного союза и Единого экономического пространства.

Новый этап углубления экономического сотрудничества, нацеленный на формирование Единого экономического пространства, был ознаменован совместным заявлением президентов Республики Беларусь, Казахстана, Российской Федерации и Украины об учреждении совместной Группы по созданию Организации региональной интеграции (Москва, 23 февраля 2003 года)². В этом документе главы четырех государств сформулировали ближайшую задачу совместной интеграционной политики — подготовка к сентябрю 2003 года соглашения о формировании Единого экономического пространства, согласованной экономической политике по ряду направлений, гармонизации соответствующего законодательства и создании единой регулирующей межгосударственной независимой Комиссии по торговле и тарифам. Конечной целью работы определялось создание Организации региональной

¹ Договор «Об учреждении Евразийского экономического сообщества» от 10 октября 2000 г. // СЗ РФ. 2002. № 7. Ст. 632.

² Заявление Президентов Республики Беларусь, Республики Казахстан, Российской Федерации и Украины об учреждении совместной Группы по созданию Организации региональной интеграции от 23 февраля 2003 г. // Дипломатический вестник. 2003. № 3. С. 66.

интеграции. Вскоре после сделанного заявления этими государствами было подписано *Соглашение о формировании Единого экономического пространства*¹ (далее — Соглашение о ЕЭП). В 2004 году Соглашение о ЕЭП было ратифицировано парламентами всех четырех государств, включая Верховную Раду Украины (с оговорками участия Украины в ЕЭП в формате, который не будет противоречить Конституции Украины)². Однако произошедшая впоследствии смена политического курса украинского правительства привела к тому, что Украина вышла из процесса формирования ЕЭП³.

Согласно ялтинскому Соглашению под Единым экономическим пространством «стороны понимают экономическое пространство, объединяющее таможенные территории Сторон, на котором функционируют механизмы регулирования экономик, основанные на единых принципах, обеспечивающих свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы, и проводится единая внешнеторговая и согласованная, в той мере и в том объеме, в каких это необходимо для обеспечения равноправной конкуренции и поддержания макроэкономической стабильности, налоговая, денежно-кредитная и валютно-финансовая политика» (статья 1). Такое определение Единого экономического пространства, в отличие от содержащегося в Договоре о ТС и ЕЭП 1999 года, более четко отражает реальные возможности экономического сотрудничества (т.е. создание не однотипных механизмов регулирования, а механизмов регулирования, основанных на единых принципах; не наличие единой инфраструктуры и проведение согласованной политики, а проведение согласованной политики в той мере и том объеме, в каких это необходимо) и указывает на основу ЕЭП — Таможенный союз.

Соглашение о ЕЭП направлено на поэтапную интеграцию, которая согласно статье 2 обеспечивается решением следующих задач: 1) формирование зоны свободной торговли без изъятий и ог-

¹ Соглашение о формировании Единого экономического пространства от 19 сентября 2003 г. // СПС «КонсультантПлюс».

² Хейфец Б.А. Российский бизнес в странах ЕврАзЭС. Модернизационный аспект. М., 2011. С. 243.

³ См. подробнее: Козырин А.Н. Пределы наднационального регулирования в Едином экономическом пространстве ЕврАзЭС // Реформы и право. 2013. № 3. С. 3–8

раничений; 2) унификация принципов разработки и применения технических регламентов и стандартов, санитарных и фитосанитарных норм; 3) гармонизация макроэкономической политики; 4) создание условий для свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы; 5) гармонизация законодательств сторон в той мере, в какой это необходимо для функционирования ЕЭП, включая торговую и конкурентную политику; 6) формирование единых принципов регулирования деятельности естественных монополий, единой конкурентной политики и обеспечение недискриминационного доступа и равного уровня тарифов на услуги субъектов естественных монополий.

Поэтапное формирование ЕЭП учитывает возможности разноразрядной и разнотемпной интеграции. Это означает, что каждое государство самостоятельно определяет, в каких направлениях развития интеграции или отдельных интеграционных мероприятиях оно принимает участие и в каком объеме. Такой подход обеспечил успех интеграции на уровне ЕЭП и позволил завершить построение Таможенного союза между тремя наиболее экономически развитыми государствами альянса — Белоруссией, Казахстаном и Россией¹ — до 2011 года (в первый раз в истории интеграционных процессов на постсоветском пространстве устанавливались конкретные сроки завершения определенного этапа их развития)². Для достижения данной цели 27 ноября 2009 года президенты Белоруссии, Казахстана и России подписали пакет документов о применении единого таможенного тарифа с 1 января 2010 года и вступлении в силу Таможенного кодекса Таможенного союза³ с 1 июня 2010 года.

18 ноября 2011 года президенты государств — участников Таможенного союза и Единого экономического пространства подписали документ, открывающий следующий этап интеграции. Речь

¹ Договор «О создании единой таможенной территории и формировании таможенного союза» от 6 октября 2007 г. // СЗ РФ. 2011. № 12. Ст. 1552.

² См. подробнее: Кембаев Ж.М. Региональная интеграция в Евразии: основные признаки, проблемы и перспективы // Российский юридический журнал. 2016. № 2. С. 32–45.

³ Решение Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 27 ноября 2009 г. № 17 «О Договоре о Таможенном кодексе Таможенного союза» // СЗ РФ. 2010. № 50. Ст. 6615.

идет о Декларации «О евразийской экономической интеграции»¹, которая заявляет о переходе с 1 января 2012 года к следующему этапу интеграционного строительства — Единому экономическому пространству, основанному на нормах и принципах Всемирной торговой организации (ВТО) и открытому на любом этапе своего формирования для присоединения других государств. Конечная цель данного этапа — создание к 2015 году Евразийского экономического союза. Таким образом, переход к новому межгосударственному объединению, а значит, к новому этапу евразийской интеграции был точно определен, хотя и не в договоре, а в декларативном документе, что свидетельствует о политическом характере принятого государствами-участниками обязательства².

19 декабря 2011 года Высшим Евразийским экономическим советом было принято решение о вступлении в силу с 1 января 2012 года семнадцати международных договоров, формирующих Единое экономическое пространство Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации³. Данные соглашения были объединены в пять групп по сферам регулирования: экономическая политика; свобода движения капитала и валютная политика; энергетика; транспорт и связь; свобода передвижения рабочей силы; техническое регулирование⁴.

¹ Декларации «О евразийской экономической интеграции» от 18 ноября 2011 г. // СПС «КонсультантПлюс».

² См подробнее: Капустин А.Я. Договор о Евразийском экономическом союзе — новая страница правового развития евразийской интеграции // Журнал российского права. 2014. № 12. С. 98–107.

³ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2011 г. № 9 «О вступлении в силу международных договоров, формирующих Единое экономическое пространство Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Соглашение о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств от 19 ноября 2010 г.; Соглашение о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей от 19 ноября 2010 г.; Соглашение о согласованной макроэкономической политике от 9 декабря 2010 г.; Соглашение о создании условий на финансовых рынках для обеспечения свободного движения капитала от 9 декабря 2010 г.; Соглашение о согласованных принципах валютной политики от 9 декабря 2010 г.; Соглашение о единых принципах и правилах регулирования деятельности субъектов естественных монополий от 9 декабря 2010 г.; Соглашение о единых принципах и правилах конкуренции от 9 декабря

Для того чтобы эти базовые соглашения были реализованы в установленные сроки, Евразийской экономической комиссией (ЕЭК) были разработаны и приняты 52 нормативных правовых акта, а правительствами государств, участвующих в формировании ЕЭП, были выполнены более 70 обязательных мероприятий в соответствии с установленными в них конкретными сроками¹. Предполагалось, что ЕЭП впоследствии трансформируется в Евразийский союз, который будет представлять собой «мощное наднациональное объединение, способное стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом»².

2010 г.; Соглашение о единых правилах предоставления промышленных субсидий от 9 декабря 2010 г.; Соглашение о единых правилах государственной поддержки сельского хозяйства от 9 декабря 2010 г.; Соглашение о государственных (муниципальных) закупках от 9 декабря 2010 г.; Соглашение о торговле услугами и инвестициях в государствах — участниках Единого экономического пространства от 9 декабря 2010 г.; Соглашение о единых принципах регулирования в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности от 9 декабря 2010 г.; Соглашение об обеспечении доступа к услугам естественных монополий в сфере электроэнергетики, включая основы ценообразования и тарифной политики от 19 ноября 2010 г.; Соглашение о правилах доступа к услугам субъектов естественных монополий в сфере транспортировки газа по газотранспортным системам, включая основы ценообразования и тарифной политики от 9 декабря 2010 г.; Соглашение о регулировании доступа к услугам железнодорожного транспорта, включая основы тарифной политики от 9 декабря 2010 г.; Соглашение о единых принципах и правилах технического регулирования в Республике Беларусь, Республике Казахстан и Российской Федерации от 18 ноября 2010 г.; Соглашение о порядке организации, управления, функционирования и развития общих рынков нефти и нефтепродуктов Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации от 9 декабря 2010 года (начнет действовать с даты вступления в силу Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о торгово-экономическом сотрудничестве в области поставок нефти и нефтепродуктов в Республику Казахстан от 9 декабря 2010 г.).

¹ См. подробнее: Лукьянова В.Ю. О формировании Единого экономического пространства // Журнал российского права. 2012. № 9. С. 105–113.

² Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии - будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 окт.

Евразийское экономическое сообщество, в свою очередь, не ставило своей задачей формирование какого-либо интеграционного объединения, а преследовал более скромную цель — «продвижение процесса формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства»¹. Это обстоятельство и предопределило в известной мере его временный, промежуточный характер, что подтвердилось в решении, принятом на заседании Межгосударственного совета в г. Минске 10 октября 2014 года, когда главы государств-членов (России, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и Таджикистана) приняли решение о прекращении деятельности Евразийского экономического сообщества² в связи с началом функционирования с 1 января 2015 года Евразийского экономического союза (ЕАЭС)³.

Особенностью протекания интеграционных процессов на постсоветском пространстве является их разнонаправленность, различная интенсивность процессов регионализации, а также множественность межгосударственных интеграционных объединений, включая организации экономической интеграции⁴. Даже в рамках одного интеграционного образования, какими являются Таможен-

¹ См подробнее: Капустин А.Я. Договор о Евразийском экономическом союзе — новая страница правового развития евразийской интеграции // Журнал российского права. 2014. № 12. С. 98–107.

² Договор «О прекращении деятельности Евразийского экономического сообщества» от 10 октября 2014 г. // СПС «КонсультантПлюс».

³ Договор «О Евразийском экономическом союзе» от 29 мая 2014 г. // СПС «КонсультантПлюс». 10 октября 2014 г. к Договору о Евразийском экономическом союзе присоединилась Республика Армения, 23 декабря 2014 г. — Кыргызская Республика.

⁴ См. подробнее: Правовые проблемы формирования межгосударственных объединений (на примере зоны свободной торговли и Таможенного союза ЕвразЭС): Монография / А.В. Габов, А.А. Каширкина, Ю.В. Лукьянова и др.; под ред. В.Ю. Лукьяновой. М., 2012; Региональная интеграция государств Евразии и Латинской Америки: компаративный анализ: Сб. науч. статей. М., 2016. С. 13–34; Региональные интеграции государств Евразии и Латинской Америки: публично-правовые и частноправовые аспекты: монография. М., 2016. С. 20–77; Рафалюк Е.Е., Залоило М.В., Власова Н.В. Понятия, виды и формы евразийского и латиноамериканского интеграционных объединений (сравнительно-правовой анализ) // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 154–168.

ный союз и ЕЭП, от документа к документу меняется состав государств-участников: участниками Договора о ТС и ЕЭП 1999 года являлись Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация; Договор о ЕврАзЭС был подписан Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Российской Федерацией и Республикой Таджикистан, а Соглашение о ЕЭП 2003 года — Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Российской Федерацией и Украиной. При этом участниками Соглашений, в связи с подписанием которых считаются сформированными Таможенный союз и ЕЭП, являются только Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация¹. Сказанное лишний раз подчеркивает, что успехи в формировании единого экономического пространства напрямую зависят от степени развитости государства, от наличия необходимой нормативно-правовой базы, гармонизированного правового пространства, адекватной модели интеграционного объединения и гибкости проведения экономической политики².

¹ См. подробнее: Дьяченко Е.Б., Мысливский П.П., Нешатаева Т.Н. Евразийская интеграция: роль Суда / под ред. Т.Н. Нешатаевой. М.: Статут, 2015.

² См. подробнее: Рафалюк Е.Е., Залоило М.В., Власова Н.В. Опыт интеграции и гармонизации евразийского и латиноамериканского правового пространства: компаративный анализ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 6. С. 1029–1041; Рафалюк Е.Е., Залоило М.В., Власова Н.В. Правовые модели интеграционных объединений государств Евразии и Латинской Америки // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 2. С. 103–113.

**Исследование роли практики судов интеграционных объединений в развитии интеграции на евразийском и латиноамериканском пространстве
(в аспекте применения исключений из порядка функционирования внутреннего рынка товаров)**

(Е.Е. Рафалюк)

Основная задача судов интеграционных объединений — обеспечение единообразного применения и толкования права интеграционного союза (международных договоров в рамках интеграционного объединения и решений органов интеграционного сообщества) государствами-членами, органами интеграционного объединения и другими субъектами интеграции (например, хозяйствующими субъектами)¹.

Для реализации столь сложной задачи суды интеграционных объединений наделяются соответствующей компетенцией.

Суд Евразийского экономического союза (далее — Суд ЕАЭС), являющийся постоянным судебным органом Евразийского экономического союза, рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее — Договор о ЕАЭС), международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза по заявлению государства — члена ЕАЭС и по заявлению хозяйствующего субъекта.

В соответствии со статьей 39 Статута Суда (Приложение № 2 к Договору о ЕАЭС) Суд ЕАЭС по заявлению государства — члена Союза компетентен рассматривать споры: о соответствии международного договора в рамках Союза или его отдельных положений Договору о ЕАЭС; о соблюдении другим государством-членом (другими государствами-членами) Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, а также отдельных положений указанных международных договоров и (или) решений; о соответствии решения Евразийской

¹ См. подробнее: Региональная интеграция государств Евразии и Латинской Америки: компаративный анализ: Сб. науч. статей. М., 2016. С. 134–165; Региональные интеграции государств Евразии и Латинской Америки: публично-правовые и частноправовые аспекты: монография. М., 2016. С. 127–144.

экономической комиссии (далее — Комиссия) или его отдельных положений Договору о ЕАЭС, международным договорам в рамках Союза и (или) решениям органов Союза; об оспаривании действия (бездействия) Комиссии.

По заявлению хозяйствующего субъекта, под которым в соответствии с пунктом 39 Статута Суда понимается юридическое лицо, зарегистрированное в соответствии с законодательством государства-члена или третьего государства, либо физическое лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя в соответствии с законодательством государства-члена или третьего государства, Суд ЕАЭС рассматривает споры:

о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору о ЕАЭС и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором о ЕАЭС и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта;

об оспаривании действия (бездействия) Комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое действие (бездействие) повлекло нарушение предоставленных Договором о ЕАЭС и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

В соответствии с пунктом 40 Статута Суда государства — члены Союза могут отнести к компетенции Суда ЕАЭС иные споры, разрешение которых Судом прямо предусмотрено Договором о ЕАЭС, международными договорами в рамках Союза, международными договорами Союза с третьей стороной или иными международными договорами между государствами-членами.

Вопрос о наличии компетенции Суда ЕАЭС по разрешению спора, согласно пункту 41 Статута Суда, разрешается Судом. Суд ЕАЭС при определении того, обладает ли он компетенцией рассматривать спор, руководствуется Договором о ЕАЭС, международными договорами в рамках Союза и (или) международными договорами Союза с третьей стороной.

Согласно пункту 46 Статута Суд ЕАЭС наделен компетенцией по предоставлению консультативных заключений: по заявлению государства-члена или органа Союза Суд осуществляет разъяснение положений Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, а также по заявлению сотрудников и должностных лиц органов Союза и Суда положений Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, связанных с трудовыми правоотношениями.

Таким образом, исходя из норм Статута Суда, Суд ЕАЭС осуществляет контроль за соблюдением государствами — членами Союза Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, а также за соответствием международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, действий (бездействия) Комиссии Договору о ЕАЭС и (или) международным договорам в рамках Союза.

Помимо функции судебного нормоконтроля Суд ЕАЭС наделен правом принятия консультативных заключений о разъяснении права ЕАЭС, что позволяет Суду формулировать правовые позиции по толкуемым положениям права Союза.

Таким образом, осуществляя функции контроля и разъяснения, Суд ЕАЭС способствует формированию «гармоничного», «бесконфликтного» правового пространства ЕАЭС на основе обеспечения соответствия решений органов ЕАЭС Договору о ЕАЭС, а также единообразного толкования и применения права Союза государствами — членами ЕАЭС¹.

Одну из главных ценностей современных интеграционных объединений составляет стремление к созданию внутреннего рынка в рамках интеграционного сообщества, в котором реализуется свобода передвижения товаров, работ и услуг на территории стран — участниц объединения. Суды интеграционных объедине-

¹ См. подробнее: Рафалюк Е.Е., Залоило М.В., Власова Н.В. Опыт интеграции и гармонизации евразийского и латиноамериканского правового пространства: компаративный анализ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 6. С. 1029–1041; Они же. Правовые модели интеграционных объединений государств Евразии и Латинской Америки // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 2. С. 103–113.

ний, осуществляя возложенные на них функции, способствуют проведению в жизнь основных принципов и свобод общего рынка.

Говоря о соотношении понятий «общий», «внутренний», «единый» рынок следует отметить, что допускается их тождественное применение¹. Между тем существует позиция, что внутренний рынок представляет собой более глубокую форму сближения рынков, чем общий рынок², так как внутренний рынок предполагает не только отмену внутренних импортно-экспортных пошлин, создание условий для свободного перемещения товаров, работ и услуг, капитала и трудовых ресурсов, гармонизацию законодательства о внешней и внутренней торговле, но и унифицированное регулирование всех аспектов и сфер рынка.

Основу внутреннего рынка интеграционного объединения составляет Таможенный союз, в рамках которого во взаимной торговле товарами не применяются ввозные и вывозные таможенные пошлины, иные пошлины, налоги и сборы, имеющие эквивалентное действие, меры нетарифного регулирования, специальные защитные, антидемпинговые и компенсационные меры.

Пункт 1 статьи 1 Договора о ЕАЭС закрепляет, что стороны договора учреждают союз, в рамках которого обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

В соответствии с пунктом 2 статьи 28 Договора о ЕАЭС внутренний рынок охватывает экономическое пространство, в котором согласно положениям Договора обеспечивается свободное передвижение товаров, лиц, услуг и капиталов. Пункт 3 этой же статьи раскрывает сущность внутреннего рынка Союза, в рамках функционирования которого во взаимной торговле товарами государства-члены не применяют ввозные и вывозные таможенные пошлины (иные пошлины, налоги и сборы, имеющие эквивалентное действие), меры нетарифного регулирования, специальные защитные, антидемпинговые и компенсационные меры, за исключением случаев, предусмотренных Договором о ЕАЭС.

¹ «Единый», «общий», «внутренний» рынок допустимо использовать как синонимичные понятия (См., например, Постовалова Т.А. Право Европейского союза. Краткий курс. М.: Проспект, 2017. 256 с.).

² В то же время другие авторы проводят их разграничение (См.: Бабакина Е.В., Лойша Д.Н., Михалева Т.Н. и др. Европейское право. Минск, 2015).

Применение мер, ограничивающих торговлю товарами на внутреннем рынке, по общему правилу запрещено, так как это ведет к ограничению свободы движения товаров в рамках интеграционного союза. Однако из общего правила имеются исключения, которые допускают применение ограничений в торговле товарами на внутреннем рынке по строго определенным основаниям.

Исключения из порядка функционирования внутреннего рынка товаров определены статьей 29 Договора о ЕАЭС.

Учредительные договоры латиноамериканских интеграционных объединений содержат положения о построении общего рынка.

Так, статья 1 Асунсьонского договора гласит, что государства-участники решили учредить Общий рынок (именуемый «Общий рынок Юга» (МЕРКОСУР)), который должен быть сформирован к 31 декабря 1994 года.

Данный Общий рынок подразумевает:

Свободное обращение товаров, услуг и факторов производства между государствами посредством в том числе исключения таможенных пошлин и нетарифных ограничений обращения товаров и любых других подобных мер;

Установление общего внешнего тарифа и принятие общей торговой политики в отношении третьих государств или групп государств и координация позиций на региональных и международных экономико-торговых форумах;

Координация макроэкономической и секторальной политик между государствами-участниками: внешней торговли, сельскохозяйственной, промышленной, налоговой, денежной, валютной и капиталов, услуг, таможенной, транспортной и связи и других, о которых договорились, с целью обеспечить соответствующие условия конкуренции между государствами-членами;

Соглашение государств-участников гармонизировать свои законодательства в соответствующих областях для того, чтобы достичь укрепления процесса интеграции.

В Соглашении о субрегиональной Андской интеграции (Картахенское соглашение) от 26 мая 1969 года (статья 1) закреплено, что «Соглашение направлено на содействие сбалансированному и гармоничному развитию стран-членов в условиях равенства, посредством интеграции и экономического и социального сотрудничества; ускорению их роста и созданию рабочих мест; участию в

процессе региональной интеграции с целью постепенного формирования латиноамериканского общего рынка»¹.

В учредительных договорах латиноамериканских интеграционных объединений (МЕРКОСУР, Андское сообщество) содержатся нормы, аналогичные статье 29 Договора о ЕАЭС, которые устанавливают исключения из принципа свободного движения товаров на общем рынке. Такие исключения допускают применение государством — членом интеграционного объединения односторонних мер к другому государству-члену только при наличии оснований (защита общественной морали, применение законов и правил безопасности, регулирование импорта и экспорта оружия, защита жизни и здоровья людей, животных и растений и др.), закрепленных в соответствующих нормах. В целом, отмечается сходство в формулировании норм об исключениях во взаимной торговле, хотя имеются и особенности, касающиеся в том числе установления особого порядка оспаривания принятых мер.

Рассмотрим более подробно положения учредительных договоров латиноамериканских интеграционных объединений, закрепляющих исключения из принципа свободного движения товаров, и практику применения данных норм судами интеграционных сообществ.

Статья 1 Асунсьонского договора от 26 марта 1991 года² в качестве первого базового условия для учреждения МЕРКОСУР установила внедрение принципа свободного обращения товаров, услуг и факторов производства между государствами посредством, среди прочего, отмены таможенных пошлин, нетарифных ограничений в обращении товаров, и любых других мер, имеющих эквивалентный характер.

В соответствии со статьей 1 Приложения № 1 (Программа торговой либерализации) к Асунсьонскому договору государства-члены договорились устранить не позднее 31 декабря 1994 года пошлины и другие ограничения во взаимной торговле.

¹ <http://www.comunidadandina.org/Normativa.aspx?link=TP>.

² Асунсьонский договор — Договор об учреждении Общего рынка (Меркосур), заключенный Аргентиной, Бразилией, Уругваем и Парагваем. Венесуэла присоединилась к объединению в 2012 году. Боливия находится в стадии присоединения (http://www.mercosur.int/innovaportal/file/719/1/CMC_1991_TRATADO_ES_Asuncion.pdf).

Статья 2 этого же Приложения гласит, что «Для целей, обозначенных в предыдущей статье, понимаются:

а) под “сборами” — таможенные пошлины и любые другие эквивалентные сборы, будь то налогового, денежного, валютного или любого иного характера, которые касаются внешней торговли. Не подпадают под данное понятие сборы и налоги, соответствующие примерной стоимости оказанных услуг;

б) под “ограничениями” — любая мера административного, финансового, валютного характера или любой природы, посредством которой государство-член препятствует или осложняет в одностороннем порядке взаимную торговлю. Не подпадают под данное определение меры, принятые в соответствии со статьей 50 Договора Монтевидео 1980 года».

Статья 50 Договора Монтевидео 1980 года устанавливает, что «Ничто в настоящем Договоре не должно толковаться как препятствие для принятия и исполнения мер, направленных на:

- а) защиту общественной морали;
- б) применение законов и правил безопасности;
- в) регулирование импорта и экспорта оружия, боеприпасов и других военных материалов, и в исключительных случаях, всех других предметов военного назначения;
- г) защиту жизни и здоровья людей, животных и растений;
- д) импорт и экспорт золота и серебра;
- е) защиту национальных сокровищ, имеющих художественную, историческую или археологическую ценность;
- ж) экспорт, использование и потребление ядерных материалов, радиоактивных материалов или любого другого материала, используемого в разработке и эксплуатации ядерной энергетики»¹.

По применению мер, ограничивающих торговлю, согласно пункту «б» статьи 2 Приложения № 1 к Асунсьонскому договору и статье 50 Договора Монтевидео 1980 года, имеется практика органа по разрешению споров МЕРКОСУР.

Так, решение Суда Ad Hoc², учрежденного для рассмотрения спора между Восточной Республикой Уругвай и Республикой Ар-

¹ <http://www.aladi.org/nsfaladi/juridica.nsf/vtratadoweb/tm80>.

² Согласно статье 26 Протокола де Оливос «О разрешении споров в МЕРКОСУР» от 18 февраля 2002 года, решения Арбитражных судов Ad Hoc обязательны для государств — участников спора с момента их нотификации (после их направления) и имеют в отношении них закон-

гентина по поводу запрета на импорт шин с восстановленным протектором, было принято 25 октября 2005 года¹.

Решение Суда Ad Hoc было отменено решением Постоянного апелляционного (по пересмотру) суда МЕРКОСУР (Tribunal Permanente de Revisión) от 20 декабря 2005 года².

В своем решении от 25 октября 2005 года Суд Ad Hoc сформулировал ряд правовых позиций по применению мер, принятых в соответствии со статьей 50 Договора Монтевидео 1980 года³.

ную силу, если по истечении срока, установленного статьей 17.1 для подачи жалобы, она не была подана (пункт 1).

Решения Постоянного апелляционного суда (Постоянного суда по пересмотру) являются окончательными, обязательными для государств — участников спора с момента их нотификации и имеют в отношении них законную силу (пункт 2).

Статья 27 Протокола де Оливос устанавливает обязательность выполнения решений. Решения должны быть выполнены таким образом и с такой целью, с какими они были вынесены. Применение компенсационных мер в соответствии с условиями настоящего Протокола не освобождает государство от обязательства исполнить решение.

¹ Фабула дела заключается в следующем. Уругвай оспаривал законность введенной Аргентиной меры по запрету импорта шин с восстановленным протектором. Так, Закон Аргентины № 25.626 от 9 августа 2002 года установил запрет на импорт использованных шин и пневматических камер. Согласно позиции Уругвая запрет, наложенный Аргентиной на импорт восстановленных шин, нарушает статьи 1 и 5 Асунсьонского договора, необоснованно препятствуя свободному движению товаров в рамках Меркосур. Кроме того, меры, введенные Аргентиной, нарушают Приложение № 1 к Асунсьонскому договору, решения 22/00 и 57/00, касающиеся доступа на рынок, принятые Советом Общего рынка. Кроме того, такие меры нарушают ряд положений международного права. Также уругвайская сторона предположила, что к рассматриваемому случаю применим «принцип и международная норма об эстоппеле». Аргентина в свою очередь заявила, что Закон № 25.626 соответствует нормам МЕРКОСУР. Аргентина поддерживает политику защиты окружающей среды; принцип свободы торговли допускает исключения согласно Асунсьонскому договору и статье 50 Договора Монтевидео 1980 года (http://www.tprmercosur.org/es/sol_contr_laudos.htm).

² http://www.tprmercosur.org/es/docum/laudos/Laudo_01_2005_es.pdf.

³ Laudo del Tribunal Ad Hoc del MERCOSUR constituido para entender en la controversia presentada por la República Oriental del Uruguay a la República Argentina sobre "Prohibición de importación de neumáticos remoldeados" // http://www.tprmercosur.org/es/sol_contr_laudos.htm

В качестве предмета спора был определен запрет на импорт восстановленных шин на территорию всей страны, наложенный Законом Аргентины 2002 года № 25.626. Однако помимо этой нормы, в предмет спора включался любой другой законодательный либо административный акт, который имел или мог иметь на практике то же самое воздействие, что и упомянутый Закон. Установив предмет спора, Суд Ad Hoc должен был ответить на вопрос, была ли практика Аргентины предосудительной и нарушающей принципы, которые определяют взаимоотношения между государствами-членами МЕРКОСУР.

Суд Ad Hoc подтвердил понимание сторон относительно того, что статья 1 Асунсьонского договора, так же как и весь законодательный массив МЕРКОСУР, признает в качестве основы для учреждения регионального рынка принятие и уважение принципа свободного движения товаров, услуг и факторов производства между государствами, упраздняя пошлины, нетарифные барьеры и любые другие меры, имеющие эквивалентный эффект. В свою очередь, статья 1 Приложения № 1 к Асунсьонскому договору определяет ограничение свободной торговли товарами как «любую меру административного, финансового, валютного характера с помощью которой государство-член препятствует или усложняет, на основе одностороннего решения, взаимную торговлю».

Суд Ad Hoc отметил, что свобода торговли и ее сохранение в качестве способа структурирования МЕРКОСУР не может считаться абсолютным и не допускающим отступления принципом, появившимся для разрешения всех проблем, связанных с торговыми отношениями, и защищающим от любого исключения.

Согласно позиции Суда Ad Hoc защита окружающей среды является базовым принципом МЕРКОСУР. Преамбула Асунсьонского договора и пункт «b» статьи 2 Приложения № 1 к Асунсьонскому договору, которая включает в себя отсылку к статье 50 Договора Монтевидео 1980 года, являются неоспоримыми доказательствами того, что МЕРКОСУР должен развиваться, защищая жизнь и здоровье людей, животных и растений, так как не будет оснований для осуществления свободной торговли и как следствие — экономического и социального развития народов стран МЕРКОСУР, если эти люди были бы обречены жить в условиях окружающей среды, ослабленной агрессивным действием человека.

В пункте 100 решения Суд Ad Hoc пришел к выводу о том, что защита окружающей среды, с тех пор как она основана на справедливых основаниях, может использоваться в качестве исключения для общих норм региональной интеграции и, в частности, для тех, которые регулируют свободную торговлю между государствами МЕРКОСУР.

Суд Ad Hoc установил, что Уругвай производит и экспортирует восстановленные шины из каркасов, импортируемых в основном из развивающихся стран. Восстановленная шина сама по себе не является тем продуктом, который может нанести немедленный вред окружающей среде. Тем не менее, этот восстановленный продукт со структурой, произведенной в других регионах мира, будет иметь срок службы значительно меньше, чем новая шина, т.е. будет преобразован в отходы быстрее. Это приведет к тому, что принимающее государство быстрее будет накапливать вредные для окружающей среды отходы, для которых наука и технология до сих пор не нашли удовлетворительного способа утилизации. Поэтому Суд Ad Hoc заключил, что Аргентина имела веские основания для принятия Закона № 25.626 от 2002 года, чтобы посредством него предотвратить поступление в страну использованных, восстановленных шин.

Суд также пришел к выводу об отсутствии ущерба в связи с введением Аргентиной запрета на импорт для уругвайского производства восстановленных шин. Следовательно, не выполняется условие для применения принципа эстоппеля к рассматриваемой ситуации, поскольку не было доказано наличия постоянного торгового потока, а также существенного (значимого) уменьшения количества экспорта. Суд Ad Hoc пояснил, что принял решение не применять принцип эстоппеля в данном случае не только потому, что информация о предыдущей коммерческой деятельности не является существенной по своей экономической ценности либо из-за отсутствия непрерывного постоянства торговли, но и потому, что должны быть признаны высшие принципы, надлежащим образом проверенные, позволяющие государству налагать неэкономические ограничения на международную торговлю.

В поддержку правомерности своей жалобы Уругвай привел дело «Запрет на импорт восстановленных шин, происходящих из

Уругвая»¹, рассмотренное Арбитражем МЕРКОСУР, по которому было вынесено решение 9 января 2002 года. Данный спор имеет сходство с рассматриваемым спором между Аргентиной и Уругваем. Уругвай просил отменить действие бразильских норм, которые запрещают импорт восстановленных шин. Как и в предыдущем споре, Уругвай утверждал среди прочего о приоритете норм МЕРКОСУР в гарантировании свободы торговли, о непоследовательном поведении Бразилии, которая сначала допускала импорт восстановленных шин, а потом запретила его, и о возможности применения принципа эстоппеля. В деле 2002 года Арбитраж единогласно поддержал Уругвай, постановив, что Бразилия должна внести соответствующие изменения в Закон, чтобы вновь допустить импорт восстановленных шин. Внимательное прочтение решения 2002 года позволяет говорить о том, что Суд в то время был обеспокоен тем, чтобы проверить, подразумевает либо нет поведение Бразилии нарушение принципа свободы торговли.

В решении по спору между Аргентиной и Уругваем Суд Ad Hoc отметил, что согласно решению Арбитража 2002 года Суд не анализировал исключения из принципа свободной торговли, касающиеся защиты жизни и здоровья человека, животных и растений. Напротив, в рассматриваемом споре Суд Ad Hoc не мог проигнорировать важность положений об охране окружающей среды и признал их достаточными для того, чтобы сдерживать принцип свободы обращения товаров и услуг.

В итоге Трибунал Ad Hoc большинством голосов арбитров решил, что Закон № 25.626, принятый в Аргентине 8 августа 2002 года и опубликованный в Официальном бюллетене 9 августа 2002 года, соответствует изложенному в Асунсьонском договоре и в Приложении № 1 к нему, производным нормам данного Договора, так же как и положениям международного права, применимым к делу.

Решением Постоянного апелляционного суда МЕРКОСУР от 20 декабря 2005 года решение Суда Ad Hoc было отменено. По-

¹ Laudo del Tribunal Arbitral Ad Hoc del MERCOSUR constituido para entender en la controversia presentada por la República Oriental del Uruguay a la República Federativa del Brasil sobre prohibición de importación de neumáticos remoldados (remolded) procedentes de Uruguay http://www.tprmercosur.org/es/docum/laudos/bras/Laudo_br_06_es_Prohib_importac_neumaticos.pdf.

стоянный апелляционный суд сделал вывод о том, что в решении Суда Ad Нос имеются очевидные и серьезные юридические ошибки.

Кратко остановимся на тех основаниях, по которым решение Суда Ad Нос было отменено. Самый главный вопрос касается критериев применения исключений из свободного обращения товаров.

Так, в пункте 10 решения говорится о том, что в МЕРКОСУР не существует нормативного регулирования, устанавливающего критерии, согласно которым должны применяться исключения из принципа свободного обращения товаров. Решение Суда Ad Нос не содержит правовых позиций по этому вопросу и, таким образом, не выполняет той институциональной роли, которая заключается в том, чтобы при наличии нормативного пробела установить прецедентные критерии, понятные и конкретные для того, чтобы применять их впоследствии в конкретных случаях. Постоянный апелляционный суд предпринял попытку сформулировать критерии применения исключений из принципа свободной торговли.

Во-первых, необходимо проанализировать, действительно ли мера является ограничивающей свободную торговлю. В рассматриваемом случае ответ является положительным, так как запрет на импорт восстановленных шин — действительно мера, ограничивающая свободную торговлю.

Во-вторых, следует установить, является ли мера дискриминационной. В описываемом случае Постоянный апелляционный суд указал, что мера является прямо дискриминационной, потому что затрагивает только иностранные, но не национальные продукты.

Третий критерий — обоснована (оправдана) ли мера. Апелляционный суд пришел к выводу, что мера не могла иметь должного обоснования, учитывая, например, то, что в предыдущих парламентских обсуждениях помимо защиты окружающей среды приводился также аргумент «защиты национальных производителей данной продукции». Получив отрицательный ответ на то, что мера могла бы быть оправдана, тогда и только тогда следует переходить к анализу четвертого критерия.

Четвертый и наиболее сложный критерий — пропорциональности (соразмерности) — подразумевает, что любая мера, препятствующая свободной торговле, всегда должна быть оценена ограничительно. Постоянный апелляционный суд поддержал уругвай-

ский тезис о том, что введенная мера является несоразмерной продукту (восстановленным шинам, которые не являются ни отходом, ни использованными шинами согласно соответствующему заключению Суда Ad Hoc). Также отметил, что ущерб, причиненный окружающей среде, не является серьезным и необратимым. Кроме того, введенная мера не предотвращает вреда. Наконец, Постоянный суд заключил, что тот тезис, на который ссылается Аргентина (единственная приемлемая соразмерность в подобных случаях — запрет на импорт), не имеет какого-либо юридического основания.

В пункте 18 решения Постоянного апелляционного суда дается ссылка на Руководство по толкованию и применению статей 28 и 30 Договора ЕС, в котором содержится комментарий по делу *De Peijper* по вопросу о защите здоровья и жизни людей, животных и растений. Так, в нем, в частности, говорится, что «нормы или национальная практика не входят в сферу применения исключений, которые указаны в статье 36 (настоящей 30), если здоровье и жизнь людей могут защищаться в одинаково эффективной форме мерами, которые не ограничивают торговлю внутри сообщества».

По поводу применения принципа эстоппеля к рассматриваемому делу Постоянный апелляционный суд согласился с мнением Суда Ad Hoc и указал, что применение данного принципа к рассматриваемому спору будет излишним.

Большинством голосов судей Постоянного апелляционного суда Закон Аргентины № 25.626 от 2002 года признан несовместимым с правом порядком МЕРКОСУР на основе проведенного толкования исключений, предусмотренных статьей 50 Договора Монтевидео 1980 года, к которым отсылает Приложение № 1 Асунсьонского договора, в частности пункт «b» статьи 2. Вследствие этого Аргентина должна отменить вышеуказанный Закон или изменить его в соответствии с положениями, изложенными в решении. В резолютивной части решения также указано, что оно применяется до тех пор, пока в МЕРКОСУР не будет принято соответствующее нормативное регулирование, касающееся импорта восстановленных шин.

В практике органов разрешения споров МЕРКОСУР рассматривались другие дела, касающиеся ограничения свободы торговли, но напрямую не затрагивающие применения исключений по статье 50 Договора Монтевидео 1980 года. Речь идет, например, о

решении Арбитражного суда Ad Hoc, созданного по Бразильскому протоколу, о применении защитных мер к текстильным изделиям¹; об ограничении доступа на рынок Аргентины велосипедов уругвайского происхождения²; о запрете на доступ на бразильский рынок восстановленных шин из Уругвая³; спор между Уругваем и Бразилией по поводу применения дискриминационных и ограничительных мер в торговле табаком и изделиями, получаемыми из табака⁴, и др.

Раздел VI Картахенского соглашения посвящен «Программе либерализации» (статьи 72–78). Статья 72 Соглашения закрепляет, что целью программы либерализации товаров является устранение пошлин и ограничений любого порядка, которые влияют на импорт товаров, происходящих с территории какого-либо государства-члена.

Следует отметить, что статья 72, говоря об устранении пошлин и ограничений, прямо указывает на операции импорта.

Статья 73 Картахенского соглашения гласит следующее:

«Под “сборами” понимаются таможенные пошлины и любые другие эквивалентные сборы, будь то налогового, денежного, валютного или любого иного характера, которые влияют на импорт. Не подпадают под данное понятие сборы и налоги, соответствующие примерной стоимости оказанных услуг.

¹ Laudo del Tribunal Arbitral Ad Hoc del MERCOSUR constituido para decidir sobre la aplicación de medidas de salvaguardia sobre productos textiles (RES. 861/99) del Ministerio Economía y Obras y Servicios Públicos.

² Laudo del Tribunal Arbitral Ad Hoc del MERCOSUR constituido para entender en la controversia presentada por la República Oriental del Uruguay a la República Argentina sobre restricciones de acceso al mercado argentino de bicicletas de origen uruguayo.

³ Laudo del Tribunal Arbitral Ad Hoc del MERCOSUR constituido para entender en la controversia presentada por la República Oriental del Uruguay a la República Federativa del Brasil sobre prohibición de importación de neumáticos remoldados (remolded) procedentes de Uruguay.

⁴ Laudo del Tribunal Arbitral Ad Hoc del MERCOSUR constituido para entender en la controversia entre la República Oriental del Uruguay y la República Federativa del Brasil sobre medidas discriminatorias y restrictivas al comercio de tabaco y productos derivados del tabaco.

Под “ограничениями любого порядка” понимается любая мера административного, финансового или валютного характера, посредством которой государство-член препятствует или осложняет импорт в одностороннем порядке. Не охватываются данным понятием принятие и исполнение мер, направленных на:

- a) защиту общественной морали;
- b) применение законов и правил безопасности;
- c) регулирование импорта и экспорта оружия, боеприпасов и других военных материалов, и в исключительных случаях, всех других предметов военного назначения, всегда когда не вторгаются в положения договоров о беспрепятственном свободном передвижении, действующем между государствами-членами;
- d) защиту жизни и здоровья людей, животных и растений;
- e) импорт и экспорт золота и серебра;
- f) защиту национальных сокровищ, имеющих художественную, историческую или археологическую ценность; и
- g) экспорт, использование и потребление ядерных материалов, радиоактивных материалов или любого другого материала, используемого в разработке и эксплуатации ядерной энергии».

Таким образом, статья 73 Картахенского соглашения, особенно в части формулировки оснований введения ограничений, сходна со статьей 2 Приложения № 1 к Асунсьонскому договору и статьей 50 Договора Монтевидео 1980 года.

Необходимо отметить статью 74 Картахенского соглашения, аналог которой отсутствует в Приложении № 1 к Асунсьонскому договору, в соответствии с которой: «Для целей вышеуказанных статей, Генеральный секретариат по своей собственной инициативе или по просьбе одной из сторон определяет в тех случаях, когда это необходимо, образует ли принятая в одностороннем порядке государством-членом мера “сбор” или “ограничение”».

Таким образом, в Андском сообществе установлен специальный механизм для квалификации ограничений и сборов, содержащийся в Решении № 425 (необходимые требования к жалобе (обращению), сроки, процедура расследование и др.)¹.

Как отмечается в Руководстве (справочнике) по разрешению споров в Андском сообществе, подготовленном Генеральном

¹ http://www.comunidadandina.org/StaticFiles/201166181126libro_patentes.pdf.

секретариатом Андского сообщества в 2008 году, «Без сомнения мера не может иметь исключительный характер, если не удовлетворяет следующим условиям: быть обоснованной, быть незаменимой мерой, сохранять причинно-следственную связь с защищаемым благом, и не быть дискриминационной. Программа либерализации устанавливает, что Генеральный секретариат Андского сообщества — это тот орган, который должен квалифицировать, было ли установлено ограничение или сбор в противоречие с настоящей программой»¹.

Когда возникают подобные ситуации, спор разрешается по первой инстанции Генеральным секретариатом Андского сообщества, согласно изложенному в Регламенте административных процедур Андского сообщества (Решение № 425). Право государства — члена Андского сообщества подать жалобу означает не только возможность защиты своей торговли, но также возможность следить за исполнением коммунитарного правопорядка, реагировать на нарушение прав частного лица (физического или юридического). В то же время Генеральный секретариат по собственной инициативе может инициировать проверку в соответствии со статьей 74 Картахенского соглашения. Так, согласно статьям 30 и 74 Картахенского соглашения, статье 49 Решения № 425 Генеральный секретариат может инициировать по своей инициативе расследования всегда, когда обладает информацией относительно мер или поведения, принятых государством-членом, которые могут образовать ограничения или ввести сборы во внутренней субрегиональной торговле.

Получив от государства запрос о проверке введенных ограничений и сборов, Генеральный секретариат в течение пяти дней должен проанализировать представленные документы. Если документы соответствуют предъявляемым требованиям, Генеральный секретариат инициирует расследование и в течение десяти последующих дней направляет государству-члену обращение с просьбой предоставить информацию по введенной мере. Государство через свой уполномоченный орган предоставляет доказательства и необходимые документы, касающиеся введения мер, позволяющие доказать их применение в рамках установленного статьей 73 Картахенского соглашения. Государство-член должно доказать, что введенная им мера основана на принципе пропор-

¹ http://www.comunidadandina.org/StaticFiles/201166181126libro_patentes.pdf.

циональности, имеет причинно-следственную связь с основанием введения, незаменима, не является дискриминационной (т.е. предполагает установление одинаковых условий как для национальных, так и для импортируемых продуктов). В течение десяти последующих дней после направления запроса государству — члену Андского сообщества Генеральный секретариат в независимости от того, получен ли ответ, должен принять обоснованное решение (в форме постановления), образует ли введенная мера ограничение в торговле и (или) устанавливает ли сбор.

Решение, согласно которому мера признается ограничивающей торговлю, обязательно для исполнения со дня вступления в силу. Это решение может быть предметом обжалования, что также предусмотрено Решением № 425, а затем оно может быть предметом иска об аннулировании (о признании решения недействительным) в Суде Андского сообщества. Если государство — член Андского сообщества не исполнило решения, Генеральный секретариат может по собственной инициативе или по просьбе стороны инициировать досудебное производство о неисполнении.

В рамках административных процедур оценки (квалификации) поведения государства — члена Андского сообщества, касающегося введения ограничения и (или) обременения, затрагивающего свободу внутренней субрегиональной торговли, Генеральным секретариатом Андского сообщества было рассмотрено более 70 дел¹. Только один из запросов касался квалификации ограничения в соответствии со статьей 73 Картахенского соглашения². Дело находится в стадии рассмотрения (по сведениям, имеющимся на сайте Андского сообщества)³.

Наиболее характерным видом расследований, проводимых Генеральным секретариатом Андского сообщества, является рассле-

¹ Procedimientos de la Secretaría General de la Comunidad Andina // <http://www.comunidadandina.org/Solcontroversias.aspx?fr=0&codProc=202&codpadre=1&tipoProc=1>.

² Дело, касающееся введения Эквадором налога на вывоз валюты на основе Закона о внесении изменений в Закон о внутреннем государственном налогообложении, который устанавливает ставку налога на денежные переводы иностранной валюты, равную 5% от импорта, который осуществляется в этой стране.

³ <http://www.comunidadandina.org/Solcontroversias.aspx?fr=0&codProc=202&codpadre=1&tipoProc=1>.

дование на основании запросов (обращений) от государств — членов Андского сообщества о введении ограничительной меры другим государством — членом Сообщества. Так, Колумбия обратилась с запросом в Генеральный секретариат по поводу введения Перу корректирующих адвалорных пошлин на импорт белого сахара, происходящего из Колумбии и Венесуэлы. В своем постановлении от 21 июля 2006 года Генеральный секретариат признал введенную корректирующую пошлину ограничением согласно Программе либерализации Картахенского соглашения и постановил, что Республика Перу должна сообщить в течение 15 дней об отмене данной меры. В обоснование решения Секретариат заключил, в частности, что решение Перу было принято в одностороннем порядке, не оправдано исключениями, содержащимися в статье 73 Картахенского соглашения, и имеет своей целью препятствовать или усложнять импорт сахара, происходящего из субрегиона.

Судом Андского сообщества был рассмотрен ряд дел, касающихся введения ограничительных мер, в производствах по искам о неисполнении и об аннулировании (признании недействительными) актов. Так, например, процесс 118-AI-2003, по которому Генеральным секретариатом Андского сообщества был подан иск в Суд Андского сообщества в отношении Республики Колумбия по поводу предполагаемого неисполнения ряда статей Картахенского соглашения, других актов Сообщества, выражающегося во введении ограничений в торговле рисом внутри Сообщества. Андский суд признал, что Колумбия не исполняла своих обязательств в соответствии с положениями Картахенского соглашения и другими актами Сообщества и что она должна принять необходимые меры для того, чтобы положить конец нарушению правил Сообщества и воздерживаться от принятия новых ограничительных мер в торговле, что не лишает права пострадавших от неисполнения данных норм по делу на компенсацию вреда и возмещение ущерба¹.

Правовые позиции Андского суда по поводу применения ограничительных мер были выражены в решениях, например:

¹ <http://www.google.by/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0ahUKewjXw9yRzbXVAhXDSRoKHwAPDz0QFggkMAA&url=http%3A%2F%2Fintranet.comunidadandina.org%2FDocumentos%2FProcesos%2F118-AI-2003.doc&usg=AFQjCNEu2M0G7YcDYX6MWQ5fuVFLW97u> CA.

– «Как исключение, базирующееся на статье 72 Картахенского соглашения, государство могло бы, например, принять внутренние нормы о потреблении алкоголя, сигарет или токсичных продуктов для защиты здоровья людей, но такие правила должны применяться как к национальным продуктам, так и к иностранным, без дискриминации. В этом случае мера перестала бы быть ограничительной, потому что имела бы характер исключения, и в любом случае она должна сохранить пропорциональность между принятой мерой и воздействием (результатом), на который она направлена» (Решение Суда Андского сообщества от 8 июня 1998 года, дело 5-AN-97, об аннулировании актов).

– «... мера, препятствующая импорту конкретного продукта или затрудняющая его, может характеризоваться как ограничение в торговле; более того, если такая мера является дискриминационной. Аналогичным образом можно заключить, что, если та цель, которую преследует мера, могла бы быть достигнута другими средствами, которые не препятствовали бы торговле...» (Решение Суда Андского сообщества от 24 марта 1997 года, дело 3-AI-96, производство о неисполнении).

Таким образом, по своему содержанию и целям нормы, устанавливающие исключения во взаимной торговле в МЕРКОСУР и Андском сообществе, в целом схожи со статьей 29 Договора о ЕАЭС. Между тем, латиноамериканские нормы более лаконичны по своим формулировкам и не содержат каких-либо критериев, позволяющих оценить правомерность введенных мер. Данные критерии применения исключений были разработаны в практике судебных, арбитражных и административных органов МЕРКОСУР и Андского сообщества. Проведенный анализ показал, что имеются особенности оспаривания принятых мер в различных процедурах (не только судебных, но и административных).

В Консультативном заключении Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 30 октября 2017 года о разъяснении положений пункта 29 Договора о ЕАЭС Суд сформулировал правовые позиции относительно порядка применения ограничительных мер во взаимной торговле товарами государствами — членами Союза.

Статья 29 Договора о ЕАЭС имеет сложную юридическую конструкцию¹, в связи с чем у заявителя (Евразийская экономическая комиссия), обратившегося в Суд ЕАЭС за разъяснением порядка применения положений статьи 29 Договора в части введения ограничительных мер во взаимной торговле товарами, возник вопрос о применении положений пункта 1 статьи 29 Договора о ЕАЭС как самостоятельных оснований для введения ограничений в торговле либо только во взаимосвязи с положениями пункта 3 этой же статьи Договора.

Большая коллегия Суда ЕАЭС в пункте 4 Консультативного заключения от 30 октября 2017 года сформулировала вывод о том, что по своей структуре статья 29 Договора состоит из трех пунктов. Ее положениями, устанавливающими исключения из порядка функционирования внутреннего рынка, предусматривается введение государствами — членами Союза (исходя из одних и тех же оснований) трех категорий исключений с соответствующими различными режимами правового регулирования².

¹ Статья 29. Исключения из порядка функционирования внутреннего рынка товаров

1. Государства-члены во взаимной торговле товарами вправе применять ограничения (при условии, что такие меры не являются средством неоправданной дискриминации или скрытым ограничением торговли) в случае, если такие ограничения необходимы для:

- 1) охраны жизни и здоровья человека;
- 2) защиты общественной морали и правопорядка;
- 3) охраны окружающей среды;
- 4) охраны животных и растений, культурных ценностей;
- 5) выполнения международных обязательств;
- 6) обеспечения обороны страны и безопасности государства-члена.

2. По основаниям, указанным в пункте 1 настоящей статьи, на внутреннем рынке могут быть введены также санитарные, ветеринарно-санитарные и карантинные фитосанитарные меры в порядке, определяемом разделом XI настоящего Договора.

3. По основаниям, указанным в пункте 1 настоящей статьи, оборот отдельных категорий товаров может быть ограничен.

Порядок перемещения или обращения таких товаров на таможенной территории Союза определяется в соответствии с настоящим Договором, международными договорами в рамках Союза.

² Консультативное заключение Большой коллегии Суда от 30 октября 2017 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяс-

Пунктом 1 статьи 29 Договора регулируются правоотношения, связанные с применением во взаимной торговле ограничений, вводимых в одностороннем порядке. Пунктом 2 — правоотношения, связанные с введением санитарных, ветеринарно-санитарных и карантинных фитосанитарных мер в порядке, определяемом Разделом XI Договора. Пунктом 3 этой же статьи Договора регулируются правоотношения, связанные с ограничением оборота отдельных категорий товаров на таможенной территории Союза.

Большая коллегия делает вывод, что пункты 1–3 статьи 29 Договора регулируют различные виды исключений, которые имеют самостоятельные процедуры введения (установления).

Введение санитарных, ветеринарно-санитарных и карантинных фитосанитарных мер может иметь место в порядке, определяемом Разделом XI Договора (пункт 2 статьи 29 Договора).

Ограничение оборота отдельных категорий товаров (наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры, служебное и гражданское оружие, озоноразрушающие вещества и др.), порядок перемещения или обращения которых на таможенной территории Союза определяется в соответствии с Договором, международными договорами в рамках Союза (пункт 3 статьи 29 Договора).

В пункте 5 Консультативного заключения от 30 октября 2017 года Большая коллегия Суда ЕАЭС отметила, что пункт 1 статьи 29 Договора устанавливает, что государства — члены Союза во взаимной торговле товарами вправе применять ограничения (при условии, что такие меры не являются средством неоправданной дискриминации или скрытым ограничением торговли) в случае, если такие ограничения необходимы для:

- 1) охраны жизни и здоровья человека;
- 2) защиты общественной морали и правопорядка;
- 3) охраны окружающей среды;
- 4) охраны животных и растений, культурных ценностей;
- 5) выполнения международных обязательств;
- 6) обеспечения обороны страны и безопасности государства-члена.

нении положений статьи 29 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года // <http://courteurasian.org/page-24731>.

Большая коллегия сочла важным определить субъект, уполномоченный на введение ограничений, предусмотренных пунктами 1 и 3 статьи 29 Договора. Был сделан вывод о том, что в данном контексте для целей Договора в рамках понятия «государства-члены» рассматривается каждое государство-член Союза в отдельности. Иной вывод следует из грамматического анализа пункта 3 статьи 29 Договора, в котором не назван субъект введения ограничения, закрепляя в данной формулировке, что «...оборот отдельных категорий товаров может быть ограничен...». В этом случае речь идет не об ограничении каждым государством в отдельности оборота отдельных категорий товаров, а о мерах, принимаемых государствами — членами Союза совместно, посредством заключения соответствующих международных соглашений в рамках Союза¹.

В пункте 6 Консультативного заключения от 30 октября 2017 года Большая коллегия Суда ЕАЭС выработала критерии применения ограничений во взаимной торговле товарами при наличии двух условий:

- такие меры не должны являться средством неоправданной дискриминации или средством ограничения торговли;
- такие ограничения необходимы для целей, указанных в абзацах 1–6, пункта 1 статьи 29 Договора.

Как и в случае ограничения оборота отдельных категорий товаров в соответствии с пунктом 3 статьи 29 Договора о ЕАЭС, односторонние ограничительные меры государств — членов Союза, могут быть направлены исключительно на защиту одного (или нескольких) из интересов, указанных в пункте 1 статьи 29 Договора².

По делу о разъяснении положений статьи 29 Договора о ЕАЭС имеются особые мнения судей Суда ЕАЭС.

Судья Т.Н. Нешатаева в своем особом мнении сделала вывод о том, что «Статья 29 Договора, озаглавленная “Исключения из по-

¹ Консультативное заключение Большой коллегии Суда от 30 октября 2017 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений статьи 29 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года // <http://courteurasian.org/page-24731>.

² Там же.

рядка функционирования внутреннего рынка товаров”, содержит два вида правил: пункт 1 предусматривает право государств-членов добросовестно применять ограничения во взаимной торговле, пункт 3 предусматривает возможность изъять из торговли отдельные категории вещей, ограничив их оборотоспособность в целом. Эти два вида объединяет то, что они могут быть введены только по неэкономическим основаниям, перечисленным в шести подпунктах пункта 1 данной статьи. При этом субъекты, которым Договор позволяет вводить ограничения, также различны: в пункте 1 — это любое из государств-членов в отдельности, а в пункте 3 — все государства — члены Союза вместе»¹.

Иную позицию, заключающуюся во взаимосвязанном толковании пунктов 1 и 3 статьи 29 Договора о ЕАЭС, высказал судья К.Л. Чайка: «8.1. Пункт 1 статьи 29 Договора о Союзе не является самостоятельной правовой нормой и может быть применен только во взаимосвязи с пунктом 3 данной статьи, а, значит, для введения ограничений во взаимной торговле товарами Союза в случаях, предусмотренных пунктом 1 статьи 29 Договора о Союзе, необходимо принятие международного договора в рамках Союза, устанавливающего порядок перемещения и обращения отдельных категорий товаров Союза.

8.2. Государства — члены Союза не вправе применять в одностороннем порядке ограничения оборота отдельных категорий товаров Союза, в том числе в форме запрета ввоза и вывоза товаров Союза.

8.3. Возможность применения ограничений на наднациональном уровне распространяется только на меры нетарифного регулирования и не допускает применения запретов во взаимной торговле государств — членов Союза»².

Проведенный анализ норм, закрепляющих принцип свободного движения товаров на внутреннем рынке и исключения из него, показал, что подобные нормы характерны для большинства интеграционных объединений (Европейского союза, Евразийского

¹ Особое мнение судьи Нешатаевой Т.Н. от 30 октября 2017 года (дело № СЕ-2-2/2-17-БК) // <http://courteurasian.org/page-24731>.

² Особое мнение судьи Чайки К.Л. от 30 октября 2017 года (дело № СЕ-2-2/2-17-БК) // <http://courteurasian.org/page-24731>.

экономического союза, МЕРКОСУР, Андского сообщества)¹. Исключения из принципа свободного движения товаров также свойственны названным интеграционным объединениям. Их объединяет то, что они должны применяться только для достижения строго определенных целей; не должны являться средством неоправданной дискриминации или средством ограничения торговли. Практика толкования и применения положений об исключениях из принципа свободного движения товаров на внутреннем рынке вырабатывается судами интеграционных объединений.

¹ Подробнее о видах и формах евразийских и латиноамериканских интеграционных объединениях см.: Рафалюк Е.Е., Залоило М.В., Власова Н.В. Понятия, виды и формы евразийского и латиноамериканского интеграционных объединений (сравнительно-правовой анализ) // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 154–168.

Проблемы унификации международного частного права в странах Евразии и Латинской Америки

(О.В. Муратова)

Сближение правовых систем является необходимым условием эффективного взаимодействия хозяйственных механизмов разных стран в условиях глобализации¹. Однако унификационные процессы происходят не только на глобальном, но и на региональном уровне, что обусловлено общими историческими, географическими, экономическими, политическими, культурными, религиозными и иными узами и интересами².

Здесь необходимо пояснить, что под унификацией понимаются как процесс создания полностью единообразных норм (прямая унификация), так и установление согласованных ориентиров для выработки общей политики (косвенная унификация, гармонизация права), что является наиболее предпочтительным в условиях экономической интеграции. Единообразными нормами принято считать унифицированные правила поведения сторон в том или ином гражданском правоотношении, о применении которых договорились государства в разработанных ими специально для этих целей актах международно-правового характера и которые являются готовыми к применению³. Косвенный способ унификации

¹ Подробнее о диалоге правовых систем в интеграционных процессах: Региональная интеграция государств Евразии и Латинской Америки: компаративный анализ: Сб. науч. статей. М.: 2016. С. 89–97.

² См. подробнее: Муратова О.В. Направления и пределы гармонизации частного права в условиях региональной экономической интеграции // Журнал российского права. 2015. № 12. С. 139–149; Рафалюк Е.Е., Залоило М.В., Власова Н.В. Понятия, виды и формы евразийского и латиноамериканского интеграционных объединений (сравнительно-правовой анализ) // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 154–168; Региональные интеграции государств Евразии и Латинской Америки: публично-правовые и частноправовые аспекты: монография. М.: , 2016.

³ См. подробнее: Проблемы унификации международного частного права: монография / Н.В. Власова, Н.Г. Доронина, Т.П. Лазарева и др.; отв. ред. А.Л. Маковский, И.О. Хлестова. М.: ИЗиСП, Юриспруденция, 2012.

права основан на обязательстве государства следовать определенному направлению (принципу) правового регулирования при разработке национального законодательства. Унификация права без создания единообразных норм (гармонизация права) в рамках экономически интегрированного объединения позволяет учитывать специфику правового регулирования каждого конкретного государства, характеризующуюся, как правило, особенностями его экономического развития¹.

Региональные интеграционные союзы представляют собой наиболее эффективный способ улучшения конкурентоспособности и отдельных стран, и всего региона в целом, что особенно актуально в период сложной международной политической и экономической ситуации. В рамках евразийского региона задачу всестороннего и сбалансированного экономического и социального развития государств, а также межгосударственной кооперации и интеграции выполняет СНГ — объединение суверенных государств с широкой сферой совместной деятельности и развитой организационной структурой². Однако интеграционный процесс в СНГ имеет разноскоростную направленность и разнонаправленный характер, что выражается в формировании субрегиональных групп в рамках СНГ: Союзное государство России и Белоруссии, ЕврАзЭС / ЕАЭС, ЕЭП, ГУАМ³.

Основными целями интеграции в рамках евразийского пространства, как следует из Договора о ЕАЭС⁴, являются: создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в

¹ См. подробнее: Доронина Н.Г. Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции // Журнал российского права. 1998. № 6.

² См. подробнее: Региональные интеграции государств Евразии и Латинской Америки: публично-правовые и частноправовые аспекты. С. 145–193.

³ См. подробнее: Рафалюк Е.Е., Залоило М.В., Власова Н.В. Правовые модели интеграционных объединений государств Евразии и Латинской Америки // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 2. С. 103–113; Международное право: учебник / Б.М. Ашавский, М.М. Бирюков, В.Д. Бордунов и др.; отв. ред. С.А. Егоров. М.: Статут, 2015.

⁴ Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. // СПС «КонсультантПлюс».

интересах повышения жизненного уровня их населения; стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза; всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики (статья 4). Достижение указанных целей невозможно без проведения согласованной законодательной политики в отдельных сферах, т.е. без сближения правовых систем.

Основой для сближения национальных законодательств стран евразийского региона являются договоренности, достигнутые в рамках СНГ. В сфере осуществления внешнеэкономической деятельности можно назвать следующие соглашения: Соглашение «Об общих условиях поставок товаров между организациями государств — участников Содружества Независимых Государств» от 20 марта 1992 года¹, Соглашение стран СНГ «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности» от 20 марта 1992 года², Соглашение стран СНГ «О мерах по обеспечению улучшения расчетов между хозяйственными организациями стран — участниц Содружества Независимых Государств» от 15 мая 1992 года³, Соглашение СНГ «О сотрудничестве в области внешнеэкономической деятельности» от 15 мая 1992 года⁴, Соглашение стран СНГ «О распределении всей собст-

¹ Соглашение «Об общих условиях поставок товаров между организациями государств — участников Содружества Независимых Государств» от 20 марта 1992 г. // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1992. № 4.

² Соглашение стран СНГ «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности» от 20 марта 1992 г. // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1992. № 4.

³ Соглашение СНГ «О мерах по обеспечению улучшения расчетов между хозяйственными организациями стран — участниц Содружества Независимых Государств» от 15 мая 1992 г. // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1992. № 5.

⁴ Соглашение СНГ «О сотрудничестве в области внешнеэкономической деятельности» от 15 мая 1992 г. // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1992. № 5.

венности бывшего союза ССР за рубежом» от 6 июля 1992 года¹, Соглашение стран СНГ «О взаимном признании прав и регулировании отношений собственности» от 9 октября 1992 года², Соглашение стран СНГ «О принципах сближения хозяйственного законодательства государств — участников Содружества» от 9 октября 1992 года³, Соглашение стран СНГ «О сотрудничестве в области охраны авторского права и смежных прав» от 24 сентября 1993 года⁴, Соглашение стран СНГ «Об обмене информацией в области внешнеэкономической деятельности» от 24 сентября 1993 года⁵, Соглашение стран СНГ «О сотрудничестве в области инвестиционной деятельности» от 24 декабря 1993 года⁶, Соглашение стран СНГ «О создании зоны свободной торговли» от 15 апреля 1994 года⁷ и др. Всего с 1991 по 2016 год в рамках СНГ

¹ Соглашение СНГ «О распределении всей собственности бывшего союза ССР за рубежом» от 6 июля 1992 г. // Бюллетень международных договоров. 1993. № 8.

² Соглашение СНГ «О взаимном признании прав и регулировании отношений собственности» от 9 октября 1992 г. // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1992. № 7.

³ Соглашение стран СНГ «О принципах сближения хозяйственного законодательства государств — участников Содружества» от 9 октября 1992 г. // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1992. № 7.

⁴ Соглашение стран СНГ «О сотрудничестве в области охраны авторского права и смежных прав» от 24 сентября 1993 г. // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1993. № 4.

⁵ Соглашение СНГ «Об обмене информацией в области внешнеэкономической деятельности» от 24 сентября 1993 г. // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1993. № 4.

⁶ Соглашение стран СНГ «О сотрудничестве в области инвестиционной деятельности» от 24 декабря 1993 г. // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1993. № 5.

⁷ Соглашение стран СНГ «О создании зоны свободной торговли» от 15 апреля 1994 г. // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1994. № 1.

было принято 382 документа, предусматривающих выполнение внутригосударственных процедур¹.

Важным направлением гармонизации права в рамках СНГ является и сотрудничество по вопросам международного гражданского процесса, что объясняется необходимостью создания эффективного механизма правовой помощи, в том числе по гражданским и торговым делам, в рамках трансграничного пространства правосудия. Так, в рамках евразийского региона действует Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 года (далее — Минская конвенция). Минская конвенция направлена на обеспечение защиты в судах этих стран граждан стран СНГ и других лиц, если они проживают в стране-участнице, а также юридических лиц; устанавливает надежное правовое сотрудничество судов и других учреждений юстиции.

Минская конвенция охватывает широкий круг вопросов в сфере гражданского процесса: правовая защита граждан и юридических лиц, порядок сношений при оказании правовой помощи, исполнение поручений учреждений юстиции, действительность документов, предоставление информации о праве, разграничение компетенции судов, признание и исполнение иностранных судебных решений, а также вопросы применения права (в основном коллизионные нормы) и вопросы уголовного процесса.

7 октября 2002 г. большинством стран СНГ, участвующих в Минской конвенции, была подписана в г. Кишиневе новая Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (далее — Кишиневская конвенция), нормы которой в области гражданского процесса в основном воспроизводят положения Минской конвенции. Для стран, ратифицировавших Кишиневскую конвенцию, она заменила собой Минскую конвенцию (Россия пока не ратифицировала Кишиневскую конвенцию). Представляется, что в рамках евразийского пространства унификация процессуального законодательства осуществляется с перспективой создания единого правового поля в сфере гражданского судопроизводства².

¹ <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reports/vgp/stats>.

² См. подробнее: Щукин А.И. Вопросы подсудности в международных договорах с участием России: монография. Москва: Проспект, 2015.

В рамках СНГ гармонизация частного права осуществляется также и посредством разработки модельных актов — кодексов и законов, представляющих собой образцы, рекомендуемые государствам для принятия. К таким модельным актам относятся: Рекомендательный законодательный акт от 18 марта 1994 года «Об общих принципах правового регулирования иностранных инвестиций в государствах — участниках Межпарламентской Ассамблеи», Модельный Гражданский кодекс для государств-участников СНГ (часть первая от 29 октября 1994 года; часть вторая от 13 мая 1995 года; часть третья от 17 февраля 1996 года), Модельный устав железных дорог от 3 апреля 1999 года, Модельный закон от 9 декабря 2000 года «О свободных экономических зонах», Модельный закон от 14 апреля 2005 года «О лизинге», Модельный закон от 25 ноября 2008 года «Об электронной торговле», Модельный Таможенный кодекс для государств — участников СНГ от 25 ноября 2008 года, Модельный Торговый кодекс для государств — участников СНГ от 3 декабря 2009 г., Модельный Кодекс интеллектуальной собственности для государств-участников СНГ от 7 апреля 2010 г. и др.

Модельное законодательство оказало существенное влияние на формирование нормативной базы стран евразийского региона. К примеру, основу гражданских кодексов и/или законов о международном частном праве большинства стран, входящих в СНГ составил Модельный Гражданский кодекс СНГ (далее — Модель ГК для стран СНГ). Вместе с тем, однако, за более чем 20-летний период независимости в законодательство каждого из государств был внесен ряд изменений, отражающих именно его экономические, культурные и политические особенности. Таким образом, из года в год, имея общие корни и обоснованные модельным законодательством СНГ схожие ключевые подходы к правовой регламентации общественных отношений в разных сферах, нормативная основа каждого из государств — членов ЕАЭС, тем не менее, все больше и больше приобретает специфические черты¹. Это касается наряду с правовым регулированием иных областей общественной жизни регулирования отношений в сфере международного частного права.

¹ См. подробнее: Демиева А.Г. Проблемы сближения законодательства о предпринимательской деятельности стран-участниц ЕАЭС // Наука и школа. 2017. № 1. С. 9–18.

Такой вывод следует из анализа норм о международном частном праве Раздела VI ГК РФ и Раздела VII Модели ГК для стран СНГ. Так, концептуальную основу соответствующих разделов кодексов составляет преобладающий в доктрине этих стран взгляд на международное частное право как на область отношений гражданско-правового характера, осложненных иностранным элементом¹.

Многие положения Модели ГК для стран СНГ были восприняты ГК РФ. В то же время Раздел VI ГК РФ представляется более приближенным к современным зарубежным кодификациям международного частного права, отвечающим тенденциям развития коллизионного регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом. Различия между некоторыми правилами разделов начинаются уже с первых статей. Так, в Модели ГК для стран СНГ отсутствуют включенные в статью 1186 ГК РФ нормы об особенностях определения права, применяемого международным коммерческим арбитражем, и о неприменении коллизионных норм в случаях, когда отношение урегулировано материально-правовыми предписаниями международного договора Российской Федерации. В ГК РФ не воспринято правило Модели ГК для стран СНГ, не допускающее отказ в применении иностранного права, основанный на отличии правовой, политической или экономической системы соответствующего иностранного государства (статья 1199 Модели ГК для стран СНГ). В ГК РФ также отсутствуют нормы, допускающие отсылку к праву третьей страны, и положения, регламентирующие последствия обхода закона.

В свою очередь в ГК РФ включены не известные Модели ГК для стран СНГ положения, в том числе о праве, подлежащем применению к отдельным видам договорных обязательств: к договору с участием потребителя, договору в отношении недвижимого имущества, к уступке требования, к переходу прав кредитора к другому лицу на основании закона, к отношениям представительства, к прекращению обязательства зачетом, к отношениям по уп-

¹ Международное частное право: учебник / отв. ред. Н.И. Марышева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юридическая фирма «Контракт»; Волтерс Клувер, 2010. С. 50.

лате процентов. Модель ГК для стран СНГ также не определяет сферу действия права, подлежащего применению к обязательствам вследствие причинения вреда и не содержит положений о праве, подлежащем применению к установлению допустимости требования о возмещении вреда страховщиком. Отсутствует в Модели ГК для стран СНГ и коллизионное регулирование обязательств, возникающих вследствие недобросовестной конкуренции и ограничения конкуренции, обязательств, возникающих вследствие недобросовестного ведения переговоров о заключении договора. Модель ГК для стран СНГ, в отличие от ГК РФ, не предоставляет сторонам внедоговорных обязательств возможность самим выбрать подлежащее применению право. Вместе с тем в составе норм данного раздела ГК РФ отсутствуют закрепленные в Модели ГК для стран СНГ правила, относящиеся к регистрации актов гражданского состояния и признанию документов, выданных органами иностранного государства в удостоверение таких актов, к национальному режиму деятельности иностранных юридических лиц, правам на интеллектуальную собственность.

23 декабря 2011 года было принято Постановление Межпарламентской Ассамблеи Евразийского экономического сообщества № 5 «О Рекомендациях по гармонизации гражданского законодательства государств — членов ЕврАзЭС в сфере применения коллизионных норм»¹. Указанный документ основывается на сравнительном анализе национальных гражданских законодательств государств Сообщества, который показал, что в государствах — членах ЕврАзЭС ведется активная работа по совершенствованию и гармонизации гражданского законодательства с учетом накопленного опыта, произошедших изменений и развития мирового коллизионного регулирования. Вместе с тем, особенности, свойственные праву каждого суверенного государства, и внесение изменений в национальные гражданские кодексы при отсутствии между государствами — членами ЕврАзЭС какой-либо гармонизации таких изменений, закрепление в национальных коллизионных нормах разных привязок привели к возникновению различий.

В целях совершенствования национальных гражданских законодательств названный документ предлагает дополнить и внести

¹ <http://naviny.org/2011/12/23/by13121.htm>.

изменения в раздел «Международное частное право» гражданских кодексов государств — членов ЕврАзЭС, которые предполагают:

- расширение круга отношений прямо регулируемых новыми коллизионными нормами;
- исправление некоторых коллизионных норм для наибольшей адекватности регулирования;
- совершенствование правоприменительной практики судами.

Вопрос о том, насколько национальные законодатели учли предложенные рекомендации, остается открытым.

Здесь необходимо отметить, что в рамках ЕврАзЭС был предусмотрен особый эффективный механизм унификации в том числе и частного права, — принятие Основ законодательства ЕврАзЭС. Согласно Договору о статусе Основ законодательства Евразийского экономического сообщества, порядке их разработки, принятия и реализации¹ (далее — Договор о статусе Основ) под Основами законодательства ЕврАзЭС понимаются правовые акты ЕврАзЭС, которые устанавливают единые для Сторон нормы правового регулирования в базовых сферах правоотношений и которые принимаются путем заключения Сторонами соответствующих соглашений (далее — Соглашения о принятии Основ законодательства ЕврАзЭС).

Как следует из доклада А.Л. Маковского на «Сенатских чтениях» в Конституционном Суде Российской Федерации 12 апреля 2013 года по инициативе Исследовательского центра частного права при Президенте Российской Федерации в Совет глав правительств стран ЕврАзЭС было внесено предложение о разработке основ гражданского законодательства этих стран. И такой проект в общем-то существует². Он обсуждается, он критикуется, но во всяком случае определенный шаг в направлении унификации гражданского законодательства стран евразийского региона сделан.

Следует согласиться с мнением С.В. Скрябина о том, что принятие Основ гражданского законодательства ЕврАзЭС является более правильным вариантом унификации, чем модельное зако-

¹ Договор о статусе Основ законодательства Евразийского экономического сообщества, порядке их разработки, принятия и реализации от 18 июня 2004 г. // СЗ РФ. 2007. № 52. Ст. 6419.

² Маковский А.Л. Об уроках реформирования Гражданского кодекса России // Вестник гражданского права. 2013. № 5. С. 157–172.

нодательство стран СНГ. Именно Основы могут заложить общий фундамент регулирования частноправовых отношений, что не только не исключает, но и предполагает отдельные особенности регулирования в национальном законодательстве¹.

Представляется, что разработка Основ могла бы быть продолжена и в рамках ЕАЭС². Такой документ мог бы быть принят посредством заключения странами — участницами международного договора об Основах гражданского законодательства стран ЕАЭС или о Гражданском кодексе ЕАЭС по аналогии с подписанным 11 апреля 2017 года Договором о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза³.

Главной формой унификации международного частного права в Латинской Америке является договорная, или конвенционная⁴. Уже в конце XIX века странами Латинской Америки было заключено несколько международных договоров: Договор о международном гражданском праве от 12 февраля 1889 года, Договор о международном торговом праве от 12 ноября 1889 года.

20 февраля 1928 года страны Латинской Америки приняли Гаванскую конвенцию о международном частном праве (Кодекс Бустаманте), тем самым осуществив первую международно-правовую кодификацию международного частного права. Принятый в Гаване на организованной Панамериканским союзом шестой Международной конференции американских государств, Кодекс Бустаманте был ратифицирован Боливией, Бразилией, Венесуэлой, Гаити, Гватемалой, Гондурасом, Доминиканской Республикой, Коста-Рикой,

¹ Доклад С.В. Скрыбина на заседании экспертной группы «Система частного права стран Европейско-Азиатского региона и роль судебной практики в модернизации гражданского законодательства», проведенного в рамках мероприятий шестой сессии Европейско-Азиатского правового конгресса «Правовые формы интеграционных процессов в современном мире: реальность и перспективы» (7–8 июня 2012 года г. Екатеринбург) // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33838711.

² С вступлением в силу Договора о ЕАЭС, вместе с Договором о ЕвразЭС прекратил действие и Договор о статусе Основ.

³ Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г. // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См. подробнее: Рафалюк Е.Е. Унификация международного частного права в странах Латинской Америки: история и современность // Журнал российского права. 2010. № 5. С. 88–98.

Кубой, Никарагуа, Сальвадором, Панамой, Перу, Чили, Эквадором. В других американских государствах Кодекс применялся судами в силу «разумности и целесообразности»¹.

Кодекс Бустаманте включает в себя 437 статей, образующих вступительный раздел и четыре книги: I — о международном гражданском праве; II — о международном торговом праве; III — о международном уголовном праве; IV — о международном процессе.

Однако впоследствии государства Латинской Америки отказались от идеи кодифицированного регулирования и создания универсально действующих кодексов в сфере международного публичного и частного права, поскольку такая задача оказалась невыполнимой в силу неустранимых различий в национальных законодательствах. Это вместе с тем не помешало государствам прийти к согласию по многим вопросам международного частного права на договорной основе.

Успехам унификации международного частного права во многом способствовало создание в рамках Организации американских государств специализированных конференций для обсуждения, в частности, отдельных аспектов международного сотрудничества. В ходе таких конференций в 1975 г. были приняты Конвенции о судебных поручениях, о получении свидетельских показаний за границей, о правовом режиме доверенности для пользования ею за границей, о коллизионном праве простых и переводных векселей и счетов, о международном коммерческом арбитраже; в 1979 году — об общих нормах международного частного права, о domicile физических лиц в международном частном праве, об экстерриториальном действии иностранных судебных и арбитражных решений, об осуществлении превентивных мер и др. В марте 1994 года была одобрена Межамериканская конвенция о праве, применимом к международным контрактам.

Модельная форма унификации международного частного права в Латинской Америке получила не столь широкое распространение. Разрабатываемые в разные годы различными организациями проекты модельных законов так и остались в своем большинстве проектами. Одним из немногих модельных актов является

¹ См. подробнее: Звеков В.П. Коллизии законов в международном частном праве, 2012.

принятый в 2002 году на VI Межамериканской конференции по международному частному праву Межамериканский модельный закон по гарантиям движимого имущества, что свидетельствует о поиске более гибких подходов к созданию унифицированного правового регулирования.

Гораздо большее значение для целей унификации международного частного права в странах Латинской Америки имеют торговые обычаи. Латиноамериканской правовой доктриной признается существование *lex mercatoria* (торгового права) как унифицированного комплекса норм, принципов, обычаев и обыкновений, которые регулируют международный торговый оборот¹. Подтверждением тому служит указание в ряде конвенций на возможность применения международных торговых обычаев и обыкновений как источников правового регулирования торговых отношений. Так, названная выше Межамериканская конвенция о праве, применимом к международным контрактам предусматривает, что при определении применимого права «учитываются общие принципы международного коммерческого права, признанные международными организациями»².

Отдельно необходимо сказать о Гаагских принципах о выборе права, подлежащего применению к международным коммерческим договорам, утвержденных в рамках Гаагской конференции по международному частному праву 19 марта 2015 года³ (далее — Гаагские принципы). Их уникальность помимо всего прочего заключается в том, что это единственный акт негосударственной унификации, получивший законодательное закрепление. Так, Законом Парагвая от 14 января 2015 года № 5393 «О праве, подлежащем применению к международным коммерческим контрактам»⁴ Гаагские принципы были имплементированы в национальное законодательство. Состоящие из двенадцати статей Гаагские принципы посвящены реализации принципа автономии воли сторон при заключении контрактов в сфере международной торговли.

¹ См. подробнее: Рафалюк Е.Е. Унификация международного частного права в странах Латинской Америки: история и современность // Журнал российского права. 2010. № 5. С. 88–98.

² Вилкова Н.Г. Межамериканская конвенция о праве, применимом к международным контрактам // Право и экономика. 1997. № 4. С. 62–66.

³ http://www.hcch.net/index_en.php?act=conventions.text&cid=135.

⁴ <http://www.gacetaoficial.gov.py/gaceta.php?action=show&id=2670&num=13>.

Гаагские принципы существенно расширяют содержание термина «выбранное сторонами право»¹. Как следует из статьи 3, если иное не установлено правом страны суда, в качестве применимого права сторонами могут быть избраны нормы права, которые пользуются общим признанием на международном, национальном или региональном уровне как нейтральный и сбалансированный свод правил. Таким образом, в Гаагских принципах предпринята попытка сформулировать критерии, при соблюдении которых вненациональные регуляторы могут быть возведены в ранг применимого права. Интересна сама ситуация: акт негосударственной унификации получает законодательное закрепление и приравнивает *lex mercatoria* к национальному праву. Имплементация Парагваем Гаагских принципов в национальное законодательство подчеркивает приверженность стран Латинской Америки следовать «обычной» практике коммерческого оборота в вопросах регулирования внешнеторговой деятельности, что следует оценить положительно. Такой подход представляется перспективным и прогрессивным.

Анализ процессов унификации международного частного права на постсоветском пространстве и в рамках латиноамериканского региона свидетельствует о продолжающемся поиске подходов к сближению национальных законодательств². Следует согласиться с мнением А.Г. Демиевой о том, что унификация частного права в рамках региональных объединений должна осуществляться одновременно с процессом гармонизации всего законодательства его государств-участников, поскольку только в этом случае станет возможным создание единообразного правового поля для проводимых интеграционных процессов³.

¹ Зыкин И.С. Гаагские принципы о выборе права к международным коммерческим договорам // Актуальные правовые аспекты современной практики международного коммерческого оборота: сб. статей / М.П. Бардина, В.В. Безбах, Г.Н. Буднева и др.; под общ. ред. А.С. Комарова. М.: Статут, 2016.

² См. подробнее: Региональная интеграция государств Евразии и Латинской Америки: компаративный анализ. С. 108–121; Региональные интеграции государств Евразии и Латинской Америки: публично-правовые и частноправовые аспекты. С. 291–303.

³ См. подробнее: Демиева А.Г. Проблемы сближения законодательства о предпринимательской деятельности стран — участниц ЕАЭС //

Вместе с тем, процесс унификации международного частного права должен быть направлен на поиск наилучших моделей регулирования, отвечать современным тенденциям развития коммерческих отношений, способствовать установлению эффективных механизмов оказания правовой помощи и разрешения споров. При этом нельзя игнорировать и тот факт, что в современных условиях все большее значение для коммерческого оборота приобретают акты негосударственной унификации, которые, как минимум, могут служить ориентиром для национальных законодателей и способствовать установлению унифицированного правового регулирования.

Изучение перспектив и направлений сотрудничества интеграционных объединений Евразии и Латинской Америки

(К.П. Ермакова, Д.Р. Алимова)

Происходящие в мире процессы, в том числе экономические кризисы, непосредственно влияют на все сферы общественной жизни государств и побуждают их инициировать процессы международной интеграции или присоединяться к интеграционным ассоциациям и заключать соответствующие международные договоры.

В современных условиях на фоне экономических, политических, социальных сложностей отдельных государств и общих глобальных проблем повышается спрос на сотрудничество государств, в том числе и в рамках интеграционных объединений, что является, по нашему мнению, необходимым условием для поддержания стабильного мирового порядка, поскольку взаимодействие международных интеграционных объединений не только взаимно обогащает стороны ценной информацией и различными практиками, но и укрепляет международные связи, создает дополнительные возможности преодоления возникающих проблем. Поэтому страны объединяются исходя из своих политических, экономических, геополитических или геоэкономических интересов и создают различные интеграционные группировки. Так, на данный момент в мире насчитывается более 50 многосторонних интеграционных объединений.

Согласно общепризнанному подходу, только с полноценным развитием международного сотрудничества государств возможно достичь значительного прогресса не только в аспекте экономического роста, но и в вопросе охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина.

Сотрудничество государств по различным вопросам должно основываться на принципах добровольности, взаимного уважения, исполнения принятых на себя обязательств. Полагаем, что такое сотрудничество может проявляться как посредством деятельности интеграционных ассоциаций (путем совместной разработки и применения международных правовых документов, проведения различных мероприятий в данном направлении и т.д.), так и в непосредственных действиях отдельных государств (путем

присоединения к международным договорам, через дополнительное содействие решению определенной проблемы и т.д.), что в конечном итоге способствует максимальному расширению и реализации интеграционного потенциала государств. При этом очевидно, что разработка, принятие и обеспечение соблюдения международных договоров в рамках интеграционных объединений представляет собой сложный процесс, который зависит от различных факторов. Однако именно международное сотрудничество дает дополнительную эффективную возможность каждому государству решать свои задачи и достигать необходимых целей, согласовывая свои интересы с интересами иных государств.

В этой связи целесообразно рассмотреть некоторые аспекты сотрудничества интеграционных объединений Евразии и Латинской Америки¹.

Экономический фактор интеграции. Интерес к региональной интеграции в Южной Америке возрос в 1980-е годы по нескольким причинам. Стремительное экономическое развитие Бразилии в XX веке породило потенциального лидера интеграции, способного обеспечить страны региона товарами и капиталами, которые ранее приходилось получать за рубежом.

В 1986 году Бразилия и Аргентина, два наиболее экономически развитых государства Южной Америки, заключили соглашение о развитии межгосударственной интеграции и экономического сотрудничества. На выдвинутую инициативу в скором времени откликнулись Парагвай и Уругвай. В марте 1991 года между этими четырьмя странами был подписан договор о создании общего рынка и таможенного союза (МЕРКОСУР). Данное южноамериканское объединение активно действует на мировой экономической арене. Итогом деятельности является целый ряд соглашений о взаимовыгодной торговле с Индией, странами Персидского залива, странами Южноафриканского таможенного союза. Ведутся переговоры с Европейским союзом о создании общей зоны свободной торговли, включающей страны Европы и Южной Америки.

¹ Подробнее об этом см.: Региональная интеграция государств Евразии и Латинской Америки: компаративный анализ: Сб. науч. статей. М.: -2016; Региональные интеграции государств Евразии и Латинской Америки: публично-правовые и частноправовые аспекты: монография. М., 2016.

В целом экономическая интеграция в регионе Латинской Америки имеет сложную структуру — несколько таможенных союзов (Андское сообщество, МЕРКОСУР), интеграционные объединения и многочисленные двусторонние взаимно пересекающиеся соглашения о зоне свободной торговли. При этом в отличие от Европейского союза, Североамериканского соглашения о свободной торговле или Азиатско-Тихоокеанского региона интеграционные истории успеха стран Латинской Америки неритмичны и непоследовательны. В регионе наблюдается сильное политическое и экономическое влияние США, которые для многих стран являются крупнейшим торгово-инвестиционным партнером и осуществляют масштабную военно-техническую поддержку. США имеют соглашения о зоне свободной торговли с Чили, Колумбией, Коста-Рикой, Доминиканской Республикой, Сальвадором, Гватемалой, Гондурасом, Никарагуа, Панамой и Перу.

В последние годы в регионе увеличивается влияние Китая — рост взаимного товарооборота сделал Китай основным экспортным направлением для Бразилии, Чили и Перу и вторым по размеру экспортным рынком для Аргентины, Коста-Рики и Кубы. Китай имеет двусторонние соглашения о зоне свободной торговли с Чили, Перу и Коста-Рикой. Принимая во внимание специфику региона, интеграционная повестка России (Таможенного союза) в регионе может строиться, прежде всего, путем наращивания потенциала сотрудничества, отработки переговорных моделей и возможного содержания соглашений, возможен запуск переговоров о зоне свободной торговли с отдельными странами региона. Среди таких стран можно выделить в первую очередь Колумбию, Коста-Рику и Никарагуа. Сотрудничество с относительно более крупными (в плане торгово-экономического сотрудничества) странами может привести к получению доступа на их рынки и расширение возможностей для бизнеса. Здесь перспективными партнерами могут быть такие страны, как Перу и Эквадор.¹

Наиболее привлекательным партнером из перечисленных группировок представляется МЕРКОСУР. Члены МЕРКОСУР являются крупнейшими торгово-экономическими партнерами

¹ См.: Анализ стратегий интеграционного сотрудничества (моделей реализации интеграционного потенциала) наиболее известных интеграционных объединений мира // Евразийская экономическая комиссия. М., 2014. С. 14.

России в регионе. Сотрудничество с данными странами открывает возможности для реализации стратегии по расширению экспорта России в регионе. Уругвай также является одной из наиболее перспективных, стабильных и динамично развивающихся экономик региона, и позиционирует себя как центр логистики для импортной продукции, поступающей в регион.

При оценке перспектив сотрудничества Таможенного союза и МЕРКОСУР следует учитывать опыт Европейского союза по переговорам о создании зоны свободной торговли с МЕРКОСУР. Данные переговоры начались в 1995 году, были затем приостановлены и возобновлены в 2010 году. Основными переговорными проблемами были масштабные сельскохозяйственные субсидии в Европейском союзе и индустриальная политика в странах МЕРКОСУР. Однако Европейский союз считает, что основной проблемой является высокий уровень протекционизма в Аргентине¹.

В целях эффективного использования интеграционного потенциала (совокупность природных, производственных, трудовых, финансовых, интеллектуальных и т.д. ресурсов стран — участниц интеграционного объединения, совместное взаимовыгодное использование которых может привести к дополнительным экономическим выгодам и преимуществам для интегрирующихся стран, достижение которых проблематично без интеграционного взаимодействия) и конкурентных преимуществ интегрирующихся стран соответствующие объединения формируют стратегию интеграционного сотрудничества.

Выделяют несколько путей реализации интеграционного потенциала интеграционных объединений мира, например:

1. Совместное развитие системообразующих для всех стран объединения отраслей экономики.
2. Развитие отраслей, представляющих интерес для всех стран интеграционного объединения.
3. Совместное развитие взаимодополняемых отраслей национальных экономик.
4. Совместное развитие отраслей с использованием конкурентных преимуществ стран интеграционного объединения.

¹ Интеграционные процессы в Латинской Америке и перспективы участия в них России (Таможенного союза) // Российский внешнеэкономический вестник 3. 2014. № 12. С. 14–16

5. Развитие отраслей специализации на основе конкурентных преимуществ стран интеграционного объединения.

6. Совместное развитие импортозамещающих отраслей.

7. Совместное развитие инфраструктуры для расширения взаимной и внешней торговли.

Данные пути развития не являются взаимоисключающими, они отражают ступени реализации имеющихся предпосылок и использования конкурентных преимуществ для создания модели реализации интеграционного потенциала.

Наиболее характерным примером совместного развития отраслей экономики, являющихся системообразующими для всех стран интеграционного объединения, является реализация договора об учреждении Европейского объединения угля и стали. Именно с совместного согласованного развития угольной и сталелитейной отраслей промышленности Франции, ФРГ, Италии, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга началась история самого успешного на сегодняшний день интеграционного объединения в мире — Европейского союза. Это значит, что страны Европы начали свое экономическое сотрудничество с повышения эффективности базовых отраслей экономики посредством совместного создания условия для их развития. Для достижения поставленной цели были отменены ввозные пошлины во взаимной торговле на продукцию этих и связанных с ними отраслей, далее была согласована экономическая политика развития этих отраслей, а в качестве механизмов было использовано объединение капитала и основных фондов предприятий выбранных отраслей. Эффект, который получили страны Европейского объединения угля и стали (ECSC) за счет совместного развития отраслей экономики, являющихся системообразующими для всех стран интеграционного объединения, выражался в следующем.

1. На протяжении 50-х и 60-х годов XX века темпы роста ВВП в регионе составляли в среднем 5% в год.

2. Общий объем ежегодных инвестиций в основной капитал увеличился по сравнению с довоенным периодом в 2,6 раза, а выпуск промышленной продукции к 1958 году возрос более чем в 2 раза.

3. За период 1953–1956 годов добыча угля возросла на 12 млн т, железа — на 14,5 млн т, производство чугуна выросло до 43,5 млн т, а стали — до 58,0 млн т.

4. К 1975 году ECSC концентрировало в себе около 90% выплавки стали, почти 100% добычи угля и 50% добычи железной руды в Западной Европе.

5. Повысилась концентрация производства, что позволило реализовать «эффект масштаба» (28 предприятий контролировали 82,1% производства угля, 21 предприятие — 80,8% производства чугуна, 22 предприятия — 76,2% производства стали).

Региональная экономическая интеграция — ключевая тенденция в развитии мировой экономики, будущее которой будет во многом зависеть от эффективности глобального диалога интеграционных формирований и от их внутренней устойчивости. Поэтому, стремясь занять оптимальные позиции в формирующейся в последние годы новой структуре мировой экономической системы, государства — члены Евразийского экономического союза развивают свой проект экономической интеграции¹.

Договор о Евразийском экономическом союзе, вступивший в силу 1 января 2015 года, юридически оформил ЕАЭС в качестве полноправного субъекта глобальных экономических отношений и стал прочным фундаментом для выстраивания международных связей между Союзом и другими субъектами международных отношений — третьими странами, их интеграционными объединениями и международными организациями. Евразийский экономический союз в качестве международной организации обладает международной правосубъектностью и вправе заключать международные договоры с другими субъектами международных отношений и принимать на себя соответствующие статусу международной организации обязательства.

Евразийский интеграционный проект не только приобрел юридическую самостоятельность и признанное на международном уровне влияние, но и стал активным и заметным субъектом международных отношений².

¹ См. подробнее: Рафалюк Е.Е., Залоило М.В., Власова Н.В. Опыт интеграции и гармонизации евразийского и латиноамериканского правового пространства: компаративный анализ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 6. С. 1029–1041.

² Евразийская экономическая интеграция: цифры и факты // Библиотека евразийской интеграции. 2016. С. 62, 63.

В соответствии с этим документом на краткосрочную перспективу принимаются Основные направления международной деятельности ЕАЭС, которыми и руководствуется Комиссия при осуществлении своих международных контактов. К настоящему моменту сформировались следующие треки международного сотрудничества Комиссии — с региональными интеграционными объединениями, правительствами третьих государств и международными организациями. Евразийский экономический союз должен стать открытым экономическим сообществом, органично интегрированным в мировую экономическую систему. При этом расширение торгово-экономических связей с основными партнерами и новыми растущими рынками должно способствовать повышению роли Евразийского экономического союза на всем континенте.

Политический фактор интеграции. Представляется, что действие политического фактора в рассматриваемом контексте выражается в том, что при принятии решений в международной интеграции все ее субъекты стремятся удовлетворить собственные интересы. Условие взаимовыгодности, имеющее явный политический и экономический контекст, — одно из ключевых при разрешении вопроса о вступлении государств в интеграционный процесс. Содержание данной категории составляет не только политический характер действий государств на международном уровне, но и причины и обстоятельства, при которых данные решения были приняты. Они, в свою очередь, напрямую зависят от действующего политического режима, утвердившегося в государстве (как правило, политический режим того или иного государства отражен в учредительном документе, например в конституции).

В конституциях возможно установление государственной идеологии, и в случае идеологических противоречий субъекты власти конкретного государства могут отказаться от участия в каком-либо международном договоре. Так, в социалистических государствах (Китай, Куба, КНДР, Вьетнам) действующая политическая сила в той или иной степени ограничивает участие страны в международных соглашениях, если их цели не согласуются с идеологией, установленной в государстве в качестве основной. Соответственно, при отсутствии различий в идеологической направленности, государства более расположены к участию в совместных международных соглашениях для экономического, по-

литического, социального и духовно-культурного сближения. В качестве примера можно привести объединения государств, состоявшиеся в прошлом веке: ряд демократических государств стали членами НАТО, а социалистические европейские страны в ответ на это — Варшавского договора.

Безусловно, идеологическая общность различных государств сама по себе не может являться причиной для межгосударственного сотрудничества. Здесь необходимо учитывать социальную, экономическую и политическую обстановки в государствах. Формальное соответствие нормативных правовых актов государств друг другу не играет значимой роли при отсутствии заинтересованности ведущих политических сил государств в участии в интеграционных процессах. На наш взгляд, при оценке возможности межгосударственного сотрудничества на первый план должно выходить не просто сравнение законодательств различных государств, а комплексный сравнительный анализ, включающий изучение нормативного правового регулирования и рассмотрение основных направлений деятельности государственной власти, а также характер принимаемых ими решений и обстоятельства, послужившие основанием для их принятия.

Интеграционные процессы, получившие свое качественно новое развитие в последнее столетие, кардинально изменили систему международных связей между ее участниками¹. Сближение государств приводит к усилению взаимозависимости национальных экономик, корпораций, наконец, людей. Интеграционные процессы предполагают объединение национальных экономик в единое экономическое пространство, проведения согласованной межгосударственной экономической политики, создания интеграционных объединений и т.д.² Изменения коснулись не только внешнеэкономиче-

¹ Подробнее о евразийских и латиноамериканских интеграционных объединениях см.: Рафалюк Е.Е., Залоило М.В., Власова Н.В. Понятия, виды и формы евразийского и латиноамериканского интеграционных объединений (сравнительно-правовой анализ) // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 154–168; Рафалюк Е.Е., Залоило М.В., Власова Н.В. Правовые модели интеграционных объединений государств Евразии и Латинской Америки // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 2. С. 103–113.

² См.: Бевеликова Н.М. Развитие интеграционных процессов в Азии: правовой подход // Российский юридический журнал. 2014. № 1. С. 7–14.

ческой деятельности стран, но и условий функционирования внутренней экономики, что породило необходимость соответствующего правового закрепления и сравнительного научного анализа.

Отличительной особенностью современных интеграционных процессов является, на наш взгляд, ориентирование на постепенное и качественное функционирование единого правового поля как в рамках всего мира (ООН, ВТО), так и на региональном уровне (ЕС, ЕАЭС). Это означает формирование универсальной системы международных норм права, действующих в тесной взаимосвязи с национальными нормами права. Помимо этого, наблюдается тенденция к универсализации нормативно-правовых стандартов, нивелирование национальных особенностей законодательства и права в целом¹. Однако само по себе международное право и международные интеграционные процессы не могут использоваться без тесного взаимодействия и «сращения» с национальными правовыми нормами. В противном случае международные нормы либо не будут применяться ввиду неэффективного механизма их реализации без учета специфики того или иного региона, либо они вовсе не будут приняты, так как не получают поддержки политических сил стран. Можно согласиться с К.М. Беликовой в том, что интеграция государств, которая основывается на тесном сотрудничестве и приспособлении национальных экономик к новым мировым отношениям, что выражено в объединении материальных, организационных, финансовых, трудовых и интел-

¹ См.: Стрельников К.А. Правовая глобализация: основные тенденции // Юридический мир. 2008. № 10. С. 23; Янков В.В. Глобализация в сфере публичного права: теоретико-методологический анализ: Автореф. дис. ... к.ю.н. Ростов-на-Дону, 2009. С. 8; Рафалюк Е.Е., Залоило М.В., Власова Н.В. Опыт интеграции и гармонизации евразийского и латиноамериканского правового пространства: компаративный анализ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 6. С. 1029–1041; Залоило М.В. Правовое пространство евразийских интеграционных объединений: история становления, современное состояние и тенденции развития // Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики / сборник тезисов по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня основания Южного федерального университета. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2015. Т. 1. С. 36–37; и др.

лектуальных ресурсов отдельных стран, является одной из ведущих мировых тенденций в последнее время¹. Подтверждением тому является расширение и развитие международных региональных и межрегиональных организаций.

Роль политического фактора в деятельности международных организаций ярко иллюстрирует следующий пример. Сложная политическая ситуация, сложившаяся в Парагвае, привела к тому, что его членство в МЕРКОСУР было приостановлено до апреля 2013 года — времени проведения президентских выборов² (на основании примененных положений Протокола Монтевидео по вопросу приверженности демократии в МЕРКОСУР от 20 декабря 2011 года)³. Как отмечается, в Парагвае фактически произошел государственный переворот, так как парламент при помощи процедуры импичмента добился прекращения полномочий главы государства, вменив ему в вину гибель 17 человек в результате вооруженного столкновения между полицейскими и безземельными крестьянами, что произошло при крайне спорных обстоятельствах⁴. Приостановление членства Парагвая в МЕРКОСУР нельзя не рассматривать через призму его политической оценки другими государствами-участниками. Ведь отрешение президента Парагвая от своих полномочий было осуществлено на основании соответствующей законной процедуры согласно нормам права данного государства, следовательно, не являлось незаконным. Однако МЕРКОСУР как международная ассоциация государств самостоятельно дала политическую оценку происшедшим событиям и пришла к выводу об их недопустимом характере. Это свидетель-

¹ См.: Беликова К.М. Институциональная структура и источники права ЕС и МЕРКОСУР: сравнительно-правовой аспект // Международное право и международные организации. 2013. № 1. С. 83-89.

² См.: МЕРКОСУР приостанавливает членство Парагвая и принимает Венесуэлу // [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/world/20120629/688313037.html>. (дата обращения: 19.09.2016).

³ См.: Protocolo de Montevideo sobre Compromiso con la Democracia en el MERCOSUR (Ushuaia II). [Электронный ресурс]. URL: http://www.mercosur.int/innovaportal/file/2485/1/ushuaia_ii.pdf. (дата обращения: 29.09.2017).

⁴ См.: Моисеев А. Демократия дала сбой в Парагвае // Международная жизнь. [Электронный ресурс]. URL: <http://ref.interaffairs.ru/read.php?item=8610>. (дата обращения: 09.09.2017).

ствует о том, что политический фактор является одним из серьезных оснований для принятия ключевых решений. Особое положение указанной международной организации фактически придает ее решениям окончательный характер, поскольку их обжалование в какой-нибудь иной инстанции не предусмотрено. Соответственно, без реформы принятия решений именно политическая целесообразность будет одним из главных факторов, влияющих на принятия ключевых решений в деятельности многих международных организаций, в том числе, МЕРКОСУР. Ярким примером в данной связи может стать ситуация, сложившаяся в Венесуэле, членство которой в МЕРКОСУР было приостановлено в августе 2017 года из-за нарушения демократического порядка¹.

В интеграционных процессах некоторых международных организаций для преодоления противоречивости тенденций регионализации и глобализации используется принцип «открытого регионализма», в соответствии с которым при устранении торговых барьеров внутри международной организации параллельно производится либерализация торговли с третьими странами. Следует согласиться с той точкой зрения, что данные интеграционные объединения создаются не столько в целях регионального самообеспечения, сколько для того, чтобы извлечь максимальную выгоду из новой системы международного разделения труда, что соответственно предполагает их открытость для расширения связей с третьими странами².

Различия в соотношении национального и международного права в некоторых государствах — участниках МЕРКОСУР может привести к политическим конфликтам ввиду отказа государства-участника от имплементации решений органов МЕРКОСУР в случае их противоречия нормам национального права при соответствующей политической позиции. Эти различия свидетельствуют о возможности подчинять механизм имплементации норм

¹ См.: Mercosur suspends Venezuela, urges immediate transition [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-venezuela-politics-mercotur/mercotur-suspends-venezuela-urges-immediate-transition-idUSKBN1AL0IB> (дата обращения: 20.11.2017).

² См.: Правовые проблемы формирования межгосударственных объединений (на примере зоны свободной торговли и Таможенного союза ЕврАзЭС): монография / А.В. Габов, А.А. Каширкина, В.Ю. Лукьянова и др.; под ред. В.Ю. Лукьяновой. М.: Анкил, 2012. С. 10.

права, содержащихся в нормативных актах международной организации, внутренним правовым порядкам. Таким образом, государства могут, руководствуясь политическими соображениями, создать внутренний механизм, позволяющий не имплементировать нормы международных организаций в национальную правовую систему.

Начав с экономики, МЕРКОСУР в последние годы занимается интеграцией и в иных сферах — внешняя политика, региональная безопасность, социальные проблемы.

Одно из наиболее интересных направлений деятельности МЕРКОСУР — попытки обеспечить политическую стабильность на южноамериканском континенте. Еще в 1996 году страны МЕРКОСУР подписали соглашение, в котором обязались осуществлять меры политического воздействия в случае возникновения угрозы демократическому строю на территории стран-участниц, вплоть до приостановления членства государства-нарушителя в Общем рынке и действия подписанных с ним договоров. По сути дела страны МЕРКОСУР взяли на себя обязательство совместными усилиями противодействовать попыткам антидемократических переворотов в регионе.

Интеграционные процессы в Южной Америке происходят поэтапно, как это было и в Европе при создании Европейского союза. Благодаря МЕРКОСУР страны региона стремятся к выработке согласованной общей политики как в экономике, так и в международных отношениях. Движущей силой интеграции выступает Бразилия (при поддержке Аргентины). Безусловно, процесс интеграции в Латинской Америке является сложным в силу как внешних, так и внутренних причин. Так, отсутствует полноценная ясность в вопросе правового статуса данной международной организации. Ее характеристики также выявляют ряд структурных проблем: принятие решений на основе консенсуса государств, которые действуют в соответствии со своими политическими и экономическими интересами; отсутствует прямая связь между внутригосударственными и нормативными правовыми актами данной международной организации¹. Очевидно, что консенсус при принятии решений может быть достигнут, если политические интересы государств-участников либо принципиально не противоречат

¹ См.: Рафалюк Е.Е. Интеграционные процессы: опыт России и Бразилии // Журнал российского права. 2013. № 12. С. 144–145.

друг другу, либо совпадают. Страны выражают свою волю, руководствуясь национальными интересами, и роль политического фактора здесь является значительной.

Кроме того, имеются различия в конституционно-правовом положении международных договоров государств — участников МЕРКОСУР, также указывающие на политический фактор как один из решающих. Так, например, в конституциях Бразилии и Уругвая имеются правовые нормы, закрепляющие, что международные договоры и национальные законы в иерархии нормативных правовых актов внутри государства занимают равное положение и к ним, в свою очередь, применимо правило *lex posterior derogat legi priori*. Однако в конституциях Аргентины и Парагвая после соответствующих конституционных реформ закреплён надгосударственный статус международных договоров¹. Эти различия свидетельствуют о возможности подчинять механизм имплементации норм права, содержащихся в нормативных актах международной организации, внутренним правовым порядкам. Таким образом, государства могут, руководствуясь политическими соображениями, создать внутренний механизм, позволяющий не имплементировать нормы международных организаций в национальную правовую систему.

Эти противоречивые положения создают как проблемы теоретического характера, поскольку не позволяют четко идентифицировать правовой статус данной международной организации, так и серьезный риск неоднородного исполнения норм МЕРКОСУР различными его государствами-участниками, что, в конечном счете, может негативно сказаться на интеграционных процессах и функционировании данной молодой, развивающейся и крайне перспективной международной организации стран Южной Америки.

При этом дальнейшее развитие взаимодействия между интеграционными объединениями Евразии и Латинской Америки представляется принципиальным фактором динамики российской экономики, а также необходимого для международного сообщества в целом международного сотрудничества в решении вопросов глобального уровня (например, борьба с международным терроризмом, участие в гуманитарных миссиях и т.п.).

¹ См.: Рафалюк Е.Е. Международная интеграция: методологические проблемы исследования // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 50–51.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование роли евразийской и латиноамериканской интеграции в решении глобальных и региональных проблем позволило сформулировать следующие основные выводы.

1. Интеграционное, коммунитарное право представляет собой результат эволюции международного права, пребывающего в более централизованной форме. Независимо от поддерживаемой точки зрения относительно природы интеграционного и коммунитарного права незыблемым остается постулат о взаимосвязи и взаимодействии международного права и права интеграционного объединения.

2. Трудоемкость процедуры разработки и принятия унифицированных правовых актов в форме международных договоров ставит вопрос о смещении акцента правового опосредования хозяйственных отношений с участием частных лиц в сторону «мягкого» регулирования посредством решений рекомендательного характера, типовых правил и контрактов, кодексов лучшей практики и др. В связи с этим одним из перспективных направлений развития интеграции видится ее продвижение частноправовыми субъектами, создание альтернативных систем разрешения споров.

3. Процессы региональной интеграции на территории Латинской Америки и Евразии могут быть взаимодополнены за счет усиления сотрудничества между интеграционными объединениями:

упрочение торговых связей между государствами двух континентов посредством заключения международных соглашений о создании зон свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и региональными интеграционными объединениями Латинской Америки;

создание совместных предприятий и центров развития предпринимательства;

обмен опытом функционирования органов интеграционных объединений (судов, комиссий, рабочих групп и т.д.) Евразии и Латинской Америки в форме направления официальных делегаций, проведения совместных научно-практических семинаров и пр.;

создание совместных научно-исследовательских проектов, направленных на углубленное изучение экономико-правовых систем государств Латинской Америки и Евразии, их сопоставление, разработку общих рекомендаций и стратегий развития.

Углубление сотрудничества в рамках двух континентов будет способствовать продвижению нового формата многополярного управления, усилению влияния Российской Федерации от совместного участия стран Латинской Америки и Евразии в международном политическом общении и при принятии решений в международных организациях

4. Формами торгово-экономической интеграции выступают, в частности, таможенный союз и единое экономическое пространство.

Таможенный союз представляет собой форму торгово-экономической интеграции участников, предусматривающую единую таможенную территорию, в пределах которой во взаимной торговле товарами, происходящими из третьих государств и выпущенными в свободное обращение на этой таможенной территории, не применяются таможенные пошлины и ограничения экономического характера, за исключением специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер. При этом применяются единый таможенный тариф и другие единые меры регулирования торговли товарами с третьими государствами.

Таможенный союз предполагает передачу функций выработки и реализации торговой политики на наднациональный уровень, ограничивая возможности государств-участников в регулировании торгово-экономического сотрудничества с третьими странами. Среди латиноамериканских интеграционных объединений МЕРКОСУР и Андское сообщество имеют перспективы преобразования в полноценные таможенные союзы. Принятие в ЕАЭС нового Таможенного кодекса сближает правовое регулирование таможенного союза в евразийском регионе с современными реалиями осуществления внешнеэкономической деятельности за счет использования при таможенном регулировании современных информационных технологий. Объединение в Таможенном кодексе ЕАЭС норм, которые ранее регулировались рядом международных договоров или национальным законодательством государств-членов, делает правовое регулирование таможенных отношений более доступным и единообразными способствует упрочению таможенного союза в регионе.

5. Единое экономическое пространство представляет собой пространство, состоящее из территорий государств — участников интеграционного объединения, на котором функционируют однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на ры-

ночных принципах и применении гармонизированных правовых норм, существует единая инфраструктура и проводится согласованная налоговая, денежно-кредитная, валютно-финансовая, торговая и таможенная политика, обеспечивающие свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Успехи формирования единого экономического пространства напрямую зависят от степени развитости государства, от наличия необходимой нормативно-правовой базы и гибкости проведения экономической политики.

6. Нормы, закрепляющие принцип свободного движения товаров на внутреннем рынке и исключения из него, характерны для большинства интеграционных объединений (ЕАЭС, МЕРКОСУР, Андского сообщества). Исключения из принципа свободного движения товаров также свойственны названным интеграционным объединениям. Их объединяет то, что они должны применяться только для достижения строго определенных целей; не должны являться средством неоправданной дискриминации или средством ограничения торговли. Практика толкования и применения положений об исключениях из принципа свободного движения товаров на внутреннем рынке вырабатывается судами интеграционных объединений.

7. На постсоветском пространстве и в рамках латиноамериканского региона продолжается поиск подходов к сближению национальных законодательств о международном частном праве. Процесс унификации международного частного права должен быть направлен на поиск наилучших моделей регулирования, отвечать современным тенденциям развития коммерческих отношений, способствовать установлению эффективных механизмов оказания правовой помощи и разрешения споров. Нельзя игнорировать и тот факт, что в современных условиях все большее значение для коммерческого оборота приобретают акты негосударственного унификации, которые, как минимум, могут служить ориентиром для национальных законодателей и способствовать установлению унифицированного правового регулирования.

8. Дальнейшее развитие взаимодействия между интеграционными объединениями Евразии и Латинской Америки представляется принципиальным фактором динамики российской экономики, а также необходимого для международного сообщества в целом международного сотрудничества для решения вопросов гло-

бального уровня (например, борьба с международным терроризмом, участие в гуманитарных миссиях и т.п.).

Представляется, что реализованное научное исследование, а также ранее полученные теоретические выводы и практические предложения могут стать основой для разработки теоретической правовой модели «идеального» интеграционного объединения в ее развернутой форме: учредительный акт, институциональная организация, компетенция органов власти и система взаимодействия между ними, обеспечение основных свобод в рамках движения к общему рынку.

Залоило М.В., Рафалюк Е.Е.

БИБЛИОГРАФИЯ

Abreu M., Martinez A.F. Olhares sobre a criança no Brasil: perspectivas históricas. Editora Universidade Santa Úrsula, Rio de Janeiro, 1997.

Alexy, Robert. Teoria dos direitos Fundamentais. São Paulo: Malheiros, 2008.

Alberto Pérez Calvo. Características del nuevo Constitucionalismo latinoamericano, en Materiales sobre neoconstitucionalismo y nuevo constitucionalismo latinoamericano, Claudia Storini y José Francisco Alenza, directores, Navarra, Aranzadi, 2012.

Alfonso González Núñez, Parlamentario del Mercosur, Presidente Delegación Paraguay. supranacionalidad efectiva reparará imperfecciones del Mercosur // <http://www.parlamentodelmercosur.org/innovaportal/file/7252/1/supranacionalidad-reparara-imperfecciones-del-mercosur.pdf>.

Amin, Andrea Rodrigues. Evolução histórica do direito da criança e do adolescente. In Curso de direito da criança e do adolescente: aspectos teóricos e práticos. Katia Regina Ferreira Lobo Andrade Maciel (coordenação). 6.ed. rev. e atual. conforme Leis n. 12.010/2009 e 12.594/2012. São Paulo: Saraiva, 2013.

Anderson, George. La relevancia política del federalismo en el siglo XXI. In: España y modelos de federalismo: Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, Cuadernos y Debates, nº 204, 2010.

Andrade L.B.P. Educação infantil: discurso, legislação e práticas institucionais [online]. São Paulo: Editora UNESP; São Paulo: Cultura Acadêmica, 2010. ISBN 978-85-7983-085-3. Disponível em: <<http://books.scielo.org/id/h8pyf/pdf/andrade-9788579830853-07.pdf>>.

Araujo, Luiz Alberto David. Características comuns do federalismo. BASTOS, Celso. (Coordenador). Por uma nova federação. São Paulo: Editora Revista dos Tribunais, 1995.

Araujo, Marcelo Labanca Corrêa de. Federalismo e princípio da simetria: entre unidade e diversidade. In: TAVARES, André Ramos, LEITE, George Salomão e SARLET, Ingo Wolfgang. Estado constitucional e organização do poder. São Paulo: Saraiva, 2010.

Argentina. Constitución de la Nación Argentina, 1994. Disponível em: <http://www.constitution.org/cons/argentin.htm>. Acesso em: 25/10/2015.

Arnold, Rainer. Los conceptos fundamentales del federalismo alemán. Ejemplo para la reforma española? In: La España de las autonomías. Reflexiones 25 años después. RUIZ-GALLEGOS, Manuel Balado (Director); BLASCO, Joan Lerma y ESCUDERO, Pio García. Barcelona: Bosch, 2005.

Aron R. Paix et Guerre entre les nations. Paris, 1984.

Arteaga W.K. La necesidad de la integración y el orden y ordenamiento jurídico comunitario. Testimonio comunitario. Primera edición. Quito-Ecuador. 2004.

Badia, Juan Ferrando. El Estado unitário, el Estado federal y el Estado regional. Madrid: Editorial Tecnos, 1978.

Bagehot, Walter. La constitución inglesa. Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, 2010.

Baggio, Roberta Camineiro. Federalismo no contexto da nova ordem global: perspectivas de (re) formulação da federação brasileira. Curitiba: Juruá, 2006.

Baracho, José Alfredo de Oliveira. Direito processual constitucional: aspectos contemporâneos. Belo Horizonte: Fórum, 2006.

Barbosa, Rui. Os atos inconstitucionais do congresso e do executivo ante a justiça federal. Capital Federal: Companhia Impressora 7, 1893.

Barriga López, Leonardo. Compendio Integración y Mercados Económicos, Editorial Pedro Jorge Vera, Quito-Ecuador, 2001.

Barroso, Luís Roberto. O controle de constitucionalidade no direito brasileiro: exposição sistemática da doutrina e análise crítica da jurisprudência /— 6. ed. rev. e atual. — São Paulo: Saraiva, 2012.

Benitez, Gisela Maria Bester. O controle de constitucionalidade jurisdicional nos países do Mercosul e a amplitude democrática do acesso à justiça constitucional. Análise comparativa no âmbito do direito processual constitucional. ANUARIO DE DERECHO CONSTITUCIONAL LATINOAMERICANO/2003. Disponível em: <http://www.juridicas.unam.mx/publica/librev/rev/dconstla/cont/2003/pr/pr13.pdf>.

Bernanrdes, Wilba Lúcia Maia. Federação e federalismo. Belo Horizonte: Del Rey, 2010.

Bielschowsky, Ricardo. Cincuenta años del pensamiento de la CEPAL: una reseña / en Cincuenta años de pensamiento en la CEPAL, Vol. I. Comisión Económica para América Latina y el Caribe, CEPAL. Fondo de Cultura Económica: Santiago de Chile. 1998.

Binenbojm, Gustavo. A nova jurisdição constitucional brasileira: legitimidade democrática e instrumentos de realização. Rio de Janeiro: Renovar, 2004.

Bonavides, Paulo. Direito constitucional. 11. ed. São Paulo: Malheiros, 2001.

Bonavides, Paulo. Jurisdição constitucional e legitimidade (algumas observações sobre o Brasil). Estudos Avançados, nº 18, 2004. Disponível em: <http://www.scielo.br/pdf/ea/v18n51/a07v1851.pdf>.

Borowski, Martin. La estructura de los derechos fundamentales. Bogotá: Universidad Externado de Colombia, 2003.

Brasil. Constituição da República Federativa do Brasil, promulgada em 1988. Disponível em: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/constituicao/constituicaocompilado.htm.

Brenda Luciana Maffei. El derecho comunitario: un análisis a partir de la perspectiva kelseniana o direito comunitário: uma análise a partir da perspectiva kelseniana. Rev. secr. Trib. perm. revis. Año 4, Nº 8; Agosto 2016.

Bruno S. Universality of International Law from the Perspective of a Practitioner // The European Journal of International Law Vol. 20 no 2. 2009.

Caetano, Gerardo. Breve historia del MERCOSUR en sus 20 años. Coyunturas e instituciones (1991-2011) / En Caetano, Gerardo (coordinador). MERCOSUR 20 años. CEFIR: Montevideo. 2001.

Callejón, Francisco Balaguer. A divisão territorial do poder num contexto supranacional: o exemplo da Espanha na União Europeia. In: TAVARES, André Ramos et al. Estado constitucional e organização do poder. São Paulo: Saraiva, 2010.

Callejón, Francisco Balaguer. A divisão territorial do poder num contexto supranacional: o exemplo da Espanha na União Europeia. In: TAVARES, André Ramos, LEITE, George Salomão e SARLET, Ingo Wolfgang. Estado constitucional e organização do poder. São Paulo: Saraiva, 2010.

Callejón, Francisco Balaguer. A projeção da constituição sobre o ordenamento jurídico. São Paulo: Saraiva, 2014.

Callejón, Francisco Balaguer. Administración única y Estado Autónomico. Santiago de Compostela: Escola Galega de Administración Pública, 1993.

Callejón, Francisco Balaguer. Derecho constitucional y Estado em un mundo globalizado. Conferencia impartida el día 24 de enero de

2011, dentro de los actos de la Festividad del patrón de la Facultad de Derecho de la Universidad de Granada.

Callejón, Francisco Balaguer. El status constitucional de la reforma y la fragmentación del poder constituyente. In: La democracia constitucional — estudios en homenaje al Profesor Francisco Rubio Llorente. Madrid: centro de Estudios Políticos y Constitucionales, 2002.

Callejón, Francisco Balaguer. Fuentes del derecho, espacios constitucionales y ordenamientos jurídicos. Revista española de Derecho Constitucional, año 23, nº 69, 2003.

Callejón, Francisco Balaguer. La constitucionalización del Estado Autonómico. Murcia: Asamblea Regional de Murcia, nº 09, 1997.

Callejón, Francisco Balaguer. Las ciudades autónomas en el Estado Autonómico. In: MORODO, Raul & VEJA, Pedro de (Directores). Estudios de teoría del Estado y Derecho Constitucional en honor de Pablo Lucas Verdú. Tomo IV, 2000.

Callejón, Francisco Balaguer. Las competencias de la Unión Europea y los principios de subsidiariedad y proporcionalidad. Revista de Estudios Autonómicos, nº 4, 2003.

Callejón, Francisco Balaguer. Las cuestiones institucionales en la STC 31/2010, de 28 de junio. In: El cronista del estado Social y Democrático de Derecho. El Tribunal Constitucional y el Estatut. Madrid: Portal Derecho, n. 15, 2010.

Callejón, Francisco Balaguer. Los conflictos normativos entre El derecho estatal y El derecho autonómico. Revista de las Cortes Generales. Madrid: Cortes Generales, nº 19, 1990.

Callejón, Francisco Balaguer. Poder judicial y comunidades autónomas. Revista de Derecho Político, n. 47, 2000.

Callejón, Francisco Balaguer. Un jurista universal nacido en Europa. Entrevista a Peter Häberle. In: Revista de derecho constitucional europeo, España, n. 13, 2010.

Callejón, Francisco Balaguer (coordinador). Manual de Derecho Constitucional. 5ª ed. Madrid: Tecnos, Vol. I, 2010.

Campos, Paloma Biglino. En los orígenes del federalismo: la formación del modelo norteamericano. In: REYES, Aragón; CAMPO, Javier Jiménez y ECHAVARRÍA, Juan J. Solazábal. La democracia constitucional. Estudios en homenaje al profesor Francisco Rubio Llorente. Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, Vol. II, 2002.

Cappelletti, Mauro. O controle judicial de constitucionalidade das leis no direito comparado. 2ª ed. Tradução: Aroldo Plínio Gonçalves. Porto Alegre: Sergio Antônio Fabris Editor: 1999.

Carbonell, Alejandro R. H. El patrón federal como referencia propuesta de nuestras reformas territoriales. In: España y modelos de federalismo. Madrid. Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, Cuadernos y Debates, n. 204, 2010.

Carolina Lourdes Rodríguez Aguilera. La autonomía del derecho comunitario andino y su relación con el derecho internacional. Rev. secr. Trib. perm. revis. Año 4, N° 8; Agosto 2016.

Carvalho, Márcia Haydée Porto de. Hermenêutica constitucional: métodos e princípios específicos de interpretação. Florianópolis: Obra Jurídica, 2008.

Cassese A. International Law. Oxford: Oxford University Press, 2001.

Castro, Kleber Pacheco de & AFONSO, José Roberto. Gasto social no Brasil pós 1988. Uma análise sob a ótica da descentralização fiscal. Revista de Política, Planejamento e Gestão de Saúde. ABRASCO, n. 1, jul/set, 2009.

Cepal. El regionalismo abierto en América Latina y el Caribe / Naciones Unidas. Comisión Económica para América Latina y el Caribe: Santiago de Chile. 1994.

César Montaña Galarza. Ecuador y la integración. Una revisión a la posición oficial”, en Revista de Derecho FORO, No. 11, Quito, Universidad Andina Simón Bolívar Sede Ecuador / CEN, 2009.

César Montaña Galarza. Las relaciones internacionales y los tratados en la Constitución de Bolivia de 2009: una respuesta innovadora”, en Innovación y continuismo en el modelo constitucional boliviano de 2009, Roberto Viciano Pastor y Claudia Storini, editores, Valencia, Tirant lo Blanch, 2016.

César Montaña Galarza. Manual de Derecho Tributario Internacional, Quito, Universidad Andina Simón Bolívar Sede Ecuador / CEN, 2004.

César Montaña Galarza. Problemas constitucionales de la integración, México, Editorial Porrúa, Universidad Anáhuac, Red Internacional de Juristas para la Integración Americana, Universidad Andina Simón Bolívar, Sede Ecuador, 2013.

Cfr. Germánico Salgado. El Grupo Andino. Eslabón hacia la integración de Sudamérica, segunda edición, Quito, Universidad

Andina Simón Bolívar, Sede Ecuador/Corporación Editora Nacional, 2007.

Cock, Vanessa Suel. Federalismo en teoría y práctica. El caso español como proceso federal — estudo de la autonomía regional y local em los sistemas federales. Curitiba: Juruá, 2010.

Coelho, Bernardo Leôncio Moura. A proteção à criança nas constituições brasileiras: 1824 a 1969. Revista de Informação Legislativa. Brasília a. 35 n. 139 jul./set. 1998. Disponível em: <<http://www2.senado.leg.br/bdsf/bitstream/handle/id/390/r139-07.pdf>>.

Cooley, Thomas. Princípios gerais de Direito Constitucional. dos Estados Unidos da América do Norte. São Paulo: revista dos Tribunais, 1982.

Corwin, Edward S. A Constituição Norte-Americana e seu significado atual. Rio de Janeiro: Jorge Zahar Editor, 1959.

Cunha Júnior, Dirley da. O Princípio do “Stare Decisis” e a decisão do Supremo Tribunal Federal no controle difuso de constitucionalidade. Leituras complementares de direito constitucional: controle de constitucionalidade. Salvador: JusPODIVM, 2007

Cunha Júnior, Dirley. A separação das funções estatais ante uma nova dogmática constitucional: a necessidade de uma revisão da teoria clássica da separação de poderes. In: TAVARES, André Ramos, LEITE, George Salomão e SARLET, Ingo Wolfgang. Estado constitucional e organização do poder. São Paulo: Saraiva, 2010.

Dallari, Dalmo de Abreu. O Estado Federal. São Paulo: Ática, 1986.

Danilenko G.M. The Economic Court of the Commonwealth of Independent States. New York University Journal of International law & Politics. №. 4. 1999.

Democracy and pluralism in Muslim Eurasia. Yaacov Ro’I (editor). Frank Cass, London, 2004.

Diniz, Maria Helena. Direito civil brasileiro. V.1. São Paulo: Saraiva, 1989.

Dolhnikoff, Miriam. O pacto imperial: origens do federalismo no Brasil. São Paulo: Globo, 2007.

Duverger, Maurice. Instituciones políticas y derecho constitucional. Barcelona: Editorial Ariel, 1984.

Dworkin, Ronald. Apud Ommati, José Emílio Medauar. A teoria jurídica de Ronald.

Dworkin, Ronald. Levando os direitos a sério. São Paulo: Martins Fontes, 2002.

Dworkin, Ronald. O império do direito. Tradução: Jefferson Luiz Camargo. — São Paulo: WMF Martins Fontes, 2007.

Dworkin: o direito como integridade. In: CATTONI, Marcelo (coord.). Jurisdição e hermenêutica constitucional. Belo Horizonte: Mandamentos, 2004.

Echavarría, Juan José Solozábal. El patrón federal como referencia propuesta de nuestras reformas territoriais. In: España y modelos de federalismo: Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, Cuadernos y Debates, nº 204, 2010.

Ekmekdjian M.A. Introducción al Derecho Comunitario Latinoamericano, 2 da. Edición Editorial Desalma, Buenos-Aires, Argentina, 1996.

Elazar, Daniel J. Exploración del federalismo. Barcelona: Editorial Hacer, 1990.

Elias R.J. Comentários ao Estatuto da Criança e do Adolescente: Lei n. 8.069, de 13 de julho de 1990. 4.ed. São Paulo: Saraiva, 2010.

Engaña C. Derechos humanos y empresas: una relación difícil. De la oposición a la convergencia. Cuadernos de Epoca, Serie Integración Económica. Buenos Aires — Madrid. 2001.

Feldstein de Cárdenas S.L., Scotti L.B. Armonización legislativa en el MERCOSUR: La interacción entre el Derecho Internacional Privado y el Derecho Comparado // [Электронный ресурс]. URL: www.caei.com.ar.

Ferrajoli, Luigi. Constitucionalismo principialista e constitucionalismo garantista. In: FERRAJOLI, Luigi; STRECK, Lenio Luiz; TRINDADE, André Karam (org.). *Garantismo, hermenêutica e (neo)constitucionalismo: um debate com Luigi Ferrajoli*. Porto Alegre: Livraria do Advogado, 2012.

Figueiredo, Marcelo. O modelo federal brasileiro: sua história, sua regulamentação e seu sistema de recursos financeiros. Revista da procuradoria Geral do Município de Vitória. Vitória, v. 2, n. 1, 2010.

Freitas, Juarez. A melhor interpretação constitucional *versus* a única resposta correta. In: SILVA, Virgílio Afonso (org.). *Interpretação constitucional*. São Paulo: Malheiros, 2005.

French-Davis, Ricardo. El Pacto Andino: un modelo original de integración // El Trimestre Económico. 1976. № 170.

Freyre, Gilberto. Casa-Grande & senzala: formação da família brasileira sob o regime da economia patriarcal. 48ª ed. São Paulo: Global, 2003.

Gadamer, Hans-Georg. Verdade e Método: traços fundamentais de uma hermenêutica filosófica. Petrópolis/RJ, Editora Vozes, 1997.

Galarza C.M. Ecuador y la integración. Una revisión a la posición oficial // en Revista de Derecho FORO, No. 11, Quito, Universidad Andina Simón Bolívar Sede Ecuador / CEN, 2009.

Galarza C.M. Las relaciones internacionales y los tratados en la Constitución de Bolivia de 2009: una respuesta innovadora, en Innovación y continuismo en el modelo constitucional boliviano de 2009, Roberto Viciano Pastor y Claudia Storini, editores, Valencia, Tirant lo Blanch, 2016.

Gallardo C.G. La Corte de Justicia de la Comunidad Centroamericana y la consulta prejudicial. Seminario sobre “La Consulta Prejudicial”. Granada. Nicaragua. 9-10 de octubre. 2006.

Garcez S.M. O novo direito da criança e do adolescente. Campinas, SP: Editora Alínea, 2008.

García-Pelayo, Manuel. Derecho constitucional comparado. Madrid: Alianza Editorial, 1987.

Gardini, Gian Luca, Lambert, Peter W. Unity and diversity in Latin American visions of regional integration. (Palgrave Macmillan.) Palgrave Macmillan. 2011

Germánico Salgado, El Grupo Andino. Eslabón hacia la integración de Sudamérica; Rolando Marín Ibáñez, La <<Unión Sudamericana>> alternativa de integración regional en el contexto de la globalización, Quito, Universidad Andina Simón Bolívar, Sede Ecuador/Corporación Editora Nacional, 2000.

Gomes, Laurentino. A família na história do Brasil. Revista IBDFAM. Novembro de 2013.

Gomide P.I.C. Menor infrator: a caminho de um novo tempo. 2.ed., 11.reimpr. Curitiba: Juruá, 2012.

Häberle, Peter. Hermenêutica constitucional. Porto Alegre: Sergio Antonio Fabris Editor, 1997.

Habermas, Jürgen. Direito e democracia: entre facticidade e validade. V. I. Rio de Janeiro: Tempo Brasileiro, 1997.

Hamilton, Madison e JAY. Sobre a Constituição dos Estados Unidos. Tradução de E. Jacy Ribeiro. São Paulo: IBRASA, 1964.

Hart, H.L.A. O conceito de direito. Lisboa: Fundação, 1961.

Hechos clave en las relaciones CAN — MERCOSUR // <http://www.comunidadandina.org/Seccion.aspx?id=111&tipo=TE&titl e=mercosur>.

Heine, J. Between a Rock and a Hard Place: Latin America and Multilateralism after 9/11. Multilateralism Under Challenge? : Power, International Order, and Structural Change. January 01, 2006.

Henkin Louis, Lecture, That “S” Word Sovereignty, and Globalization, and Human Rights, Et Cetera. 1999.

Herkenhoff, João Batista. Como aplicar o direito. Rio de Janeiro, Forense, 1986.

Herrera Orlando Mejía. Los métodos alternos de solución de controversias comerciales entre los estados miembros del sistema de la integración centroamericana (SICA) // Revista Española de Derecho Internacional. Núm. LX-1, Janeiro 2008.

Hesse, Konrad. Elementos de direito constitucional da República Federal da Alemanha. Porto Alegre: Sergio Antonio Fabris Editor, 1998.

Huntley S.S. Russian Legislation on the Protection of Children Against Sexual Abuse and Sexual Exploitation: a Review. 2013. International Centre for Missing & Exploited Children. Disponível em: <http://www.icmec.org/wp-content/uploads/2015/10/Russian_Legislation_on_Protection_of_Children_Against_Sexual_Abuse_and_Exploitation_FINAL.pdf>.

Juan Gabriel Tokatlian, “¿Unasur pierde el norte?”, en El País, 7 de mayo de 2014, en: http://elpais.com/elpais/2014/04/23/opinion/1398278994_215974.html.

Karen E. Bravo. CARICOM, the Myth of Sovereignty, and Aspirational Economic Integration // http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=996443.

KARL, Larenz. Metodologia da ciência do direito. 2. ed. Lisboa: Fundação Calouste Gulbenkian, 1983.

Kaser, Karl. Patriarchy after Patriarchy: gender relations in Turkey and in the Balkans, 1500–2000. LIT Verlag, Berlin, 2008.

Kelsen, Hans. Jurisdição constitucional. Introdução e revisão técnica Sergio Sérvulo da Cunha. São Paulo: Martins Fontes, 2003.

Kelsen, Hans. Teoria pura do direito. São Paulo: Martins Fontes, 2006.

Kramer S. Infância, cultura contemporânea e educação contra a barbárie. In Infância, educação e direitos humanos. Luiz Cavalieri Bazilio, Sonia Kramer. São Paulo: Cortez, 2003.

Kugelmass, Eduardo & SOLA, Lourdes. La construcción del federalismo democrático em Brasil. Revista de Economía. Madrid, nº 810, 2003.

Lamenza F. Os direitos fundamentais da criança e do adolescente e a discricionariedade do Estado. Barueri, SP: Minha Editora, 2011.

Lascaris Constantino Historia de las ideas en Centroamerica. San Jose, 1970.

Law library of Congress. Children's rights: international and national laws and practice. Disponível em: <<https://www.loc.gov/law/help/child-rights/pdfs/childrensrights-russia.pdf>>.

Liberati W.D. Adolescente e ato infracional: medida socioeducativa é pena? 1.ed. São Paulo: Malheiros, 2012.

Llanos Mansilla H. El Derecho de la Integración en el ordenamiento jurídico interno. Direito e sociedade. Vol. I. Juruá Editora, Curitiba, 1998.

Luciana B. Scotti. Instrumentos de integración juridical en el Mercosur: El rol del Derecho Internacional privado // Academia 2015 // [Электронный ресурс]. URL: http://www.academia.edu/5194909/INSTRUMENTOS_DE_INTEGRACI%C3%93N_JUR%C3%8DDICA_EN_EL_MERCOSUR_EL_ROL_DEL_DERECHO_INTERNACIONAL_PRIVADO.

Luciana B. Scotti. Instrumentos de integración juridical en el Mercosur: El rol del Derecho Internacional privado // Academia 2015 // [Электронный ресурс]. URL: http://www.academia.edu/5194909/INSTRUMENTOS_DE_INTEGRACI%C3%93N_JUR%C3%8DDICA_EN_EL_MERCOSUR_EL_ROL_DEL_DERECHO_INTERNACIONAL_PRIVADO.

Luis Fernando Arnau Lopez. Ordenamiento jurídico básico para la constitución de la zona libre de comercio de Sudamerica// Universidad Andina Simón Bolívar de Bolivia. Facultad de Integración. Maestría de Integración y Comercio Internacional // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.comunidadandina.org/BDA/docs/BO-INT-0007.pdf>

Madaleno, R. Curso de direito de família. Rio de Janeiro: Forense, 2011.

Maffei B.L. El derecho comunitario: un análisis a partir de la perspectiva Kelseniana o direito comunitário: uma análise a partir da

perspectiva Kelseniana. Rev. secr. Trib. perm.revis. Año 4, N° 8; Agosto 2016.

Manual de Procedimientos del Sistema Andino de Solución de controversias. Lima. 2008 // www.comunidadandina.org.

Marcelo Rozas Garay. UNASUR — Un nuevo modelo de cooperación e integración // <http://www.mercojuris.com/category/doctrina/?id=8110>.

Marinov E. Economic Determinants of Regional Integration in Developing Counties // International Institute of Social and Economic Sciences. Prague. 2014.

Martínez P.B., Perotti A.D. La teoría del acto aclarado ¿resulta necesaria su aplicación en el marco de la interpretación prejudicial Andina? Quito-Buenos Aires. 13 de mayo de 2003.

Martínez Puñal A. El Sistema Institucional del Mercosur: de la intergubernamentalidad hacia la supranacionalidad. Santiago de Compostela. 2005.

Martos, José Antonio Montilla. La inclusión de los nombres de las Comunidades Autónomas. In: La reforma del Estado autonómico — jornadas sw Estudio sobre el Informe del Consejo de Estado. Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, n° 180 (Cuadernos y Debates), 2007.

Martos, José Antonio Montilla. Las relaciones entre ordenamientos em España: los límites a la aplicación autonómica del Derecho Europeo.. In BALAGUER, Maria Luisa (Ed). XXV aniversario de la Constitución Española. Propuestas de reformas. Servicio de publicaciones — Centro de Ediciones de la Diputación Provincial de Málaga (CEDMA), 2004.

Mas, Joaquín Tornos. El Estado de las Autonomías y los hechos diferenciales. In La España de las autonomías. Reflexiones 25 años después. RUIZ-GALLEGOS, Manuel Balado (Director); BLASCO, Joan Lerma y ESCUDERO, Pio García. Barcelona: Bosch, 2005.

Mello, Celso Antônio Bandeira de. O poder normativo do Executivo no Brasil. In: TAVARES, André Ramos, LEITE, George Salomão e SARLET, Ingo Wolfgang. Estado constitucional e organização do poder. São Paulo: Saraiva, 2010.

Mendes, Gilmar Ferreira. Curso de Direito Constitucional. MENDES, Gilmar Ferreira; BRANCO, Paulo Gustavo Gonet. São Paulo: Saraiva, 2008.

Menéndez, Ignacio Villaverde. El Estado de las autonomías. La nueva etapa federal de la organización territorial del Estado em la Constitución Española de 1978. In La España de las autonías. Reflexiones 25 años después. RUIZ-GALLEGOS, Manuel Balado (Director); BLASCO, Joan Lerma y ESCUDERO, Pio García. Barcelona: Bosch, 2005.

Mesas Redondas laReforma Constitucional en Materia de Derechos Humanos de la ONU: Enfoque en la Administración de Justicia, Carmona, J. T. U., y Elías, A. E. (2012) .Reforma constitucional en materia de Derechos Humanos: Un Enfoque en la Administración de Justicia. México: Tribunal Superior de Justicia del Distrito Federal, Instituto de Estudios Judiciales.

Midón Mario A.R. Derecho De La Integración. Aspectos institucionales del Mercosur. Buenos Aires. 1998.

Mora R. Ch. La Corte de Justicia de la Comunidad Centroamericana. Managua: Imprimatur. 2000.

Moraes, Alexandre. Federação brasileira: necessidade de fortalecimento das competências dos Estados-membros. In: TAVARES, André Ramos, LEITE, George Salomão e SARLET, Ingo Wolfgang. Estado constitucional e organização do poder. São Paulo: Saraiva, 2010.

Moreira, Eduardo Ribeiro. Neoconstitucionalismo e teoria da interpretação. In: MOREIRA, Eduardo Ribeiro; GONÇALVES JÚNIOR, Jerson Carneiro; BETTINI, Lucia Helena Polletti (org.). *Hermenêutica constitucional: homenagem aos 22 anos do grupo de estudos Maria Garcia*. Florianópolis: 2010.

Moreno, Luis. La federalización de España. Poder político y territorio. Madrid: Siglo XXI, 2008.

Müller, Friedrich. *Discours de la méthode juridique*. Paris: Presses Univesitaires de France, 1996.

Naves R., Gazoni C. Direito ao futuro: desafios para a efetivação dos direitos das crianças e dos adolescentes. São Paulo: Imprensa Oficial do Estado de São Paulo, 2010.

Nessa linha: BAUMAN, Zygmunt. Globalização: as Consequências Humanas. Rio de Janeiro: Jorge Zahar Editor, 1999.

Netto Lôbo, Paulo Luiz. A repersonalização das relações de família. Jus Navigandi. n. 307. ano 9. Teresina, 10.05.2004. Disponível em: [<http://jus.com.br/revista/texto/5201>].

Oliveira R.A. O adolescente infrator em face da Doutrina da Proteção Integral. São Paulo: Fiuza Editores, 2005.

Overlapping regionalism e proliferação de instituições na América Latina: complementariedade e fragmentação nas agendas regionais. Y en Portales, C. (2013).

Pampillo Baliño J. P. La integración americana. Expresión de un nuevo derecho global. Reflexiones y propuestas filosóficas, históricas y jurídicas para un nuevo derecho común americano, México, Porrúa / Escuela Libre de Derecho, 2012.

Paraguai. Constitución de la República del Paraguay, 1993. Disponível em: <http://www.constitution.org/cons/paraguay.htm>.

Pásara, L. Justicia, régimen político y sociedad en América Latina. Política y Gobierno (México), 10. 2003

Peralta R.A. La Corte Centroamericana de Justicia: Órgano principal y permanente del Sistema de Integración Centroamericana // Seminario “La Normativa Jurídica del SICA y la Consulta Prejudicial” 22 de marzo. 2007.

Perotti A. D. Algunas consideraciones sobre la interpretación prejudicial obligatoria en el derecho andino. Buenos Aires 2001 // [http:// www.comunidadandina.org](http://www.comunidadandina.org).

Picazo P.G. Teoría breve de relaciones internacionales. Madrid, 2006.

Poletto L.B. A (des)qualificação da infância: a história do Brasil na assistência dos jovens. IX Seminário de Pesquisa em Educação da Região Sul (ANPED SUL), 2012. Disponível em: <<http://www.ucs.br/etc/conferencias/index.php/anpedsul/9anpedsul/%20paper/viewFile/1953/329>>.

Popov A., Jeffery M. Protection of Children by Russian Legislation: possible risks of providers and owners of the websites on the internet. Disponível em: <<https://www.law.uw.edu/media/1391/russia-intermediary-liability-of-isps-child-protection.pdf>>.

Portal Brasil. “Desde 1808, jovens têm responsabilidade penal no Brasil”. Cidadania e Justiça. 14 de abril de 2015. Disponível em: <<http://www.brasil.gov.br/cidadania-e-justica/2015/04/desde-1808-jovens-tem-responsabilidade-penal-no-brasil>>.

Portales, C. ¿A dónde va el multilateralismo en las Américas? Proyectos superpuestos en un período de cambios globales. El hemisferio en transformación: Regionalismo, multilateralismo y políticas exteriores en un entorno cambiante. 2014.

Prieto, José María Laso. Guerras mundiales y globalización. In: Revista de cultura y ciencias sociales. Espanha, n. 32-33, 2002.

Protocolo de Montevideo sobre Compromiso con la Democracia en el MERCOSUR (Ushuaia II). [Электронный ресурс]. URL: http://www.mercosur.int/innovaportal/file/2485/1/ushuaia_ii.pdf

Protocolo de Montevideo sobre Compromiso con la Democracia en el MERCOSUR (Ushuaia II). [Электронный ресурс]. URL: http://www.mercosur.int/innovaportal/file/2485/1/ushuaia_ii.pdf. (дата обращения: 29.09.2017).

Puñal A. El Sistema Institucional del Mercosur: de la intergubernamentalidad hacia la supranacionalidad. Santiago de Compostela. 2005.

R.D. e Iglesia D.O.: Solución de controversias en el Mercosur. Buenos Aires. 1995.

Ramírez, José María Porras. Las reformas estatutarias y el nuevo sistema autonómico de fuentes del Derecho. Madrid: Civitas, 2007.

Ramón Tamames, Estructura Económica Internacional, Madrid, Alianza, 1999.

Ramos, Dircêo Torrecillas. O federalismo assimétrico. Rio de janeiro: Forense, 2000.

Regis, André. O novo federalismo brasileiro. Rio de Janeiro: Forense, 2009.

Requejo, Ferran. Federalismo plurinacional y pluralismo de valores: el caso español. Traducción de Olga Torres Hostench. Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, 2007.

Reseña histórica // <http://www.comunidadandina.org/Resena.aspx>

Roberto Ruiz Díaz Labrano. La salida de un Estado Miembro en el proceso de integración. El Reino Unido y la Unión Europea; Werner Miguel Kühn Baca. Aspectos jurídicos y perspectivas políticas de una posible retirada de la Unión Europea por parte del Reino Unido // Revista de la Secretaría del Tribunal Permanente de Revisión. 2016. № 8. <http://www.revistastpr.com/index.php/rstpr/issue/view/13>.

Roberto Viciano Pastor, “Problemas de legitimidad constitucional de las integraciones supranacionales”, en Cuadernos Constitucionales de la Cátedra Fadrique Furió Ceriol, No. 67/68, Valencia, Universidad de Valencia, 2011.

Rodriguez M.A. Las Conferencias Interamericanas especializadas en Derecho Internacional Privado (CIDIP). Boletín Electronico, no. 7 (bol7.htm) // [Электронный ресурс]. URL: <http://sala.clacso.org.ar>.

Rolla, Giancarlo. El Estado Autonómico. La experiencia española desde la óptica del regionalismo italiano. In BALAGUER, Maria Luisa (Ed). XXV aniversario de la Constitución Española. Propuestas de reformas. Servicio de publicaciones — Centro de Ediciones de la Diputación Provincial de Málaga (CEDMA), 2004.

Rudnicki A.A. The development of Russia's child protection and welfare system. Disponível em: <https://www2.gwu.edu/~ieresgwu/assets/docs/demokratizatsiya%20archive/GWASHU_DEMO_20_1/0M68882RR3WM363J/0M68882RR3WM363J.pdf>

Ruffia, Paolo Biscaretti di. Derecho constitucional. Madrid: Editorial Tecnos, 1987.

Salgado Cfr. G., Andino Gr.. Eslabón hacia la integración de Sudamérica, segunda edición, Quito, Universidad Andina Simón Bolívar, Sede Ecuador / Corporación Editora Nacional, 2007.

Salgado, Germánico. El Mercado Regional Latinoamericano: el proyecto y la realidad // Revista de la CEPAL (abril): Santiago de Chile. 1979.

Salgado, Germánico. Integración latinoamericana y apertura externa// Revista de la CEPAL. 1990. Nº 42 (diciembre).

Salgado, Germánico. La integración económica en países en desarrollo y la función de una planificación industrial conjunta // Nueva Sociedad. 1975. Nº. 17.

Saraiva J.B.C. Adolescente em conflito com a lei: da indiferença à proteção integral: uma abordagem sobre a responsabilidade penal juvenil. Porto Alegre: Livraria do Advogado, 2003.

Sarmiento, Daniel. O neoconstitucionalismo no Brasil: riscos e possibilidades. In: FELLET, André Luis Fernandes; PAULA, Daniel Gioti de; NOVELINO, Marcelo. *As novas faces do ativismo judicial*. Salvador: Juspodivm, 2011.

Savigny, Friedrich K. System des beutigen Römischen Rechts. V.I. 1840. Apud KARL, Larenz. *Metodologia da ciência do direito*. 2. ed. Lisboa: Fundação Calouste Gulbenkian, 1983.

Schwartz, Bernard. Direito Constitucional Americano. Rio de Janeiro: Forense, 1966.

Serbin, A. Regionalismo y soberanía nacional en América Latina: lecciones aprendidas y nuevos desafíos. Anuario Ceipaz, (4). 2011.

Slaibi Filho, Nagib. Breve história do controle de constitucionalidade. Nagib Slaibi Filho. Rio de Janeiro, ago. 2004. Disponível em: <http://www.nagib.net/artigos_texto.asp?tipo=2&area=1&id=40>.

Soresen, Georg. La transformación del Estado. Valência: Tirant Lo Blanch, 2010.

Souza, Celina. Federalismo, desenho constitucional e instituições federativas no Brasil pós-88. Revista de Sociologia e Política da Universidade Federal do Paraná. Curitiba, n. 24, 2005.

Souza, Nelson Oscar. Controle de Constitucionalidade — Do juízo de primeiro grau à Suprema Corte. Revista de Direito Constitucional e Internacional, vol. 38. São Paulo: RT, 2002.

Streck, Lenio Luiz. Hermenêutica jurídica e(m) crise: uma exploração hermenêutica da construção do Direito. Porto Alegre: Livraria do Advogado, 2011.

Streck, Lênio Luiz. Jurisdição constitucional e hermenêutica: uma nova crítica do direito. Porto Alegre: Livraria do Advogado, 2002.

Streck, Lenio. Neoconstitucionalismo e pós-positivismo. In: FERRAJOLI, Luigi; STRECK, Lenio; TRINDADE, André Karam. (org.). *Garantismo, hermenêutica e (neo)constitucionalismo*: um debate com Luigi Ferrajoli. Porto Alegre: Livraria do Advogado, 2012.

Tamames Ramón, Estructura Económica Internacional, Madrid, Alianza, 1999.

Tavares, André Ramos. Aporias acerca do condomínio legislativo no Brasil: uma análise a partir do STF. In: TAVARES, André Ramos, LEITE, George Salomão e SARLET, Ingo Wolfgang. Estado constitucional e organização do poder. São Paulo: Saraiva, 2010.

Una nueva etapa del Mercosur. <http://www.mercosur.org.uy>

Uruguai. Constitución de la Republica. Disponível em: http://www.oas.org/juridico/mla/sp/ury/sp_ury-int-text-const.html.

Véase Pinto, M. (2004). El derecho internacional: Vigencia y desafíos en un escenario globalizado. Mexico, D.F: Fondo de Cultura Económica.

Véase por ejemplo los casos explicados en Ribeiro, C. C. N. 2016.

Venezuela. Constitución de la República Bolivariana de Venezuela, 1999. Disponível em: <http://pdba.georgetown.edu/Parties/Venezuela/Leyes/constitucion.pdf>.

Vergottini, Giuseppe de. Derecho constitucional comparado. Traducción e introducción por Pablo Lucas Verdú. Madrid: Espasa-Calpe, 1985.

Watts, Ronald L. España: una federación multinacional encubierta? In: España y modelos de federalismo: Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, Cuadernos y Debates, nº 204, 2010.

Westin R.. Até 1927, crianças iam para a cadeia. Jornal do Senado. Brasília, terça-feira, 7 de julho de 2015. Disponível em: < <https://www12.senado.leg.br/institucional/arquivo/arquivos-pdf/ate-lei-de-1927-criancas-iam-para-a-cadeia>>.

Wionczek, Miguel S. 1964. La historia del Tratado de Montevideo // Integración de América Latina. Fondo de Cultura Económica / En Wionczek, M. (editor). 1964.

Wolfe, Christopher. La transformacion de la interpretacion constitucional. Tradução de: Maria Gracia Rubio de Casas y Sonsoles Valcácel. 1. ed. Madri: Civitas, 1991.

Wróblewski, Jerzy. Constitución y teoria general de la interpretación jurídica. Madrid: Editorial Civitas, 1985.

Y por último Malamud, A. El contexto del diálogo jurídico interamericano: fragmentación y diferenciación en sociedades más prosperas. Bogdandy, A. v., Fix-Fierro, H. y Morales Antoniazzi, M., coords., Ius Constitutionale Commune en América Latina. Rasgos, potencialidades y desafíos. México: UNAM. 2014.

Авдеев К.Е. Становление латиноамериканской цивилизации: социально-философский анализ. Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. М., 2010.

Аксенов А.Г. Договор международной купли-продажи товаров между субъектами предпринимательской деятельности стран СНГ. М., 2012.

Акулов Д.М. Региональная экономическая интеграция в сфере международного права // Материалы международной научно-практической конференции «Международный правопорядок в современном мире и роль России в его укреплении», посвященной 90-летию профессора Д.И. Фельдмана, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 11–12 октября 2012 г. / А. Абай, А.Х. Абашидзе, А.И. Абдуллин и др.; ред. колл. И.А. Тарханов, А.И. Абдуллин, Г.И. Курдюков, Р.Ш. Давлетгильдеев. М., 2014.

Анализ стратегий интеграционного сотрудничества (моделей реализации интеграционного потенциала) наиболее известных интеграционных объединений мира // Евразийская экономическая комиссия. М., 2014. С. 14.

Аречага Э.Х. де. Современное международное право. М., 1983.

Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993.

Астапов К.Л. Формирование единого экономического пространства в государствах — участниках СНГ // http://www.iep.ru/files/text/confer/2004_09_13-14/astapov_ru.pdf.

Бабкина Е.В., Лойша Д.Н., Михалева Т.Н., и др. Европейское право. Минск, 2015.

Баранова И.В. Исторические взгляды славянофилов: феномен общественно-политической мысли России середины XIX века и его социокультурные истоки: автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Орел, 2007.

Барис В.В. Тенденции и перспективы геополитического развития России на рубеже веков: автореф. дисс. ... докт. полит. наук. М., 2003.

Бахин С.В. Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2003.

Бевеликова Н.М. Развитие интеграционных процессов в Азии: правовой подход // Российский юридический журнал. 2014. № 1.

Беликова К.М. Институциональная структура и источники права ЕС и МЕРКОСУР: сравнительно-правовой аспект // Международное право и международные организации. 2013. № 1.

Белоусова О.В. Источники правового регулирования в рамках Европейского Союза: унификация международного частного права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2011. № 6.

Белоусова О.В. Унификация законодательства Европейского Союза в сфере международного частного права: аналитический обзор // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. № 2.

Бирюков М.М. Европейский союз, Европейская конституция и международное право. Саратов, 2006.

Бобровников А.В. Латинская Америка: новые вызовы и пути модернизации // Латинская Америка. 2005. № 10.

Богустов А.А. Проблемы взаимодействия модельного и национального гражданского законодательства стран СНГ // Российская юстиция. 2012. № 3.

Босовец С.М. Правовое регулирование интеграции между Беларусью, Казахстаном, Россией и Украиной: к вопросу о соотношении ЕврАзЭС и ЕЭП // Журнал международного права и международных отношений. 2009. № 2.

Бургете А.Р., Дерюгина А.В. Прогрессивные мыслители Латинской Америки (XIX — начало XX в.). М., 1965.

Бусурманов Ж.Д. Евразийская декларация прав человека и народов — поиск разрешения межцивилизационных противоречий // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 3.

Бусурманов Ж.Д. Евразийская Декларация прав человека и народов как ответ на новые вызовы современности // Право и государство. 2015. № 1.

Бусурманов Ж.Д. Евразийский экономический союз как новая гуманистическая ценность // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 4.

Бусурманов Ж.Д. Права человека через призму евразийства // <http://www.enu.kz/repository/repository2014/prava-cheloveka-cherez-prizmu.pdf>.

Быкова Е.В. О ратификации Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам // Российский судья. 2013. № 9.

Валеев Р.М., Курдюков Г.И. Международное право. Особенная часть. М., 2010.

Вахитов Р.Р. Труды классиков евразийства и ситуация с их републикацией. Официальный сайт интернет-библиотеки Nevmenandr.net. URL: <http://nevmenandr.net/>.

Ведель И.А., Безбородов Ю.С. Международно-правовое сотрудничество государств в сфере защиты прав граждан за рубежом и интеграционные процессы // Международное публичное и частное право. 2014. № 1.

Вилкова Н.Г. Межамериканская конвенция о праве, применимом к международным контрактам // Право и экономика. 1997. № 4. С. 62–66.

Власова Н.В. Правовые проблемы интеграции на евразийском пространстве в современных условиях // Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики / сборник тезисов по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня основания Южного федерального университета. Ростов н/Д.: Издательство Южного федерального университета, 2015. Т. 1.

Власова Н.В., Залоило М.В. Конкретизация положений директив ЕС в законодательстве государств-членов ЕС // Журнал зару-

бежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 5.

Вопросы и ответы по Соглашению о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Социалистической Республикой Вьетнам // http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Вопросы%20и%20ответы%20по%20Соглашению%20о%20свободной%20торговле%20между%20странами%20ЕАЭС%20и%20Вьетнамом.pdf.

Воробьев В.В. Этапы формирования Содружества Независимых Государств в 1990-е годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 34 (249).

Гинзбург Ю.В. Этапы экономической интеграции на постсоветском пространстве // Публично-правовые исследования (электронный журнал). 2014. № 3.

Глобализация и развитие законодательства: Очерки / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, А.С. Пилюкин. М., 2004.

Глоссарий юридических терминов евразийской и латиноамериканской интеграции: словарь-справочник / сост. Н.В. Власова, М.В. Залоило, О.В. Муратова, Е.Е. Рафалюк. М., 2017.

Гулевич В.А. Гноссеологические основы интеграции евразийского пространства // Международная конференция «Евразийский вектор развития: проблемы и перспективы». Официальный сайт журнала «Международная жизнь». URL: <https://interaffairs.ru/>.

Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.

Гумилев Л.Н. От Руси до России, М., 1992.

Давид Рене, Жоффре-Спинози Камилла. Основные правовые системы современности. М., 1999.

Демиева А.Г. Проблемы сближения законодательства о предпринимательской деятельности стран-участниц ЕАЭС // Наука и школа. 2017. № 1.

Довгань Е.Ф. Правовая природа права Европейского Союза // http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/5887/1/dovgan_2010_2_IL_issues.pdf.

Долгов С.И. Общее экономическое пространство — новый интеграционный формат в условиях глобализации // Российский внешнеэкономический вестник. 2010. № 9.

Доронина Н.Г. Гармонизация права как альтернатива наднациональности в правовом регулировании экономических отношений // Журнал российского права. 2013. № 10.

Доронина Н.Г. Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции // Журнал российского права. 1998. № 6.

Дроздова С.А. Таможенный Союз и Единое экономическое пространство — основа формирования Евразийского экономического союза // Таможенное дело. 2014. № 4.

Дроздова С.А. Таможенный Союз, Единое экономическое пространство, Евразийский экономический союз: историко-правовой аспект этапов интеграции // Таможенное дело. 2013. № 1.

Дугин А.Г. Мистерии Евразии. М., 1996.

Дугин А.Г. Основы геополитики. М., 1997.

Дугин А.Г. Основы Евразийства. М., 2002.

Дугин А.Г. Русская вещь в 2 т., М., 2001.

Дугин А.Г. Философия Политики. М., 2004.

Дьяченко Е.Б., Мысливский П.П., Нешатаева Т.Н. Евразийская интеграция: роль Суда / под ред. Т.Н. Нешатаевой. М.: Статут, 2015.

Евдокимов Л.В. Интеграционные процессы в андском регионе Латинской Америки: политический аспект: автореф. дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 2012.

Евразийская интеграция: роль Суда / под ред. Т.Н. Нешатаевой. М.: Статут, 2015.

Евразийская экономическая интеграция: цифры и факты. Библиотека евразийской интеграции. 2016.

Евразийский временник. Книга пятая. Париж, 1927.

Евразийский временник. Книга третья. Берлин, 1923.

Евразийский временник. Книга четвертая. Париж, 1925.

Евразийский экономический союз. Вопросы и ответы. Цифры и факты. М., 2014.

Ефремова Н.А. Международно-правовые механизмы регулирования экономической интеграции и суверенитет государства: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2010.

Жумабаева М.Е., Бородаев В.Е. Евразийский экономический союз: правовая характеристика // Международный правовой курьер. 2016. № 1.

Залоило М.В. Правовое пространство евразийских интеграционных объединений: история становления, современное состояние и тенденции развития // Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики: сб. тезисов по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня основания Южного федерального универ-

ситета. Ростов н/Д: Издательство Южного федерального университета, 2015. Т. 1.

Звеков В.П. Коллизии законов в международном частном праве. 2012.

Зинченко Н.Н. Региональные особенности правового регулирования процессов внешней трудовой миграции (на примере стран — участниц Содружества Независимых Государств) // *Lex russica*. 2013. № 9.

Зиядулаев Н.С. ЕАЭС: между политикой и экономикой // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 11.

Зыкин И.С. Гаагские принципы о выборе права к международным коммерческим договорам // Актуальные правовые аспекты современной практики международного коммерческого оборота: сб. статей / М.П. Бардина, В.В. Безбах, Г.Н. Буднева и др.; под общ. ред. А.С. Комарова. М.: Статут, 2016.

Иваненко С.В. Экономический механизм социалистической интеграции. Автореф. дисс. ... канд. эконом. наук. М., 1984.

Интеграционное правосудие: сущность и перспективы: монография / отв. ред. С.Ю. Кашкин. М., 2014.

Интеграционные процессы в Латинской Америке и перспективы участия в них России (Таможенного союза) // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. № 12.

Исполинов А. Договор о Евразийском Союзе как инструмент поражения в правах Суда ЕврАзЭС (часть 1) // https://zakon.ru/blog/2014/06/11/dogovor_o_evrazijskom_soyuze_kak_instrument_porazheniya_v_pravax_suda_evrazes_chast_1.

Исполинов А.С. Евразийское правосудие: от Суда Сообщества к Суду Союза // Государство и право. 2015. № 1.

Исэров А.А. Общественное мнение и становление внешней политики США в Латинской Америке, 1815–1829: автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 2006.

Калиш Я.В. Договор о Евразийском экономическом союзе // Обозреватель — Observer. 2014. № 12.

Каминская Н.В. Влияние глобализационных тенденций на становление региональных правовых систем // Международное право. 2014. № 2.

Капустин А. Я. Международные проблемы природы и действия права Европейского Союза: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001.

Капустин А.Я. Договор о Евразийском экономическом союзе — новая страница правового развития евразийской интеграции // Журнал российского права. 2014. № 12.

Капустин А.Я. Право Евразийского экономического союза: международно-правовой дискурс // Журнал российского права. 2015. № 11.

Каримов И.А. Узбекистан: национальная независимость, экономика, политика, идеология. Ташкент, 1996.

Карл Маркс. Капитал. Т. 1. М., 2016.

Касаткина Е.А. Роль Организации американских государств в антикубинской политике США в 1960–1970-е годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 9.

Касьянов Р.А., Торкунова Е.А. Обеспечение прав человека на постсоветском пространстве // Вестник МГИМО. 2015. № 5.

Каширкина А.А. Евразийский экономический союз: расширение границ и правовая реальность // Журнал российского права. 2016. № 11.

Каширкина А.А., Морозов А.Н. Международно-правовые модели Европейского союза и Таможенного союза: сравнительный анализ: монография / отв. ред. А.Я. Капустин. М., 2012.

Каширкина А.А., Морозов А.Н. Правовые аспекты интеграции на постсоветском пространстве в рамках ЕврАзЭС: проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2010. № 2.

Каширкина А.А., Морозов А.Н. Россия, Евразийский экономический союз и Всемирная торговая организация: Монография. М., 2014.

Каширкина А.А., Морозов А.Н. Формации правового развития евразийской интеграции и их влияние на правовую систему Российской Федерации // Журнал российского права. 2014. № 8.

Кашкин С.Ю. Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека. Отв. ред. Л.М. Энтин. М., 2008.

Кашкин С.Ю. Право Европейского союза. М., 2015.

Кашкин С.Ю., Четвериков А.О. Основы интеграционного права. М., 2014.

Кембаев Ж.М. Правовые аспекты экономической интеграции на постсоветском пространстве: проблемы и перспективы развития // Правоведение. 2007. № 3.

Кембаев Ж.М. Региональная интеграция в Евразии: основные признаки, проблемы и перспективы // Российский юридический журнал. 2016. № 2.

Кембаев Ж.М. Сравнительно-правовой анализ функционирования Суда Евразийского экономического союза // Международное правосудие. 2016. № 2.

Кириевский И.В. Полное собрание сочинений в двух томах, М., 1911.

Клюев П.А. Европейская интеграция и ее влияние на суверенитет государств — членов Европейского союза // Юридические науки. 2006. № 4.

Кнобель А.Ю. Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия // Вопросы экономики. 2015. № 3.

Кожеуров Я.С. Институты международного правосудия и право Евразийского экономического союза: «смотры правовых сил» // Российский юридический журнал. 2016. № 4.

Кожеуров Я.С. О международной правосубъектности индивида. [http:// www.msal.ru](http://www.msal.ru)

Кожеуров Я.С. Перспективы взаимоотношений Европейского Суда по правам человека и Евразийского экономического союза // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 11.

Козырин А.Н. Пределы наднационального регулирования в Едином экономическом пространстве ЕврАзЭС // Реформы и право. 2013. № 3.

Козырин А.Н. Приватизация в России: правовое измерение // Реформы и право. 2012. № 2.

Колосов Ю.М. К вопросу о примате международного права // Международное право в современном мире. М., 1991.

Костюнина Г.М. Международная экономическая интеграция (лекция). МГИМО (Университет) МИД РФ // <http://www.siriostudent.narod.ru/nnn.pdf>.

Кошкуль Д.В. Интеграционный компромисс стран южного конуса // Вестник Финансового университета. 2015. № 3.

Крысенкова Н.Б., Рафалюк Е.Е. Проблемы сравнительного правоведения в условиях интеграции государств // Журнал российского права. 2013. № 3.

Кузнецова И.С. Правосубъектность индивида в международном праве // <http://www.elib.bsu.by>.

Курс международного права. В 7 т. Т. 7. Международно-правовые формы интеграционных процессов в современном мире / М.П. Бардина, С.А. Войтович, Ю.М. Колосов и др. М., 1993.

Лебедев С.Н. Унификация правового регулирования международных хозяйственных отношений (некоторые общие вопросы) // Юридические аспекты осуществления внешнеэкономических связей: Труды кафедры международного частного и гражданского права МГИМО. М., 1979.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 55 томах. Т. 26. М., 1975.

Ливенцев Н.Н., Костюнина Г.М. Интеграция в Латинской Америке // Международная экономическая интеграция. М., 2006.

Лихачев А.Е. Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана: история, современный этап и перспективы развития // Российский внешнеэкономический вестник. 2010. № 6.

Лобер В.Л. Рост и укрепление региональных интеграционных структур в Западном полушарии // Проблемы региональной интеграции: политические, экономические и культурные процессы / под общ. ред. Ю.Н. Гаврилова, Л.О. Терновой. М., 2007.

Лотман Ю.М. Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова // Лермонтовский сборник. Спб., 1985.

Лукашенко А.Г. О судьбах нашей интеграции // Известия. 2011. 17 октября.

Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. М., 2007.

Лукиянова В.Ю. О формировании Единого экономического пространства // Журнал российского права. 2012. № 9.

Лукиянова В.Ю. О формировании Единого экономического пространства // Журнал российского права. 2012. № 9.

Мажорина М.В. Современные тенденции развития права международной торговли // Журнал российского права. 2014. № 4.

Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4.

Маковский А.Л. Вопросы теории международно-договорной унификации права и состав международного частного права //

Материалы Торгово-промышленной палаты СССР. Вып. 34., М., 1983.

Маковский А.Л. Об уроках реформирования Гражданского кодекса России // Вестник гражданского права. 2013. № 5.

Мальцева С.Е. Взаимосвязь политики и экономики в либеральной политической мысли Латинской Америки конца XX века: на примере трудов мыслителей Чили, Перу и Аргентины: автореф. дисс. ... канд. полит. наук. М., 2008.

Маргиев В.И. О некоторых особенностях внутреннего права Европейских сообществ // Правоведение. 1999. № 1.

Международное право: учебник / Б.М. Ашавский, М.М. Бирюков, В.Д. Бордунов и др.; отв. ред. С.А. Егоров. М.: Статут, 2015.

Международное частное право: учеб. пособие для бакалавров / отв. ред. Н.И. Марышева. М., 2012.

Международное частное право: учебник / отв. ред. Г.К. Дмитриева. М., 2010.

Международное частное право: учебник / отв. ред. Н.И. Марышева. 2010.

Международное частное право: учебник: в 2 т. / А.И. Абдуллин, Н.М. Артемьева, Д.В. Афанасьев и др.; под ред. С.Н. Лебедева, Е.В. Кабатовой. М., 2011. Т. 1: Общая часть.

Международно-правовые аспекты реализации интересов Российской Федерации в связи с формированием Единого экономического пространства: научное издание / Доронина Н.Г., Лукьянова В.Ю., Семилютин Н.Г., Тиунов О.И. М., 2012.

Международно-правовые основы создания и функционирования Евразийского экономического союза / К.А. Бекяшев и др. М., 2015.

Международные экономические отношения: учебник для вузов / Е.Ф. Жуков, Т.И. Капаева, Л.Т. Литвиненко и др.; под ред. проф. Е.Ф. Жукова. М., 2000.

Менглиев Ш.М. Объективная необходимость гармонизации правовых систем стран СНГ // Вестник международного коммерческого арбитража. 2012. № 2.

Меркосур и ЕАЭС обсуждают меморандум о взаимопонимании // <http://eurasiatx.com/mercosur-and-eeu-to-sign-a-cooperation-agreement-soon-2/?lang=ru>.

МЕРКОСУР приостанавливает членство Парагвая и принимает Венесуэлу // [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/world/20120629/688313037.html>.

Михайленко А.Н. Становление и развитие Содружества Независимых Государств: политический анализ: автореф. дисс. ... канд. полит. наук. М., 2003.

Модельные правила европейского частного права / пер. с англ.; науч. ред. Н.Ю. Рассказова. М., 2013.

Моисеев А. Демократия дала сбой в Парагвае // Международная жизнь. [Электронный ресурс]. URL: <http://ref.interaffairs.ru/read.php?item=8610>.

Морозов И.Л. Левый экстремизм как политический феномен второй половины XIX века — начала XXI веков: эволюция стратегии и тактики. Автореф. дисс. ... докт. полит. наук. Саратов, 2010.

Муратова О.В. Направления и пределы гармонизации частного права в условиях региональной экономической интеграции // Журнал российского права. 2015. № 12.

Муратова О.В. Проблемы унификации международного частного права в рамках СНГ и ЕврАзЭС и способы их решения на примере ЕС // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 4.

Муратова О.В. Унификация коллизионных норм международного частного права в Европейском Союзе // Российская юстиция. 2014. № 3.

На путях. Утверждение евразийцев. Книга 2. Берлин, 1922.

Назарбаев Н.А. Евразийский союз: от идеи к истории будущего // Известия. 2011. 25 октября.

Нарышкин С.Е., Хабриева Т.Я. К новому парламентскому измерению евразийской интеграции // Журнал российского права. 2012. № 8.

Обуховский В.В. Теории международной экономической интеграции // Экономика XXI века. 2007. № 1.

Олтеану О.М. Правовой механизм эволюции ЕЭС к наднациональным федеративным структурам // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1993. № 1.

Отдельные виды обязательств в международном частном праве / под ред. Н.Г. Дорониной, И.О. Хлестовой. М., 2014.

Перевалов В.Д. Взаимодействие правовых систем: теоретические аспекты // Российский юридический журнал. 2014. № 5.

Пименова О.И. Наднациональная правовая интеграция на евразийском пространстве: анализ реалий и оценка возможностей ис-

пользования опыта Европейского союза // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 5.

Подгусков В.Н. Механизмы формирования и технологии освоения интеграционных пространств в условиях глобализации. Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. М., 2010.

Поскониная О.И. История Латинской Америки (до XX века). М., 2005.

Постовалова Т.А. Право Европейского союза. Краткий курс. М.: Проспект, 2017.

Право интеграции и коммунитарное право. Официальный сайт Постоянного апелляционного суда МЕРКОСУР // <http://www.tprmercosur.org/es/index.htm>.

Правовое пространство и человек: монография / [Н.В. Власова, С.А. Грачева, М.А. Мещерякова и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Е.В. Пуляева, Н.И. Хлуденева]. М., 2012.

Правовые проблемы формирования межгосударственных объединений (на примере зоны свободной торговли и Таможенного союза ЕврАзЭС): Монография / под ред. В.Ю. Лукьяновой. М., 2012.

Правовые проблемы формирования межгосударственных объединений (на примере зоны свободной торговли и Таможенного союза ЕврАзЭС): монография / А.В. Габов, А.А. Каширкина, В.Ю. Лукьянова и др.; под ред. В.Ю. Лукьяновой. М.: Анкил, 2012.

Правосудие в современном мире: монография / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М., 2012.

Принципы Европейского договорного права / пер. А.Т. Амирова, Б.И. Пугинского // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2005. № 3, 4.

Принципы международных коммерческих договоров УНИД-РУА 2010 / Пер. с англ. А.С. Комарова. М., 2013.

Проблемы унификации международного частного права: монография / Н.В. Власова, Н.Г. Доронина, Т.П. Лазарева и др.; отв. ред. А.Л. Маковский, И.О. Хлестова. М.: ИЗиСП; Юриспруденция, 2012.

Проблемы унификации международного частного права: монография / отв. ред. А.Л. Маковский, И.О. Хлестова. М., 2012.

Пугинский Б.И. Коммерческое право России. М., 2000.

Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 октября.

Путь права требует разума, воли и ответственности. Интервью В.Д. Зорькина информационному агентству «Интерфакс» // <http://www.interfax.ru/interview/346291>.

Рафалюк Е.Е. Аксиологический подход в международном праве // Журнал российского права. 2015. № 10.

Рафалюк Е.Е. Интеграционные процессы: опыт России и Бразилии // Журнал российского права. 2013. № 12.

Рафалюк Е.Е. Международная интеграция: методологические проблемы исследования // Журнал российского права. 2014. № 3.

Рафалюк Е.Е. Унификация международного частного права в странах Латинской Америки: история и современность // Журнал российского права. 2010. № 5.

Рафалюк Е.Е., Залоило М.В., Власова Н.В. Опыт интеграции и гармонизации евразийского и латиноамериканского правового пространства: компаративный анализ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 6.

Рафалюк Е.Е., Залоило М.В., Власова Н.В. Понятия, виды и формы евразийского и латиноамериканского интеграционных объединений (сравнительно-правовой анализ) // Журнал российского права. 2016. № 1.

Рафалюк Е.Е., Залоило М.В., Власова Н.В. Правовые модели интеграционных объединений государств Евразии и Латинской Америки // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 2.

Рафаэль Альберто Патригнани. АЛКА и Меркосур в интеграционных процессах Латинской Америки. // Обозреватель — Observer. 2006. № 12.

Региональная интеграция государств Евразии и Латинской Америки: компаративный анализ: Сб. науч. статей. М.: , 2016.

Региональные интеграции государств Евразии и Латинской Америки: публично-правовые и частноправовые аспекты: монография / М.В. Залоило, Е.Е. Рафалюк, Н.В. Власова [и др.]. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: , 2016.

Россия и Латинство. Сборник статей. Берлин, 1923.

Рыжов В.Б. Международно-правовые модели региональной экономической интеграции (Европейский союз, МЕРКОСУР, ЕвразЭс) // Международное публичное и частное право. 2006. № 4.

Савицкий П.Н. Степь и оседлость. Официальный сайт интернет-библиотеки Nevmenandr.net. URL: <http://nevmenandr.net/>.

Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): Учебник / Под ред. В.А. Туманова. М., 2003.

Самович Ю.В. Право на обращение в Европейский суд по правам человека. М., 2016.

Сафиуллин Д. Статус Экономического суда Содружества Независимых Государств и юридическая сила его решений // Хозяйство и право. 1998. № 7.

Словарь международного права / Т.Г. Авдеева, В.В. Алешин, Б.М. Ашавский и др.; отв. ред. С.А. Егоров. М.: Статут, 2014.

Смоляков В.А. Политическое измерение экономической интеграции (сравнение европейской и восточноазиатской моделей) // Вестник ХГАЭП. 2010. № 3 (48).

Современное международное частное право в России и Евросоюзе: монография / под ред. М.М. Богуславского, А.Г. Лисицына-Светланова, А. Трунка. М., 2013. Кн. 1.

Соколова Н.А. Евразийская интеграция: возможности Суда Союза // Lex Russica. 2015. № 11.

Спартак А.Н. Развитие и международно-правовое регулирование процессов региональной экономической интеграции: новые тенденции и явления в начале XXI века // Российский экономический вестник. № 6.

Стрельников К.А. Правовая глобализация: основные тенденции // Юридический мир. 2008. № 10.

Струков К.В. Идея космополитизма европейской культуры в книге Н.С. Трубецкого «Европа и человечества» // Политика, государство и право. 2014. № 9.

Струков К.В. Теоретико-философские основы евразийской интеграции // Евразийский юридический журнал. 2016 № 8.

Тевелева В.Н. Интеграция правовых систем как форма сотрудничества государств // [электронный ресурс] http://media.miu.by/files/store/items/uses/xvii/mim_uses_xvii_31007.pdf

Тиунов О.И. Об особенностях развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве // Журнал российского права. 2012. № 8.

Толстых В.Л. Курс международного права. М., 2010.

Толстых В.Л. Функционализм: основные положения и критика // Российский юридический журнал. 2015. № 5.

Томсинов В.А. История русской политической и правовой мысли. X–XVIII века. М., 2003.

Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга седьмая. Париж, 1931.

Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана, М., 1999.

Унификация международного частного права в современном мире: сборник статей / под ред. И.О. Хлестовой. М., 2013.

Хабриева Т.Я. О правовых контурах и координатах евразийской интеграции // Проблемы современной экономики. 2013. № 3 (47).

Хейфец Б.А. Российский бизнес в странах ЕврАзЭС. Модернизационный аспект. М., 2011.

Чичкин А. Интеграционный потенциал СНГ еще даже не раскрыт, а не то что исчерпан // <http://www.ritmeurasia.org/news-2015-03-19--integracionnyj-potencial-sng-esche-dazhe-ne-raskryt-a-ne-to-chto-ischerpan-17150>.

Шабалов П. «Не сошлись характерами. Всеамериканской зоны свободной торговли пока не будет» // Труд. 2005. № 207.

Шапкина Г.С. Правовое регулирование поставок в рамках СНГ // Закон. 1995. № 6.

Шемякин Я.Г. Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. Автореф. дисс. ... докт. истор. наук. М., 2001.

Шибаета Е.А. Право международных организаций: Вопросы теории. М., 1986.

Шинкареца Г.Г. К вопросу об Экономическом суде Содружества Независимых Государств // Евразийский юридический журнал. 2009. № 7.

Шинкареца Г.Г. Суд СНГ — не судебное учреждение? // ЭЖ-Юрист. 2005. № 42.

Широков О.С. Исход к Востоку. Философия евразийства. М., 2008.

Шумилов В.М. Международное экономическое право. М., 2011.

Шумилов В.М., Боклан Д.С., Лифшиц И.М. Правовые новеллы Договора о Евразийском экономическом союзе // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 4.

Шумский В.Н. Юридическая сила актов высших органов Содружества Независимых Государств // Журнал российского права. 2006. № 7.

Щукин А.И. Вопросы подсудности в международных договорах с участием России: монография. Москва: Проспект, 2015.

Энтин М.Л. Суд Европейских сообществ: правовые формы обеспечения западноевропейской интеграции. М., 1987.

Энциклопедия юриста // <http://eyu.sci-lib.com/article0000664.html>.

Янков В.В. Глобализация в сфере публичного права: теоретико-методологический анализ: автореф. дис. ... к.ю.н. Ростов н/Д, 2009.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

1. Официальные Интернет-ресурсы интеграционных объединений

Официальный сайт Исполнительного комитета Содружества Независимых Государств <http://cis.minsk.by>.

Официальный сайт Андского сообщества www.comunidadandina.org.

Официальный сайт Меркосур <http://www.mercosur.int>.

Официальный сайт Европейского Союза <http://europa.eu>.

2. Официальные Интернет-ресурсы ЕАЭС

Сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org>.

Сайт Евразийской экономической комиссии <http://www.eurasian-commission.org>.

3. Правовые Интернет-ресурсы стран ЕАЭС

Национальный правовой Интернет портал Республики Беларусь <http://www.pravo.by>.

Официальный Интернет-портал правовой информации Российской Федерации <http://pravo.gov.ru>.

4. Официальные Интернет-ресурсы судебных органов интеграционных объединений

Официальный сайт Суда ЕАЭС <http://courteurasian.org>.

Официальный сайт Экономического суда СНГ <http://sudsng.org>.

Официальный сайт Суда Андского сообщества www.tribunalandino.org.ec.

Официальный сайт Постоянного апелляционного суда Меркосур <http://www.tprmercosur.org>.

Официальный сайт Центральноамериканского суда <http://portal.cscj.org.ni/CCJ2/Default.aspx?tabid=66>.

Официальный сайт Карибского суда <http://www.caribbean-courtforjustice.org/judgments-proceedings/original-jurisdiction-judgments>.

Официальный сайт Суда ЕС <http://curia.europa.eu>.

Научное издание

**РОЛЬ ЕВРАЗИЙСКОЙ
И ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ
ИНТЕГРАЦИИ
В РЕШЕНИИ ГЛОБАЛЬНЫХ И
РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ**

Сборник научных статей

Подписано в печать 25.12.2017. Формат 60×90/16.

Гарнитура Times. Бумага офсетная

Усл. печ. л. 12,13. Уч.-изд. л. 12,68.

Тираж 500 экз. (1-30). Заказ № 00000.

ООО «Издательский Центр ТЕКСТ»